

89
п70

ТЕРРИ

ПРАКТИК

Глобальный
МИР

ФАУСТ ЭРИК,

А ТАКЖЕ НОЧНАЯ СТРАЖА,
ВЕДЬМЫ И КОЭН-ВАРВАР

ЭКСМО

Терри Пратчетт родился в 1948 году и по-прежнему жив. Стоило ему начать свою карьеру обозревателя криминальной хроники в 1965 году, как уже через три часа на его горизонте появился первый труп. Обширная и разнообразная журналистская практика однажды привела его даже на должность пресс-атташе сразу четырех атомных электростанций.

В конце концов в 1987 году Терри все-таки сделал главный выбор в своей жизни, поняв, что придумывание книг для серии "Плоский мир" — занятие куда более приятное, нежели любая работа.

Вскоре эти книги начали появляться с завидной регулярностью, надежно оккупировав первые строчки списков бестселлеров.

В настоящее время Терри живет в Сомерсете вместе с женой Лин и дочерью Рианной, с трудом выкраивая время для написания книг из-за обильной переписки по e-mail. И тем не менее он твердо уверен, что избранная им профессия ему никогда не надоест.

МОБ Екатеринбург

105198

Плоский мир

18

ТЕРРИ

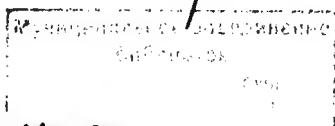
84(418)
П70

ПРАТЧЕТТ

~~ФАУСТ~~ЭРИК,

А ТАКЖЕ НОЧНАЯ СТРАЖА,
ВЕДЬМЫ И КОЭН-ВАРВАР

105888/1

Эксмо, Москва
Валери СПД, Санкт-Петербург

2003

Terry PRATCHETT

ERIC

Copyright © 1990 by Terry and Lyn Pratchett
Перевод И. Кравцовой под редакцией А. Жикаренцева

THE THEATRE OF CRUELTY

Copyright © 1993 by Terry and Lyn Pratchett
Перевод А. Жикаренцева

THE SEA AND LITTLE FISHES

Copyright © 1998 by Terry and Lyn Pratchett
Перевод А. Жикаренцева

THE TROLL BRIDGE

Copyright © 1998 by Terry and Lyn Pratchett
Перевод А. Жикаренцева

Серийное оформление художника И. Саукова

Серия основана в 2000 г.

В оформлении переплета использована работа
художника *Josh Kirby* с разрешения агентства
Thomas Schlick

П 68 Пратчетт Т. Эрик, а также Ночная Стража, ведьмы и Козн-
Варвар: Фантастические произведения / Пер. с
англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб: Валери СПД,
2003. — 320 с. (Серия «Плоский мир»).

ISBN 5-699-01697-X

Он вернулся! Нет, похоже, вы не поняли. ОН ВЕРНУЛСЯ!!! Он — это Ринсвинд, самый неудачливый волшебник на Диске. Правда, на сей раз куда больше не повезло Фугету Эрику, начинающему демонологу, который и вызвал к себе в магический круг ходячее воплощение всех бед и неприятностей Плоского мира.

В эпизодических ролях — Козн-Варвар (варвар), матушка Вет-ровоск (ведьма), а также Ночная Стража (полный комплект).

Впервые на русском языке!

УДК 820
ББК 84(4 Вел)

© И. Кравцова, А. Жикаренцев. Перевод. 2003
© ООО «Издательство «Эксмо». Издание
на русском языке. Оформление. 2003

ISBN 5-699-01697-X

~~МАУСТ~~

ЭРИК

Пчелы Смерти крупны и черны, они гудят мрачно и грозно и хранят свой мед в сотах, белых, будто алтарные свечи. Их мед черен, как ночь, тягуч, как грех, и сладок, как патока.

Всем известно, что если соединить вместе восемь цветов радуги, то получится белый цвет. Но всяк видящий знает: чернота также состоит из восьми цветов, и ульи Смерти стоят посреди черной травы, в черном саду, под древними, усыпанными черными цветами деревьями, которые какое-то время спустя покроются яблоками, и яблоки эти... скажем так, красными они не будут.

Траву только-только выкосили. Коса, проделавшая эту работу, была прислонена к корявому стволу груши. Смерть проверял свои ульи, осторожно поднимая соты костлявыми пальцами.

Несколько пчел раздраженно жужжали вокруг него. Подобно всем порядочным пчеловодам, Смерть носил на голове сетку. Не то чтобы пчелам было что или куда кусать, но иногда они

залетали к нему в череп и бились там, причиняя жуткую головную боль.

Но только он поднял соты навстречу серому свету, сияющему над его маленьким мирком меж реальностями, как земля едва уловимо вздрогнула. В улье поднялся рассерженный гул, с соседней яблони слетел листочек. Легкий порыв ветра пронесся через сад — это и было самое странное, ибо воздух в стране Смерти всегда остается теплым и неподвижным.

На один очень краткий миг Смерти почудилось, будто до него донеслись легкий топоток бегущих ног и голос, твердящий... нет, скорее голос, думающий: «Очерточерточерт, сейчас я умру умру УМРУ!»

Смерть был почти самым старым существом (ну хорошо, антропоморфической сущностью) во вселенной, и его привычки и образ мыслей были таковыми, что простой смертный не мог даже надеяться их понять. Но вместе с тем Смерть был хорошим пчеловодом, и поэтому, прежде чем как-то отреагировать на происшедшее, он аккуратно убрал соты обратно в улей и закрыл его крышкой.

Затем Смерть пересек темный сад, снял сетку, осторожно вытряхнул пару пчел, заблудившихся в глубинах черепа, вошел в дом и проследовал к себе в кабинет.

В тот самый момент, когда он садился за стол, по саду пронесся еще один порыв ветра, от ко-

торого задремезжали песочные жизнеизмерители на полках, а установленные в холле большие напольные часы с маятником на неуловимую долю мгновения прервали свою нескончаемую работу по разрезанию времени на удобоваримые кусочки.

Смерть вздохнул и сфокусировал свой взгляд.

Нет такого места, куда бы не мог отправиться Смерть, каким бы удаленным и опасным оно ни было. По сути дела, чем это место опаснее, тем больше вероятность, что Смерть его вскоре посетит.

И вот сейчас он пронизал своим взором туманы пространства и времени.

— А,— проговорил Смерть.— ЭТО ОПЯТЬ ОН.

В Анк-Морпорке, который в обычном своем состоянии был самым процветающим, самым шумным и, прежде всего, самым многолюдным городом на Плоском мире, стоял жаркий летний день. И лучам солнца удалось сделать то, чего не удалось бесчисленным захватчикам, нескольким гражданским войнам и закону о комендантском часе. Они принесли в город покой.

Собаки, тяжело дыша, лежали в обжигающей тени. Река Анк, которую, в принципе, никогда нельзя было назвать пенистой, сочилась

между берегами так, словно от этой жары выдохлась окончательно. Улицы были пустыми и раскаленными, как печные кирпичи.

Еще никто из врагов не смог захватить Анк-Морпорк. Ну, *формально-то* они это проделывали, и не раз. Город радостно приветствовал сорящих деньгами завоевателей-варваров, но всего через несколько дней захватчики вдруг с недоумением обнаруживали, что их собственные лошади им уже не принадлежат, а еще через пару месяцев недавние владельцы города превращались в очередное нацменьшинство со своей культурой настенных надписей и продовольственными магазинами.

Но жара осадила город и с триумфом преодолела его стены. Она накрывала дрожащие улицы, словно саван. Под небесной паяльной лампой наемные убийцы чувствовали себя слишком усталыми, чтобы убивать. Воров солнце превратило в честных людей. Обитатели уютной плющом цитадели Незримого Университета, ведущего учебного заведения Плоского мира для волшебников, дремали, надвинув на лица остроконечные шляпы. Навозные мухи, и те были чересчур утомлены, чтобы биться о стекло. Город вкушал полуденный отдых, ожидая заката и облегчения, которое приносила краткая жаркая, бархатистая ночь.

И только библиотекарь чувствовал себя отлично. Висел себе и радостно раскачивался на кольцах.

К жару он подготовился заранее, натянув несколько веревок в одном из подвалов библиотеки Незримого Университета — а именно в том, где хранились, гм, всякие эротические* книжки. Чаны с колотым льдом приятно курились холодными испарениями. В этих-то облаках и витал библиотекарь.

Все магические книги без исключения обладают собственной жизнью. Некоторые из них, отличающиеся по-настоящему мощной энергетикой, недостаточно просто приковать к книжной полке; их приходится прибивать гвоздями или зажимать между стальными пластинами. Или (как в случае с книгами по магии тантрического секса, рассчитанными на серьезных знатоков) помещать под очень холодную воду, дабы они не воспламенились и не опалили свои строги, без рисунков, переплеты.

Библиотекарь тихонько покачивался взад-вперед и мирно подремывал.

Но потом неизвестно откуда возник топоток, который консервным ножом вскрыл библиотечную тишину. Кто-то неизвестный промчался через залу, проник сквозь стену и исчез. Откуда-то издалека донесся слабый вскрик: «Обоги-обогиобоги, это ОНО, я сейчас УМРУ!»

* Обыкновенные эротические книжки. Никаких извращений. Какое различие? Ну, можно использовать перышко, а можно — цыпленка.

Библиотекарь проснулся, не удержался на веревке и плюхнулся в тепловатую воду, несколько дюймов которой были единственной преградой, отделяющей «Прелести Тантрического Секса + Иллюстрации Для Двинутого Изучения» (автор — Анонимка) от спонтанного возгорания.

Будь библиотекарь человеком, ему пришлось бы туговато. Но, к счастью, в данный момент он являлся орангутаном. В библиотеке было собрано такое количество сырой магии, что было бы удивительно, если бы время от времени там не происходили несчастные случаи. Один особенно впечатляющий несчастный случай превратил библиотекаря в человекообразную обезьяну. Мало кому из людей удастся распрощаться с человеческой расой и остаться при этом в живых, и библиотекарь стойко сопротивлялся всем попыткам вернуть его в прежнее состояние. Поскольку он был единственным библиотекарем во всей множественной вселенной, который мог снимать книги с полок не только руками, но и ногами, Университет настаивать не стал.

Также это означало, что в представлении библиотекаря наиболее желанное существо женского пола выглядело примерно как мешок с маслом, пропущенный через рулон старых автомобильных камер. Так что ему повезло — он отделался всего лишь легкими ожогами, головной болью и довольно двусмысленными чувствами по отношению к обветренным огурцам.

А этажом выше невидимый бегун промчался прямо сквозь книжные полки — стоящие на них гримуары закрипели переплетами и изумленно зашелестели страницами — и исчез, или, точнее, исчез еще больше...

Анк-Морпорк медленно выходил из своей дремоты. Что-то невидимое и вопящее во всю глотку несло по его кварталам, оставляя за собой бедлам и разруху. Там, где оно появлялось, вещи становились другими.

Одна живущая на улице Искусных Умельцев гадалка, после того как топоток промчался через ее спальню, обнаружила, что старый добрый хрустальный шар превратился вдруг в маленькую стеклянную сферу с домиком внутри и снежинками.

А в «Залатанном Барабане», где как раз собрались знаменитые искательницы приключений Херрена—Хладнокровная Холера, Рыжая Шэррон и Диома, Ночная Ведьма, дабы обменяться женскими сплетнями и перекинуться в «дуркера», все напитки превратились в маленьких желтых слонов.

— Это все университетские волшебники, — оправдывался трактирщик, торопливо заменяя стаканы. — Совсем страх потеряли. Нельзя ж такое допускать...

Часы родили полночь.

Члены Волшебного Совета потеряли глаза и уставились друг на друга затуманенными взглядами. Они тоже считали, что такие вещи допускать нельзя, в особенности потому, что это не они их допускали.

Наконец Эзролит Черн, новый аркканцлер Незримого Университета, подавил зевок, выпрямился в кресле и попытался принять подходящий случаю авторитетный вид. Черн сам понимал, что сделан не из того теста, из которого выходят настоящие аркканцлеры. Его вовсе не преследовало неутолимое желание заполучить эту должность. Черну было девяносто восемь лет, и он достиг этого почтенного возраста именно благодаря тому, что старательно избегал ситуаций, в которых мог представлять для кого-нибудь помеху или угрозу. А еще Черн надеялся провести закат своих дней, работая над завершением своего семитомного труда «Некоторые Малоизвестные Аспекты Куйянских Ритуалов Взывания Дождя». По его мнению, данная тема была идеальной для академических исследований, поскольку вышеупомянутые ритуалы действовали только на Ку, а данный континент погрузился в океанские пучины еще несколько тысяч лет назад*. Но беда была в том, что в по-

* На то, чтобы полностью скрыться под волнами, у него ушло целых тридцать лет. Жители Ку провели уйму времени, шлепая по воде. Эта катастрофа вошла в историю как самая позорная гибель континента во всей множественной вселенной.

следние годы средняя продолжительность жизни аркканцлеров резко выросла и естественное стремление всех волшебников занять этот пост уступило место крайне необычной склонности вежливо держаться в тени. В одно прекрасное утро Черн спустился к завтраку и обнаружил, что все величают его не иначе как «сир». Только много дней спустя он выяснил истинную причину этой перемены.

А сейчас у Черна болела голова. Он чувствовал себя так, будто ему следовало лечь спать еще несколько недель назад. Но нужно было как-то отреагировать на происходящее.

— Господа... — начал он.

— У-ук.

— Да, да, извини, а также обезь...

— У-ук.

— Разумеется, я имел в виду приматов...

— У-ук.

Некоторое время аркканцлер молча открывал и закрывал рот, пытаясь направить свои мысли в нужное русло. Согласно университетским законам, библиотекарь являлся членом Волшебного Совета. Никому так и не удалось отыскать правило, которое запрещало бы орангутанам участвовать в заседаниях, хотя волшебники потратили на поиски немало времени и до сих пор украдкой навещали библиотеку.

— Кто-то явился с того света, — наконец объявил аркканцлер. — Возможно, это какой-то

призрак. Нам срочно нужны колокол, книга и свеча.

Казначей вздохнул.

— Мы уже пробовали это, аркканцлер.

— Что-что? — наклонившись к нему, переспросил Черн.

— Я сказал, мы это уже пробовали! — громко повторил казначей прямо в ухо аркканцлеру. — Сразу после обеда, помните? Мы еще использовали «Муравьев Поиминнованных» Горбонрава и звонили в Старого Тома*.

— Да неужели? И как, помогло?

— Нет, аркканцлер.

— Что-что?

— Да и кроме того, раньше у нас неприятностей с призраками не случалось, — заметил декан. — Волшебники с того света не возвращаются.

— Что ж, — радостно возвестил аркканцлер, хватаясь за этот довод как за спасительную соломинку, — возможно, это было что-нибудь совершенно естественное. Журчание какого-нибудь подземного ручейка, например. Движение Диска... Или просто печные трубы засорились. Знаете, они ведь могут издавать очень странные

* Старый Том был треснувшим бронзовым колоколом, одиноко висящим на университетской колокольне. Свой язык он потерял практически сразу после отливки, но по-прежнему отмечал каждый час потрясающе звучным и внушительным молчанием.

звуки, эти печные трубы... Особенно когда ветер дует в соответствующем направлении.

Он откинулся на спинку кресла и одарил всех сияющей улыбкой.

Остальные члены Волшебного Совета обменялись многозначительными взглядами.

— Аркканцлер, звуки, доносящиеся из печных труб, уж никак не похожи на топот бегущих ног, — устало сказал казначей.

— А может, это где-нибудь из крана капает? — предположил декан.

Казначей смерил его хмурым взглядом. Он был именно в ванной, когда через его комнату пронеслось невидимое вопящее нечто. Это впечатление было не из тех, которые жаждешь испытать снова.

Аркканцлер кивнул декану и, проговорив: «Ну, тогда, значит, все улажено», снова задремал.

Казначей какое-то время молча смотрел на Черна, а потом снял со старика шляпу и осторожно подложил ему под голову.

— Ну? — утомленно спросил он. — У кого-нибудь есть предложения?

Библиотекарь поднял руку и сказал:

— У-ук.

— Да, молодец, умница, — рассеянно отозвался казначей. — Еще кто-нибудь выступит?

Орангутан свирепо воззрился на него. Другие волшебники покачали головами.

— Это дрожь в структуре реальности, — высказал догадку декан. — Да, именно дрожь.

— И что нам с нею делать?

— Понятия не имею. Можно, конечно, прибегнуть к старому доброму...

— О нет, — возразил казначей. — Только не это. Слишком опасно...

Его слова прервал вопль, который начался в дальнем конце комнаты, а затем, расширяясь, прокатился вдоль стола, сопровождаемый топотом бегущих ног. Волшебники, опрокидывая стулья, бросились в стороны.

Пламя свечей вытянулось в длинные тонкие язычки октаринового света и погасло.

А потом наступила тишина, та особая тишина, которая наступает после действительно неприятного шума.

— Ну хорошо, сдаюсь, — наконец промолвил казначей. — Мы *попробуем* прибегнуть к Обряду АшкЭнте.

Обряд АшкЭнте — это самый серьезный ритуал из тех, что могут провести восемь волшебников. Он служит для вызова Смерти, самой осведомленной сущности во всей вселенной.

Однако волшебники прибегают к этому обряду с крайней неохотой, и это понятно, ведь те из них, кто достиг высшей ступеньки иерархии, обычно очень стары и предпочитают лишний раз не привлекать к себе внимание Смерти.

Обряд проходил в полночь в Главном зале Университета среди огромного количества благоговонных пирамидок, подсвечников, рунических надписей и магических кругов. Строго говоря, все эти детали были совсем не обязательны — просто с ними *приятнее*. Полыхнула магия, заклинания были прочитаны, чары должным образом наложены.

Волшебники смотрели на магическую октограмму, но она по-прежнему оставалась пустой. Какое-то время спустя стоящие кружком фигуры в мантиях начали тихонько переговариваться друг с другом.

— Наверное, мы что-то сделали не так.

— У-ук.

— А если его нет дома?

— Или он занят?..

— Как думаешь, может, стоит завязывать с этим делом и идти спать?

— А КОГО, СОБСТВЕННО, ВЫ ЖДЕТЕ?

Казначей медленно повернулся к стоящей рядом фигуре. Мантию волшебника всегда можно отличить: она украшена блестками, всяческими оккультными символами, мехом и кружевами, а внутри ее обычно находится различных размеров волшебник. Однако данная мантия была очень черной, и ее материал, казалось, был выбран за свою долговечность. То же самое можно было сказать и о владельце мантии, который выглядел так, что, напиши он

книгу о похудании, она стала бы гигантским бестселлером.

Смерть разглядывал октограмму с выражением вежливого интереса на лице.

— Э-э... — проговорил казначей. — Понимаешь ли... дело в том, что... э-э... по-моему... ты должен находиться *внутри*...

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

Смерть с достоинством проследовал в центр октограммы и выжидающе посмотрел на казначея.

— НАДЕЮСЬ, МЫ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕМ ЗАВОДИТЬ СТАРУЮ ПЕСНЮ НАСЧЕТ «МЕРЗКОГО ВРАГА РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО»?

— Мы случайно ни от чего тебя не оторвали? Может, у тебя дела какие?.. — вежливо осведомился казначей.

— ВСЯ МОЯ РАБОТА ВАЖНА, — ответил Смерть.

— Естественно, — поддакнул казначей.

— МЕНЯ ВСЕГДА КТО-ТО ЖДЕТ.

— Э-э... Э-э... Видишь ли, о мерз... господин, причина, по которой мы призвали тебя сюда... состоит в причине...

— ЭТО РИНСВИНД.

— Что?

— ПРИЧИНА, ПО КОТОРОЙ ВЫ ВЫЗВАЛИ МЕНЯ. ВОТ ВАМ ОТВЕТ: ЭТО РИНСВИНД.

— Но мы ведь еще не задали вопрос!

— И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ МОЙ ОТВЕТ — РИН-СВИНД.

— Послушай, мы просто хотим знать, что именно стало причиной всей этой... О-о.

Смерть демонстративно смахнул с лезвия своей косы какую-то невидимую пылинку.

Аркканцлер приставил к уху корявую ладонь.

— Что он там говорит? И вообще, кто этот парень с палкой?

— Это Смерть, аркканцлер, — терпеливо объяснил казначей.

— Что-что?

— Это Смерть, сир. Уж его-то ты должен знать.

— Передай ему, чтобы убирался прочь! Здесь для него жатвы нет! — воскликнул старый волшебник, размахивая своим посохом.

Казначей вздохнул.

— Мы сами его вызвали, аркканцлер.

— Да? С чего бы это? Чертовски глупый поступок.

Казначей смущенно ухмыльнулся Смерти и хотел было попросить прощения: аркканцлер уже в преклонных летах и так далее, — но понял, что в данных обстоятельствах это будет совершенно напрасным.

— Мы говорим о волшебнике Ринсвинде? О том самом, у которого был... — казначей содрогнулся, — жуткий Сундук на ножках? Но он же

бесследно сгинул во время той заварушки с чудесником!*

— ОН ПОПАЛ В ПОДЗЕМЕЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ. А ТЕПЕРЬ ПЫТАЕТСЯ ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО.

— И он способен на такое?

— НУ, ТУТ ПОТРЕБУЕТСЯ ОЧЕНЬ НЕОБЫЧНОЕ СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. РЕАЛЬНОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ОСЛАБЛЕНА НЕКОТОРЫМ НЕОЖИДАННЫМ СПОСОБОМ.

— Но ведь этого не произойдет? — с беспокойством уточнил казначей.

Люди, которые, согласно официальным данным, в течение двух месяцев гостили у своей те-

* Казначей намекал на одно неприятное событие, во время которого Университет едва не стал причиной конца света — и на самом деле стал бы ею, если бы не цепь событий, в которых участвовали Ринсвинд, ковер-самолет и половинка кирпича в носке (см. «Посох и шляпа»). А вообще, вся эта история вызывала у волшебников огромное смущение — так всегда бывает с людьми, которые внезапно обнаруживают, что выступали не на той стороне**. Просто удивительно, сколько членов старшего преподавательского состава утверждали теперь с пеной у рта, что в данный период они были больны, навещали свою тетушку или занимались исследованиями за закрытой дверью, громко напевая при этом, вследствие чего не имели ни малейшего представления, что происходит снаружи. Одно время поговаривали, что Ринсвинду следовало бы поставить памятник, но по причине той любопытной алхимии, которая обычно действует в подобных щекотливых вопросах, памятник очень быстро превратился в мемориальную доску, затем — в иконографию на университетской Доске Почета и, наконец, в выговор за появление на рабочем месте в неподобающей форме одежды.

** То есть на той, которая проиграла.

тушки, больше всего на свете боятся, что вдруг, откуда ни возьмись, объявится некий человек, который будет ошибочно считать, что это совсем не так, ведь этот человек вследствие какой-то оптической иллюзии думает, будто бы собственными глазами видел, как они совершают вещи, совершать которые они просто не могли (поскольку были у тетушки).

— ОДИН ШАНС НА МИЛЛИОН, — ответил Смерть. — У НЕГО ЕСТЬ РОВНО ОДИН ШАНС НА МИЛЛИОН.

— О-о, — с неимоверным облегчением произнес казначей. — Слава богам! Вернее, какая жалость! — Он заметно приободрился. — Конечно, эти его вопли, они очень беспокоят нас... Но он ведь долго не протянет, да? К нашему огромному сожалению, разумеется.

— МОЖЕТ, И ТАК, — вежливо откликнулся Смерть. — САМО СОВОЙ, Я МОГУ ОТВЕТИТЬ БОЛЕЕ ОПРЕДЕЛЕННО, ОДНАКО ВРЯД ЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ, ЧТОБЫ У МЕНЯ ВОШЛО В ПРИВЫЧКУ ВЫНОСИТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ В ДАННОЙ ОБЛАСТИ.

— Что ты, что ты, не беспокойся! — торопливо забормотал казначей. — Вот и ладненько. Что ж, огромное спасибо. Бедняга Ринсвинд. Вот ведь жалость... Однако мы ничего не можем поделать. Наверное, стоит относиться к подобным вещам философски.

— ВОЗМОЖНО.

— Не будем тебя больше задерживать, — раскланялся казначей.

— СПАСИБО.

— До свидания.

— ЕЩЕ УВИДИМСЯ.

Вопли прекратились еще до завтрака, но единственным, кто расстроился по этому поводу, был библиотекарь. Ринсвинд был его помощником и другом и никогда не отказывался очистить ему банан. А еще он как никто другой умел «делать ноги». Поймать Ринсвинда было очень нелегко.

Однако было и другое объяснение тому, почему суматоха вдруг улеглась.

Может, имело место то самое необычное стечение обстоятельств, о котором упомянул Смерть?

И необычное стечение обстоятельств действительно имело место.

Один шанс на миллион сработал — как всегда. Дело все в том, что как раз в тот момент кое-кто кое-что замыслил и подыскивал себе нужный инструмент.

И ему под руку подвернулся Ринсвинд.

Совершенно идиотское стечение обстоятельств.

Итак, Ринсвинд открыл глаза. Над ним был потолок. Если же все-таки это пол, то он серьезно влип.

Но пока все нормально...

Он осторожно ощупал поверхность, на которой лежал. Она была шероховатой — читай, деревянной, — с редкими дырками от гвоздей. *Нормальная человеческая поверхность.*

Его уши уловили потрескивание огня и какой-то булькающий звук, исходящий из неизвестного источника.

Нос, которому показалось, что его оставили не у дел, поторопился доложить о витающем в воздухе запахе серы.

Ладно. Ну и что он, Ринсвинд, может из всего этого вынести? Он лежит на грубом деревянном полу в освещенной огнем комнате, в которой что-то булькает и испускает запах серы. Ринсвинд, пребывающий сейчас в несколько отрешенном, дремотном состоянии, был очень доволен результатами этого дедуктивного процесса.

Так, что еще?

Ах да...

Он открыл рот и заорал. Он вопил, вопил и вопил.

Стало чуточку лучше.

Ринсвинд полежал еще немного. Сквозь ворох завалавшего его памяти хлама проглянуло воспоминание о том, как он, будучи еще совсем маленьким мальчиком, лежал по утрам в постели, разделяя проходящее время на все более крошечные кусочки, дабы оттянуть тот ужасный миг, когда ему придется встать и на-

чать разбираться с жизненными проблемами — такими как: кто он, где он и почему.

— Кто ты такой? — спросил какой-то голос, раздавшийся на самой границе его сознания.

— Гм, я как раз подошел к этому вопросу, — пробормотал Ринсвинд.

Он приподнялся на локтях, и комната, чуть покачавшись, понемногу приобрела четкие очертания.

— Предупреждаю, — продолжал голос, который, похоже, доносился из-за стола, — меня защищает множество могущественных амулетов.

— Замечательно, — отозвался Ринсвинд. — Хотел бы я сказать то же самое о себе.

Он начал различать отдельные детали. Это была длинная комната с низким потолком, один конец которой был целиком занят огромным камином. Вдоль одной из стен тянулась лавка с разнообразной стеклянной посудой, по-видимому изготовленной пьяным и к тому же страдающим икотой стеклодувом. За причудливыми изгибами стекла пенилась и пузырилась разноцветная жидкость. С вбитого в потолок крюка расслабленно свисал скелет. Рядом из стены торчала жердочка, к которой кто-то прибил птичье чучело. Какие бы грехи ни совершила эта птица при жизни, она всяко не заслуживала того, что сделал с ней таксидермист.

Потом взгляд Ринсвинда упал на пол. Правда, до его взгляда туда падало много чего еще.

И только вокруг волшебника кто-то разгреб осколки разбитого стекла и перевернутые реторты, освобождая место для...

Магического круга.

Круг был нарисован очень тщательно. Тот, кто водил мелом по полу, был хорошо осведомлен о том, что истинная цель этого круга — разделить вселенную на две части: внутри и снаружи.

Ринсвинд, разумеется, был внутри.

— А-а,— сказал он, ощущая, как его захлестывает знакомое и почти утешительное чувство беспомощности.

— Наказываю и приказываю тебе, о демон из бездны, дабы ты воздержался от каких-либо агрессивных поступков,— отозвался голос, исходящий, как понял теперь Ринсвинд, *из-под* стола.

— Прекрасно, прекрасно,— быстро согласился волшебник. — Я не против. Э-э... Но слушай, тут случайно не вкралась такая *малюсенькая* ошибка, а?

— Изыди!

— Хорошо! — Ринсвинд в отчаянии оглянулся по сторонам. — Но как?

— Не думай, что своим лживым языком ты сумеешь заманить меня навстречу моей верной гибели, о приспешник Шамгарота, — предупредил стол. — Я вельми сведущ в обычаях демонов. Повинуйся всем моим повелениям, не то я ввергну тебя обратно в пламень адский, из

которого ты появился. Извини, лучше сказать, грядеши. Точнее, грядешь еси. И я это серьезно.

Говоривший наконец вылез из-под стола. Он был невысок, и большая часть его тела была скрыта под разнообразными амулетами и талисманами, которые, даже будь они бессильны против магии, без труда защитили бы своего владельца от удара мечом. На человечке были очки и шляпа с длинными клапанами по бокам, что делало его похожим на близорукого спаниеля.

В одной дрожащей руке он держал меч, на котором было выгравировано такое количество оккультных символов, что лезвие его чуть не гнулось под этим весом.

— Кажется, ты упомянул пламень адский, или мне показалось? — слабо переспросил Ринсвинд.

— Вот именно. Где вопли терзаемых, подвергаемых всяческим истязаниям...

— Да-да, я тебя понял, — перебил его Ринсвинд. — Только, видишь ли, дело в том, что я совсем не демон. Так что, может, ты просто выпустишь меня отсюда и мы пойдем каждый своей дорогой?

— Воистину глаголю, не обманет меня внешний облик твой, демон, — возразил незнакомец, а потом уже более нормальным голосом добавил: — К тому же демоны всегда врут. Это хорошо известный факт.

— Правда? — откликнулся Ринсвинд, с радостью хватаясь за эту соломинку. — Что ж, в таком случае я — демон.

— Ага! Признание из собственных уст!

— Послушай, я не собираюсь с этим мириться, — возмутился Ринсвинд. — Я понятия не имею, кто ты и что происходит, но мне очень нужно выпить, понял?

Он шагнул вперед, намереваясь выйти из круга, и буквально остолбенел, когда рой потрескивающих искр, вылетевших из рунических надписей, впился в его тело.

— Да не посмеешь... не посмешь... не посмеюти... — Так и не найдя нужного слова, заклинатель демонов наконец сдался: — В общем, ты не сможешь выйти за круг, пока я тебя не освобожу. Я вовсе не хочу показаться нелюбезным, но если я выпущу тебя из круга, ты сразу примешь свой истинный облик, и, полагаю, облик этот будет совершенно ужасным. Изыди! — добавил он, чувствуя, что взял не тот тон.

— Ну хорошо, исхожу, исхожу, — мирно откликнулся Ринсвинд, потирая локоть. — Но все же я не демон.

— Тогда как вышло, что ты явился по моему вызову? Или ты просто шел мимо через паранормальные измерения?

— Думаю, что-то в этом роде. Долгая история, и запутанная к тому же.

— Попробуй какую-нибудь другую шутку, у этой уже выросла борода.

Заклинатель прислонил меч к кафедре, на которой лежала толстенная, оцетинившаяся закладками открытая книга, и исполнил короткую безумную джигу, громко выкрикивая:

— Получилось! Хе-хе! Получилось!

Поймав на себе полный ужаса взгляд Ринсвинда, он взял себя в руки и, смущенно кашлянув, подошел к кафедре.

— Слушай, я правда не... — начал волшебник.

— Где-то тут у меня был список... — задумчиво проговорил заклинатель. — Ну-ка, посмотрим. Ах да. Я приказываю тебе — в смысле, аз повелевам — э-э, исполнить три моих желания. Да. Я хочу властвовать над всеми царствами земными, хочу встретить самую красивую женщину из всех, какие когда-либо жили в этом мире, и желаю жить вечно.

Он одарил Ринсвинда подбадривающим взглядом.

— Всего-то? — переспросил волшебник.

— Да.

— О, нет проблем, — саркастически промолвил Ринсвинд. — И потом весь остаток дня я буду свободен?

— А еще я хочу сундук с золотом. Но это так, в придачу.

— Вижу, ты как следует все обдумал.

— Да. Изыди!

— Хорошо, хорошо. Вот только... — Ринсвинд торопливо сообщал: «Он безумен, но у

этого безумца в руках меч, и единственный шанс уболтать его — это начать разговаривать с ним на его же языке». — Вот только, понимаешь, я демон не очень высокого ранга, и, боюсь, такие поручения мне не по плечу, извини. Ты можешь сколько хочешь исходить меня, но это просто выше моих возможностей.

Человечек глянул на него поверх очков и брюзгливо проговорил:

— Понятно... И каковы же тогда твои возможности?

— Ну, э-э... — ответил Ринсвинд. — Полагаю, я мог бы сбегать в лавку и принести тебе пакет мятных леденцов или что-нибудь в этом роде.

Наступило долгое молчание.

— Ты правда не можешь исполнить мои желания?

— Извини. Послушай, вот что я тебе скажу. Ты меня отпусти, а я обязательно дам знать кому надо. Ну, когда вернусь в... — Ринсвинд заколебался. Где, черт возьми, живут демоны? — В Город Демонов, — с надеждой предположил он.

— Ты имеешь в виду Пандемониум? — подозрительно переспросил похититель.

— Да. Точно. Именно его. Так вот, я всем строго-настрого накажу, чтобы в следующий раз, когда они окажутся в реальном мире, непременно заглянули к... кстати, как тебя зовут?

— Турсли. Эрик Турсли.

— Отлично.

— Демонолог. Навозный переулок, Псевдополис. Рядом с красильней,— с оптимизмом подсказал Турсли.

— Замечательно. В общем, не беспокойся. А теперь ты, может, выпустишь меня?..

Лицо Турсли вытянулось.

— Ты уверен, что действительно не можешь исполнить мои желания? — спросил он. Ринсвинд заметил, что в голосе демолога появились умоляющие нотки. — Я бы согласился даже на маленький сундук с золотом. И хочу сказать, это не обязательно должна быть самая красивая женщина в мире. Вторая по красоте сойдет. Или третья. В общем, можешь выбрать любую из верхней сот... тысячи. Ну, типа, то, что есть в наличии.

К концу этой краткой речи голос Турсли уже звенел от страстного желания.

Ринсвинду очень хотелось сказать ему: «Послушай, что тебе действительно нужно, так это бросить возиться со всякими химикалиями в темных комнатах, побриться, подстричься, принять ванну (лучше *дважды*), обновить гардероб и выйти вечером погулять, и тогда... — Но придется быть честным, поскольку даже вымытый, побритый и залитый лосьоном Турсли вряд ли мог рассчитывать на какие-либо призы... — И тогда ты сможешь получить пощечину от любой женщины на выбор.

Да, разумеется, это не так уж и много, но какой-никакой, а физический контакт».

— Увы,— пожал плечами Ринсвинд.

Турсли вздохнул.

— Там чайник греется. Чайку не хочешь?

Ринсвинд шагнул вперед, но вокруг него тут же затрещали искры.

— Э-э...— неуверенно проговорил Турсли, глядя на посасывающего пальцы волшебника,— знаешь что, наложу-ка я на тебя удерживающее заклятие.

— Уверяю, в этом нет никакой нужды...

— Нет-нет, так будет лучше. Зато ты сможешь свободно передвигаться. К тому же я все равно приготовил его заранее — на тот случай, если ты сможешь пойти и привести, ну, знаешь, ее.

— Давай свое заклинание,— отозвался Ринсвинд.

«Ноги. Дверь. Лестница,— думал он, пока демонолог бормотал себе под нос какие-то слова из книги.— Какое замечательное сочетание...»

Ринсвинду вдруг показалось, что в этом человечке есть что-то не совсем обычное, но он никак не мог понять, что именно. Турсли выглядел в точности как те демонологи, которых Ринсвинд знал в Анк-Морпорке,— все они были сгорбленными, с кучей пятен от реактивов и со зрачками, сузившимися от всяких химических испарений до размеров булавочной

головки. Турсли вполне вписывался в общую картину. Но было в нем что-то не то...

— Если быть совсем честным, — признался Турсли, усердно стирая часть круга, — ты мой первый демон. Раньше у меня ничего не получалось. Как тебя зовут?

— Ринсвинд.

Турсли обдумал его ответ.

— Что-то не припоминаю, — заявил он. — В «Демонологии» есть один Рийнисвин. И один Винсвин. Но у них больше крыльев, чем у тебя. Так, теперь можешь выходить. Кстати, должен отметить твою первоклассную материализацию. Посмотреть на тебя, так и не подумаешь, что ты злой дух. Большинство демонов, когда хотят походить на людей, материализуются в облике дворян, королей и принцев. Но твоё подражание побитому молью волшебнику очень удачно. Ты чуть было не обвел меня вокруг пальца. Жаль, ты не можешь сделать того, о чем я прошу.

— Никак не возьму в толк, и почему тебе так хочется жить вечно, — заметил Ринсвинд, обещая себе, что за «побитого молью» Турсли еще поплатится. — Вот снова стать молодым — это да, это я понимаю.

— Ха. Быть молодым не так уж и весело, — отозвался Турсли. И быстро прихлопнул рот рукой.

Ринсвинд наклонился вперед.

Ага... Вот что в нем не так!

— Эта борода фальшивая! — воскликнул он. — Тебе сколько лет?

— Восемьдесят семь! — пискнул Турсли.

— А что это за крючочки у тебя над ушами?!

— Семьдесят восемь, честно! Изыди!

— Ты маленький мальчик!

Эрик высокомерно выпрямился.

— А вот и нет! — рявкнул он. — Мне почти четырнадцать!

— Ага-а!

Эрик замахнулся на Ринсвинда мечом и прокричал:

— И вообще, какая разница, сколько мне лет! Демонологом можно быть в любом возрасте, ты все равно мой демон, и тебе *придется* исполнять то, что я велю!

— *Эрик!* — слышался голос откуда-то снизу.

Лицо Эрика побледнело.

— Да, мама? — крикнул он, не сводя глаз с Ринсвинда, а губы его беззвучно произнесли: «*Пожалуйста, ничего не говори, ладно?*»

— Что это за шум? Что ты там делаешь?

— Ничего, мама!

— Спускайся и мой руки, дорогой, завтрак готов!

— Да, мама, — Эрик застенчиво посмотрел на Ринсвинда и пояснил: — Это моя мама.

— У нее хорошие легкие, — признал волшебник.

— Ну так я... пойду? — спросил Эрик. — Тебе, разумеется, придется остаться здесь.

Тут до него дошло, что он несколько выбился из роли. Мальчик снова взмахнул мечом и возвестил:

— Изыди! Приказываю тебе не покидать эту комнату!

— Хорошо. Конечно, — отозвался Ринсвинд, разглядывая окна.

— Обещаешь? А иначе я отошлю тебя обратно в Бездну.

— О, этого я совсем не хочу, — мигом отреагировал Ринсвинд. — Беги завтракай. И обо мне не беспокойся.

— Я оставлю тут свой меч. И прочие принадлежности... — предупредил Эрик, снимая с себя большую часть своего облачения и являясь миру в образе худощавого темноволосого мальчишки, чье лицо должно было стать гораздо приятнее, когда с него сойдут прыщи. — Если ты посмеешь прикоснуться к ним, с тобой произойдут разные ужасные вещи.

— Даже не подумаю, — заверил его Ринсвинд.

Оставшись один, он подошел к кафедре и посмотрел на книгу. Заголовок, набранный внушительно мерцающими алыми буквами, гласил: «Маллификарум Сумпта Дьяболиките Оккуларис Сингуларум» — «Книга Абсолютной Власти»*. Ринсвинд знал о ней. В универ-

* На самом деле толкования названия этой книги были самыми разными. Кто-то говорил, что на самом деле оно переводится как «Злосчастный Погонятель Мелкого Одноглазого Демона», а кто-то вообще называл ее только по первым буквам.

ситетской библиотеке хранился один ее экземпляр, хотя волшебники никогда им не пользовались.

На первый взгляд подобное невнимание к столь могущественному труду могло показаться странным, ведь если и есть на свете то, ради чего волшебник готов продать родную бабушку, так это власть. Однако все вполне объяснимо. Любой волшебник, достаточно смысленный, чтобы выжить в течение хотя бы пяти минут, понимает: если в демонологии и есть какая-то власть, то принадлежит она демонам. И пытаться использовать демонологию в собственных целях — это все равно что пробовать пристукнуть мышшь гремучей змеей.

Демонологов даже волшебники считали по меньшей мере странными. Обычный демонолог — это неприметный, бледный человек с вялыми, влажными лапками, занимающийся в темных помещениях всякими сложными для понимания вещами. Ни один уважающий себя волшебник не станет связываться с демоническими областями, обитатели которых слыли самым большим собранием пустозвонов, какос только можно найти за пределами колокольной.

Ринсвинд на всякий случай внимательно изучил скелет, но тот, похоже, не собирался вносить свой вклад в ситуацию.

— Он принадлежал его, какеготам, дедушке, — раздался надтреснутый голос за спиной Ринсвинда.

— Несколько необычное наследие, — заметил Ринсвинд.

— О, не *в прямом смысле*. Дед купил его в какой-то лавке. Это один из этих, какихтам,двигающихся, в общем.

— Сейчас он не больно-то двигается, — попытался пошутить Ринсвинд, но внезапно стал очень тихим и задумчивым и, не поворачивая головы, спросил: — Э-э, а с кем, собственно, я разговариваю?

— Я какеготам. На кончике языка вертится. Начинается на «П».

Ринсвинд медленно повернулся.

— Попугай? — догадался он.

— Точно.

Ринсвинд уставился на сидящее на жердочке существо. У птицы был всего один глаз, который сверкал как рубин. Ее щуплое тельце было обтянуто розовато-лиловой кожей, утыканной огрызками перьев, так что в целом существо походило на готовую к обжарке щетку для волос. Оно поерзало на своей жердочке, ревматически похрустывая суставами, а потом, потеряв равновесие, медленно перевернулось и повисло вниз головой.

— А я думал, ты чучело, — сказал Ринсвинд.

— На себя посмотри, волшебник.

Ринсвинд, не обращая на попугая внимания, подкрался к окну. Оно было маленьким, но выходило на пологую крышу. А там, за окном, была настоящая жизнь, настоящее небо, настоя-

щие здания. Он потянулся, чтобы открыть ставни...

По руке, потрескивая, пробежал разряд и зарылся в его мозжечок.

Ринсвинд уселся на пол, посасывая обожженные пальцы.

— А он *предупреждал*, — проскрипел попугай, раскачиваясь вниз головой. — Но ты не как-еготам. Ха-ха, надо признать, он держит тебя за какихтам.

— Но это заклинание должно действовать только на демонов!

— О-о, — отозвался попугай. Он наконец набрал достаточный размах и снова утвердился на своей жердочке, помогая себе облезлыми остатками того, что некогда было крыльями. — Это как посмотреть. Если тыходишь в дверь, на которой написано: «Какихтам», то и обращаются с тобой как с какеготам. В смысле, как с демоном. Ты подпадаешь под все правила и какихтам. Не повезло тебе...

— Но ты-то знаешь, что я простой волшебник!

Попугай визгливо хихикнул.

— О, я их повидал, приятель. Настоящих какихтам. Здесь такие какихтам побывали — ты бы своей овсянкой поперхнулся. Огромные, чешуйчатые, свирепые какихтам. На то, чтобы отмыть стены от сажи, уходили недели, — одобрительно добавил он. — Разумеется, это было во времена его дедушки. У малыша ничего не по-

лучалось. До сегодняшнего дня. А вообще, смышленный парнишка. Это все его, какихтам, родители. Деньги в семье недавно, понимаешь? Виноторговля. Избаловали пацана, позволяли ему играть со старым барахлом какеготам. «О, он такой умничка мальчик, вечно сидит, уткнувшись носом в книжку», — передразнил попугай. — Если хочешь знать, они никогда не давали ему того, в чем по-настоящему нуждается чувствительный растущий какеготам.

— Ты имеешь в виду любовь и наставления? — спросил Ринсвинд.

— Вообще-то, я говорил о хорошей, какеетам, порке, — ответил попугай.

Ринсвинд схватился за ноющую голову. Если все демоны проходят через такое, не удивительно, что у них всегда плохое настроение.

— Попка хочет печенья... — рассеянно проговорил попугай (примерно таким же тоном человек произнес бы: «Э-э» или «Как я уже упоминал») и продолжил: — Его дед был страшно увлечен этими штуками. Ими и своими голубями.

— Голубями, — уныло повторил Ринсвинд.

— Не то чтобы у него особенно хорошо получалось. В основном это были попытки и какихтам.

— Мне показалось, ты говорил о больших, чешуйчатых...

— О да. Но он-то не к этому стремился. Он пытался вызвать суккубу. — Теоретически клюв

не может ухмыляться, но попугаю каким-то образом удалось растянуть его в улыбке. — Суккуба — это такая женщина-демон, которая приходит по ночам и совершает всякие безумные, страстные каких...

— Я слышал о суккубах, — перебил Ринсвинд. — Чертовски опасные твари.

Попугай склонил голову набок.

— Но у него ничего не вышло. Единственное, что он заполучил, так это невралгию.

— А это что такое?

— Это демон, который постоянно вызывает у тебя головную боль.

Демоны существуют на Плоском мире по меньшей мере столько же, сколько и боги, на которых они во многом походят. По существу, разница между богами и демонами такая же, как между террористами и борцами за свободу.

Большая часть демонов обитает в просторном измерении неподалеку от реальности, традиционно отделанном в ярко-пламенной гамме и постоянно сохраняющем температуру раскаленной печи. Честно говоря, подобные штуки вовсе не обязательны, но если чем и отличается рядовой демон, так это любовью к традициям.

В самом центре преисподней, откуда открывается непревзойденный вид на все Восемь Кругов Ада, из озера, наполненного заменителем

лавы, величественно поднимается город Пандемониум*. Который за последнее время несколько поистрепался.

Астфгг, новый правитель демонов, был в ярости. Не только потому, что у него снова сломался кондиционер, и совсем не потому, что его со всех сторон окружали полные идиоты и заговорщики, и даже не потому, что никто не мог правильно произнести его имя, но еще и потому, что минуту назад ему сообщили очень плохие новости. Демон, которому выпал жребий донести эту весть до ушей правителя, стоял перед его троном, жалко согнувшись и поджав хвост. Он *бессмерти* боялся, что с ним вот-вот произойдет что-то замечательное**.

* Ни в коем случае нельзя путать Ад и Подземельные Измерения, эти бесконечные параллельные пустоши, раскинувшиеся за пределами пространства и времени. Печальные безумные Твари из Подземельных Измерений, совершенно не понимающие этот мир, жаждут обрести свет и форму, согреться у костров реальности (представьте себе океан, который пытается согреться, окружив свечу). Демоны, однако, принадлежат к более или менее тому же пространственно-временному какеготам, что и люди, и проявляют глубокий, неизменный интерес к повседневным человеческим делам. Любопытно отметить, что боги Плоского мира никогда особо не утруждали себя всякими судилищами над душами умерших, поэтому люди попадали в Ад только в том случае, если глубоко и искренне верили, что именно там им и место. Чего, конечно, вообще не случалось бы, если бы они не знали о его существовании. Это объясняет, почему так важно отстреливать миссионеров при первом их появлении.

** У демонов несколько искаженная шкала ценностей.

— Он — что? — переспросил Астфгг.

— Он, э-э, раскрылся, о повелитель. Тот круг в Псевдополисе.

— А-а. Умница мальчик. Мы возлагаем на него большие надежды.

— Э-э... А потом снова закрылся, о повелитель.

Демон закрыл глаза.

— И кто через него прошел?

— Э-э...

Демон оглянулся на своих собратьев, столпившихся в дальнем углу протянувшегося на целую милю тронного зала.

— Я спросил, кто через него прошел.

— В сущности, о повелитель...

— Да?

— Мы не знаем. Но кто-то точно прошел.

— Кажется, я отдал приказ, чтобы, когда мальчик добьется успеха, перед ним материализовался герцог Вассенего и предложил ему всяческие запретные удовольствия и порочные наслаждения, дабы подчинить его воле нашей, — так или не так?

Правитель демонов зарычал. Проблема со злодействами заключалась в том, что демоны не были великими мыслителями-новаторами, им очень не хватало перчика человеческой изобретательности. А он так ждал, предвкушал эту встречу с Эриком Турсли, чей суперинтеллект обладал крайней неразборчивостью. Ад очень

нуждался в таких ужасающе способных, эгоцентричных людях, как Эрик. У них куда лучше получалось творить всякие мерзости.

— Поистине так, повелитель, — отозвался демон. — И герцог ждет вызова уже много лет, не поддаваясь никаким другим искушениям, упорно и терпеливо изучая мир людей...

— *И где же он был?!*

— Э-э... Отлучился по сверхъестественной надобности, повелитель, — проблеял демон. — Не успел отвернуться, как...

— Как кто-то вместо него прошел через круг?

— Мы пытаемся выяснить, кто это был...

В этот момент поистине демоническое терпение лорда Астфгла лопнуло. Последняя фраза была пределом. Вечные муки для его подданных — слишком мягкая кара.

— Убирайся вон, — прошептал он. — И я присмотрю за тем, чтобы ты удостоился поощрения за свою промашку...

— О повелитель, умоляю...

— Убирайся!

Правитель демонов шагал по мерцающим алым цветом коридорам к своим личным pokojам.

Его предшественники любили щеголять косматыми ногами с копытами. Лорд Астфгл не задумываясь отказался от такого имиджа. Эти высокомерные сволочи, обитающие в Дунманифестине, ни в жизнь не станут серьезно отно-

ситься к тому, кто постоянно светит коровьим задом, так что Астфгг отдал предпочтение алому шелковому плащу, малиновым лосинам, капюшону с двумя довольно изысканными рожками и трезубцу. У трезубца постоянно отваливался наконечник, но Астфгг не сомневался, что в таком наряде он вполне может сойти за солидного, гм, демона...

Очутившись в прохладе своих комнат — о боги (или, точнее, о не боги), у него ушли *века* на то, чтобы привести эти апартаменты в маломальски приличный вид; его предшественники довольствовались тем, что болтались по свету да искушали людей, они слыхом не слыхивали об административных нагрузках... Так вот, очутившись в блаженной прохладе своих покоев, Астфгг осторожно снял покрывало с Зеркала Душ, и оно, замерцав, включилось.

Прохладная черная поверхность была окружена затейливой рамой, из которой безуданно поднимались и уплывали прочь струйки маслянистого дыма.

«Чего пожелаешь, хозяин?» — спросило зеркало.

— Покажи мне то, что произошло в районе ворот Псевдополиса за последний час, — приказал правитель демонов и приготовился смотреть.

Какое-то время спустя он поднялся и искал у себя в каталожном шкафу имя «Ринсвинд». Картотеку он установил совсем недавно,

взамен использовавшихся раньше старых гроссбухов в удручающе громоздких переплетах; однако каталог все еще нуждался в доработке, поскольку обалдевшие от такого нововведения демоны заносили все имеющиеся у них сведения в ящик под буквой «Л», в рубрику «Люди».

Потом Астфлг уселся обратно в кресло и принялся наблюдать за мелькающими картинками, рассеянно поигрывая лежащими на столе предметами.

На столе у него было полно всякого добра: блокноты с магнитами, удобные подставки для карандашей и крошечные записные книжечки, которые так полезно иметь под рукой, невероятно забавные статуэтки с лозунгами типа «Ты — босс!» и маленькие хромированные шарики на проволоке, приводимые в движение чем-то вроде суррогатного и недолговечного перпетуум-мобиле. Глядя на этот стол, ни одна живая душа не усомнилась бы в холодной реальности того факта, что она и впрямь обречена на вечные муки.

— *Понятно*, — наконец произнес лорд Астфлг и ударом когтя запустил механизм, раскачивающий стайку сверкающих шариков.

Демона по имени Ринсвинд он что-то не припоминал. С другой стороны, здесь, в преисподней, этих мерзких тварей были *миллионы*, они прямо-таки кишели без какого бы то ни было намека на порядок. Кстати, надо все-таки со-

браться и провести нормальную перепись, выгнать всех ненужных бесов в отставку и так далее...

На теле демона по имени Ринсвинд было меньше странных отrostков, чем того требовали приличия. И выглядел он как-то потрепанно. Но кем еще он может быть, кроме как демоном?!

Вассенего был гордым старым болваном, одним из тех пожилых служак, которые втайне посмеивались над своим новым правителем и повиновались ему, в то же самое время не повинуюсь. Они презирали Астфгла за то, что он на протяжении многих тысячелетий не покладая рук трудился, дабы занять то положение, которое занимал сейчас. А ведь с чего все началось: когда-то Астфгл был мелким чиновником... В общем, старый хрыч вполне мог нарочно саботировать приказ своего повелителя, просто назло.

Что ж, с этим разберемся позже. Надо будет послать ему меморандум или что-нибудь в том же духе. Однако сейчас уже ничего не исправит, придется заняться этим делом лично. Эрик Турсли — чересчур многообещающая фигура, чтобы выпускать его из лап. Боги на своей горе буквально взбесятся, если Астфгл сумеет заполучить Эрика Турсли.

Боги! Как же он ненавидит богов! Он ненавидел богов даже больше, чем старых перечниц

вроде Вассенего, даже больше, чем жалких людишек. На прошлой неделе Астфгл устроил не-большой прием, все как следует продумал: ему хотелось показать, что он готов предать прошлое забвению и начать трудиться с богами вместе над созданием новой, лучше устроенной и более эффективной вселенной. Эту вечеринку он назвал «Давай Знакомиться!». Там были сосиски на палочках и все такое прочее, он из кожи вон лез, лишь бы все прошло хорошо.

Но они даже не потрудились ответить на приглашение. Хотя чистый конверт с маркой он приложил.

— Эй, демон? — Эрик выглянул из-за двери. — Как ты там?

— Плохо, очень плохо, — откликнулся Ринсвинд.

— Я принес тебе поесть. Ты ведь ешь человеческую еду?

Ринсвинд попробовал угощение. Это была смесь овсянки, орешков и сушеных фруктов. Против этих невинных ингредиентов Ринсвинд ничего не имел. Но на каком-то этапе их приготовления кто-то проделал с ними то, что увеличенная в миллионы раз сила тяжести делает с нейтронными звездами. Если вы после таких яств умрете, вашим близким даже не придется рыть вам могилу: достаточно будет бросить вас в почву помягче, вы сами уйдете под землю.

Ринсвинду наконец удалось проглотить овсянку. Это было самое простое. Вся загвоздка заключалась в том, чтобы помешать ей набрать скорость.

— Очень вкусно, — сдавленно просипел он.

Попугай крайне правдоподобно изобразил человека, которого тошнит.

— Знаешь, я решил отпустить тебя, — объявил Эрик. — Что толку продолжать тебя удерживать, согласен?

— Абсолютно.

— Ведь ты совсем ни на что не способен.

— Извини. Полный ноль.

— Если уж на то пошло, ты и на демона не очень-то похож, — продолжал Эрик.

— Нельзя доверять этим какихтам. Они никогда на себя не какеготам, — фыркнул попугай, а потом снова потерял равновесие и, повиснув вниз головой, проговорил: — Попка хочет печенья.

Ринсвинд резко обернулся:

— А ты, с клювом, не вмешивайся!

У них за спиной послышался такой звук, словно вселенная вдруг решила прочистить горло. Нарисованный мелом круг стал на мгновение невыносимо ярким, выделившись огненной чертой на фоне вытертых половиц, и какой-то предмет, появившись неведомо откуда, тяжело рухнул на пол.

Это был большой, обитый металлом сундук, упавший на свою полукруглую крышку. По-

лежав некоторое время и, видимо, придя в чувство, он начал изо всех сил раскачиваться, а потом выпустил из себя дюжины крошечных розовых ножек и наконец перевернулся вниз дном.

И воззрился на собравшихся в комнате, которые вдруг ощутили себя крайне неуютно, поскольку сундук глазел на них, не имея глаз, которыми можно было бы это сделать.

Эрик пошевелился первым. Он схватил свой самодельный меч, заколыхавшийся из стороны в сторону, и крикнул:

— Так ты все-таки демон! А я ведь чуть было не поверил тебе!

— Гы-ы! — прокомментировал попугай.

— Это просто мой Сундук, — с отчаянием в голосе объяснил Ринсвинд. — Он вроде как... ну, в общем, он повсюду следует за мной, в нем нет ничего демонического... э-э... — Волшебник замялся и неуклюже закончил: — Во всяком случае, почти ничего.

— Изыди!

— О нет, опять ты за свое...

Парнишка уставился на раскрытую книгу.

— Мои прежние повеления остаются в силе, — твердо проговорил он. — Самая прекрасная женщина из всех когда-либо живших в этом мире, власть над земными царствами и вечная жизнь. Так что приступай.

Ринсвинд не тронулся с места.

— Ну же, давай,— подбодрил его Эрик.— Предполагается, что сейчас ты должен исчезнуть в клубах дыма.

— Послушай, неужели ты думаешь, что я могу просто щелкнуть пальцами и...

Ринсвинд щелкнул пальцами.

Комнату заполнили клубы дыма.

Ринсвинд смотрел на свои пальцы долгим, потрясенным взглядом — таким, каким человек смотрит на ружье, которое десятилетиями спокойно висело себе на стене, а потом вдруг выстрелило и продырявило кошку.

— Знаешь, раньше у них это не получалось,— проговорил он.

И опустил взгляд.

— Аргх,— сказал Ринсвинд и закрыл глаза.

Мир, что скрывался в темноте за его веками, был гораздо более приятным. Потопав ногой, Ринсвинд убедился, что пол никуда не пропал, что на самом деле он, Ринсвинд, по-прежнему стоит в комнате и настойчивые сигналы всех остальных органов чувств, твердящих, будто он висит в воздухе примерно в тысяче миль от Диска,— это просто дурной сон. Вот он скоро проснется и... Спohватившись, Ринсвинд быстро отменил последнее пожелание. Уж лучше и дальше спать. Во сне, по крайней мере, можно *летать*. А вот если он проснется, ему придется долго-долго падать.

«Возможно, я умер и действительно стал демоном», — подумал он.

Интересный вариант...

Ринсвинд снова открыл глаза.

— Ух ты! — восхищенно воскликнул Эрик. — И все это будет моим?

Он стоял в такой же позе, что и раньше, Сундук стоял рядом — хотя на чем они стояли, непонятно. К сожалению, чертов попугай тоже никуда не девался. Последний висел в воздухе и задумчиво разглядывал раскинувшуюся внизу внушительную панораму.

Плоский мир вполне мог быть создан для того, чтобы им любоваться; Ринсвинд был более чем уверен, что он всяко не был создан для того, чтобы на нем жить. Однако зрелище впечатляло — с этим не поспоришь.

Встающее у дальнего края солнце опоясывало почти половину окружности Диска сверкающей огненной чертой. Долгая, медлительная заря только начинала растекаться по темному массивному пейзажу.

Внизу, резко выделяясь на фоне бесплодного космического пространства, тащил на себе тяжкий груз Мироздания Великий А'Туин, Всемирная Черепаха. На ее — или на его, этот вопрос так и не был решен окончательно — панцире стояли четыре гигантских слона, подпирающие своими могучими спинами Плоский мир.

Возможно, существуют более эффективные способы создания миров. Можно, к примеру,

взять шарик из расплавленного железа и последовательно покрыть его несколькими слоями камня. И у вас получится очень даже функциональная планета, правда она не будет такой симпатичной. Кроме того, с нее все будет скатываться.

— Неплохо,— заценил попугай.— Попка хочет континент.

— Он такой *большой*,— выдохнул Эрик.

— Да,— отрезал Ринсвинд, а потом, почувствовав, что от него ждут чего-то еще, добавил: — Смотри обращайся с ним осторожнее, не разбей.

Его терзали некие смутные сомнения. Допустим, он демон — за последнее время с ним случилось столько всякой всячины, что Ринсвинд уже готов был согласиться с тем, что он действительно умер, просто как-то не заметил этого в суматохе*, — но тогда он все равно не понимал, как этот мир мог принадлежать ему. Он был совершенно уверен, что у Плоского мира есть настоящие хозяева, которые вряд ли обрадуются, если Ринсвинд возьмет и подарит Диск этому мальчишке.

А еще он был уверен в том, что демон должен получить письменное свидетельство о сделке.

* Ринсвинд где-то слышал, что умереть — это все равно что перейти из комнаты в комнату. Разница только в том, что, когда ты крикнешь: «Эй, а где мои чистые носки?», тебе никто не ответит.

— По-моему, ты должен за него расписаться, — сказал он. — Кровью.

— Чьей? — спросил Эрик.

— Своей, конечно, — ответил Ринсвинд. — Хотя, пожалуй, сойдет и птичья.

Он бросил свирепый и многозначительный взгляд на попугая, который буркнул в ответ что-то неразборчиво-оскорбительное.

— Но мне же надо сначала опробовать его.

— Что?

— А если он не будет работать? Пока не убежусь в том, что он исправен, ничего подписывать не буду.

Ринсвинд посмотрел на мальчишку, а потом снова опустил взгляд на яркую панораму распростершихся у их ног царств. «Интересно, в его возрасте я был таким же? — подумал он. — И как это я умудрился остаться в живых?»

— Это ведь живой мир, — терпеливо сказал он. — Разумеется, он работает! В смысле, ты сам-то посмотри. Ураганы, дрейф континентов, дождевой цикл — все наличествует. И все тикает, как какие-нибудь треклятые часы. Такого мира хватит на всю жизнь. Если будешь аккуратно с ним обращаться.

Эрик критически осмотрел Плоский мир. На его лице читалась обреченность человека, которому доподлинно известно: все лучшее в этой жизни нуждается в психическом эквиваленте двух пальчиковых батареек, а магазины открываются только после каникул.

— Я должен получить дань,— безапелляционно заявил он.

— Чего ты должен?

— Все правители мира,— пояснил Эрик.— Они обязаны платить мне дань.

— Да уж, ты и впрямь проштудировал этот вопрос,— саркастически заметил Ринсвинд.— А чего данью-то ограничиваться? Не хочешь ли луну с неба, раз уж мы тут, наверху? На этой неделе у нас специальное предложение — к каждому покоренному миру прилагается один бесплатный спутник.

— А там есть какие-нибудь полезные минералы?

— *Что?!*

Эрик вздохнул, демонстрируя свое великое терпение.

— Минералы,— повторил он.— Ну, залежи...

Ринсвинд покраснел.

— Мне кажется, мальчику в твоём возрасте не следует думать о...

— Я имею в виду обычные металлы. Если это просто груда камня, то зачем она мне?

Ринсвинд посмотрел вниз. Крошечная луна как раз поднималась из-за дальнего края Плоского мира, проливая бледное сияние на мозаичный узор, в котором переплелись земля и море.

— Ну, просто красиво...— сказал он.— Послушай, уже темно. Может, тебе заплатят дань утром?

— Я хочу получить хоть что-нибудь прямо сейчас!

Ринсвинд внимательно осмотрел свои пальцы. Раньше у него как-то не очень получалось ими щелкать.

Он предпринял еще одну попытку.

Когда Ринсвинд снова открыл глаза, то обнаружил, что стоит по щиколотку в грязи.

Среди талантов Ринсвинда самым выдающимся было его умение убегать, которое он возвел в ранг чистого искусства. Пока он бежал, ему было неважно, бежит он к чему-то или от чего-то. Значение имел лишь сам бег. Я бегу, следовательно, я существую; а точнее, я бегу, следовательно, если мне хоть немножко повезет, я по-прежнему буду существовать.

Но кроме того, Ринсвинд был известным знатоком лингвистики и практической географии. Он мог крикнуть «Помогите!» на четырнадцать языках и умолять о пощаде еще на двенадцати; он проехал множество стран Плоского мира, некоторые из них — на большой скорости. Работая в библиотеке Незримого Университета, Ринсвинд заполнял долгие, чудесные, *скудные* часы тем, что читал о всех тех экзотических и далеких местах, где он никогда не бывал, и вздыхал от облегчения, что ему так никогда и не придется их посетить.

И вот сейчас он оказался в одном из таких мест.

Его окружали джунгли. Это были совсем не те симпатичные, привлекательные, открытые джунгли, сквозь которые так любят летать на лианах накачанные герои в леопардовых шкурах, но серьезные, настоящие джунгли, джунгли, возвышающиеся липуче-колючей зеленой стеной, джунгли, в которых каждый представитель растительного царства как следует засушил кору и принялся усердно перерастать своих соперников. Почву тут вряд ли можно было назвать таковой, поскольку она представляла собой кладбище растений, ожидающих обращения в компост; вода стекала с одного листа на другой; во влажном, насыщенном спорами воздухе гудели насекомые; и все заполняла та ужасающая, бездыханная тишина, которую обычно производят моторы фотосинтеза. Любой герой, вознамерившийся с бойким улюлюканьем пролететь через эти заросли, мог бы с тем же успехом попытаться счастья с яйцerezкой.

— Как это у тебя *получается*? — полюбопытствовал Эрик.

— Наверное, у меня такой дар, — отозвался Ринсвинд.

Эрик окинул чудеса природы беглым, пренебрежительным взглядом.

— Это не похоже на царство, — пожаловался он. — Ты сказал, что мы отправимся в какое-нибудь царство. И это ты называешь царством?

— Обычно я называю это дождевыми лесами Клатча,— ответил Ринсвинд.— Но они битком набиты всякими затерянными царствами.

— Ты имеешь в виду таинственные древние расы принцесс-амазонок, подвергающих всех пленников-мужчин изнурительным обрядам, связанным с плодородием? — заинтересовался Эрик. Его очки слегка затуманились.

— Ха-ха,— холодно произнес Ринсвинд.— Ну и воображение у этого ребенка.

— Какеготам, какеготам, какеготам! — крикнул попугай.

— Я читал о них,— возразил Эрик, вглядываясь в зелень листвы.— Разумеется, эти царства тоже принадлежат мне.— Он немного помолчал, вглядываясь во что-то, видимое ему одному, и с жадностью в голосе добавил: — Ничего себе!

— На твоём месте я бы сосредоточился на да-ни,— буркнул Ринсвинд, устремляясь в глубь леса по тому, что в здешних местах сходило за тропинку.

Ярко окрашенные цветы ближайшего дерева повернулись и проводили его взглядом.

В джунглях центрального Клатча действительно сокрыты затерянные царства таинственных принцесс-амазонок, которые захватывают в плен путешественников-мужчин и заставляют их выполнять специфические мужские обязанности. Эти обязанности поистине тяжелы и из-

нурительны, и век несчастных жертв очень недолог*.

Есть в этих джунглях и скрытые плато, где резвятся и играют чудовищные рептилии из прошедшей эпохи, а также кладбища слонов, забытые алмазные копи и таинственные развалины, украшенные иероглифами, от одного вида которых способно заledenеть самое мужественное сердце. В общем, места для деревьев на картах Клатча практически не остается.

Те немногие путешественники, которые вернулись из этой страны живыми, оставили для своих последователей ряд ценных указаний, как то: а) по возможности избегайте свисающих вниз лиан, на одном конце которых имеются глазки-бусинки и раздвоенный язык; б) не берите в руки полосатые черно-оранжевые лианы, которые, подергиваясь, лежат у вас на дороге, потому что с другого конца к ним очень часто бывает прицеплен тигр; и в) лучше в эту страну вообще не лезть.

«Если я демон, — туманно рассуждал Ринсвинд, — то почему все меня жалят и пытаются уронить? В смысле, меня ведь можно ранить только воткнутом в сердце деревянным кинжалом? А еще на меня как-то должен действовать чеснок — если я ничего не путаю...»

* Это потому, что установка розеток, прибивание полок, выяснение причины загадочных звуков, доносящихся с чердака, и стрижка газонов способны доконать даже самый сильный организм.

Через какое-то время джунгли расступились, и путники вышли на обширную равнину, простирающуюся до далекой голубой гряды вулканов. Земля представляла собой лоскутное одеяло, образованное из озер и болотистых полей; то тут, то там высились огромные ступенчатые пирамиды, над каждой из которых в рассветный воздух поднималась тонкая струйка дыма. Лесная тропа переходила в узкую, но тем не менее мощеную дорогу.

— Что это такое, а, демон? — поинтересовался Эрик.

— Похоже на одно из Тецуманских царств, — ответил Ринсвинд. — Насколько я помню, там правит Муцума.

— Она принцесса-амазонка, да?

— Как ни странно, нет. Ты, Эрик, удивишься, когда узнаешь, как много на свете царств, которыми не правят принцессы-амазонки.

— В любом случае выглядит тут все довольно примитивно. Слегка напоминает каменный век.

— Тецуманские жрецы славятся своим календарем и широко развитой сетью публичных обсерваторий.

— А-а, — оживился Эрик. — Прекрасно.

— Ты не понял, — со вздохом проговорил Ринсвинд. — Обсерватория — это место, откуда наблюдают за звездами.

— О-о.

— И не стоит так плохо думать о местном населении. Жрецы — великолепные математики.

— Хм,— Эрик с серьезным видом поморгал.— Сомневаюсь, что у такой отсталой цивилизации, как эта, есть что считать.

Ринсвинд тем временем внимательно разглядывал колесницы, которые быстро мчались в их сторону.

— О-о,— сказал он.— У них очень сложная математика. Они считают жертвы.

Тецуманская империя, расположенная в окруженных джунглями долинах центрального Клатча, известна своими органическими рыночными садами, изысканными поделками из обсидиана, перьев и нефрита, а также массовыми человеческими жертвоприношениями в честь Кусалькоатля, Пернатого Змея, бога массовых человеческих жертвоприношений. Вообще, Кусалькоатль — очень конкретный бог и любит, когда все расставлено по своим местам. И конкретно ваше место, как считают его приверженцы, — среди кучи других людей на вершине большой ступенчатой пирамиды, где некто в элегантном головном уборе из перьев затачивает изящный обсидиановый нож, предназначенный исключительно и персонально для вас.

Тецуманцы заслужили на континенте славу самых самоубийственно мрачных, раздражи-

тельных и пессимистичных типов, каких только можно встретить. Причину этого вы скоро узнаете. Насчет местного календаря Ринсвинд тоже говорил правду. Тецуманцы давно уже сообразили, что мир вокруг становится только хуже; таким образом, воспринимая окружающую действительность ужасающе буквально, они разработали сложную систему, позволяющую следить за тем, насколько хуже стал каждый последующий день.

В противоположность всеобщему мнению, тецуманцы все-таки изобрели колесо. Но их представления о том, как его следует использовать, радикально отличались от наших.

Это была первая из виденных Ринсвиндом колесниц, которую тащили ламы. Но вовсе не это было в ней самым странным. Самым странным было то, что *несли* ее люди. Они держались за ось, по двое с каждой стороны, и бежали следом за животными, шлепая сандалиями по булыжной мостовой.

— Как думаешь, у них там дань? — спросил Эрик.

В первой колеснице ехал приземистый, довольно-таки кубический человек в наряде из шкуры пумы и головном уборе из перьев.

Бегуны, тяжело дыша, остановились, и Ринсвинд увидел, что у каждого из них имеется нечто похожее на примитивный меч, изготовлен-

ный путем закрепления осколков обсидиана на деревянной дубинке. Впрочем, мечи эти выглядели не менее смертоносными, чем их культурные, высокоцивилизованные собратья. На самом деле они выглядели даже страшнее.

— Ну? — сказал Эрик.

— Что ну? — переспросил Ринсвинд.

— Прикажи ему отдать мне дань.

Толстяк с трудом сполз с колесницы, подошел к Эрику и, к величайшему удивлению Ринсвинда, распростерся перед мальчишкой в пыли.

Волшебник почувствовал, как что-то с острыми коготками карабкается по его спине. Потом оно уселось ему на плечо, и голос, похожий на треск разрываемого надвое металлического листа, произнес:

— Так-то лучше. Очень, какеготам, удобно. А если попытаешься сбросить меня, демон, то можешь какеготам со своим ухом. Какой неожиданный поворот, правда? Такое впечатление, будто мальчишку тут ждали.

— Почему ты постоянно твердишь «какеготам»? — поинтересовался Ринсвинд.

— Ограниченный какеготам. Ну, этот. Такая штука. Ты знаешь. В ней есть слова, — объяснил попугай.

— Словарь? — догадался Ринсвинд.

Пассажиры остальных колесниц также сошли на землю и распростерлись перед Эриком, который лыбился как идиот.

Попугай тщательно обдумал предположение.

— Да, наверное, — наконец согласился он. — Кстати, должен позвать тебе крыло. Сначала ты показался мне полным какеготам, но, вижу, ты отлично справляешься со своими какихтам.

— Эй, демон! — небрежно окликнул его Эрик.

— Да?

— Что они там бормочут? Ты умеешь говорить на их языке?

— Э-э, нет, — сказал Ринсвинд. — Однако я могу его читать, — добавил он в спину отвернувшемуся Эрику. — Может, ты дашь им какой-нибудь знак, чтобы они представили свои требования в письменном виде?..

Было уже около полудня. В джунглях позади Ринсвинда ухали и щебетали какие-то существа. Вокруг его головы жужжали комары размером с колибри.

— Разумеется, — в десятый раз повторил он, — до изобретения бумаги у них дело так и не дошло.

Каменщик отступил назад, отдал последний затупившийся обсидиановый резец своему помощнику и выжидающе взглянул на Ринсвинда.

Волшебник тоже сделал шаг назад и критически осмотрел каменную плиту.

— Очень хорошо, — одобрил он. — В смысле, отличное сходство. Лучше всего получилась прическа. Конечно, в обычных условиях он не такой, э-э, *квадратный*, но да, очень похоже. А тут у нас колесница, а здесь ступенчатые пирамиды. Да. Что ж, по-моему, они хотят, чтобы ты отправился с ними в город, — сообщил он Эрику.

— Передай им, что я согласен, — твердо ответил Эрик.

Ринсвинд повернулся к главе делегации.

— Да, — сказал волшебник.

— ¿ [*Сгорбленная-фигурка-в-тройном-головном-уборе-из-перьев-над-тремя-точками*]?

Ринсвинд вздохнул. Каменщик, не говоря ни слова, вложил в его вялые пальцы очередной каменный резец и установил в нужное положение новую гранитную плиту.

Одной из проблем жизни в Тецуманской империи — не считая такого бога, как Кусалькоатль, — было то, что, если бы вашей семье неожиданно понадобилось заказать на завтра лишнюю бутылку молока, вам пришлось бы начать писать записку молочнику еще в прошлом месяце. Тецуманцы — единственные люди на Плоском мире, которые совершают самоубийство, забивая себя до смерти собственными по-смертными записками.

К тому времени, как колесница въехала в каменный город, окружающий самую высокую пирамиду, и покатила между рядами восторженно вопящих тецуманцев, день начал клониться к вечеру.

— Вот это уже ближе к делу,— заметил Эрик, любезно отвечая на приветствия.— Они очень рады нас видеть.

— Угу,— мрачно отозвался Ринсвинд.— Интересно почему.

— Конечно же потому, что я — новый правитель.

— Хм-м.

Ринсвинд искося взглянул на попугая. Уже довольно долго птица хранила неестественное молчание, а теперь вообще пугливо жалась к его уху, точно старая дева в стриптиз-клубе. Очевидно, у попугая возникли некоторые серьезные сомнения по поводу изысканных головных уборов из перьев.

— Гадские какихтам,— прохрипел он.— Помня мое слово, пусть какой-нибудь какеготам только попробует до меня дотронуться — мигом останется без пальца!

— Во всем этом есть что-то неправильное...— сказал Ринсвинд.

— Абсолютно согласен,— откликнулся попугай.

— Очень неправильное...

— Говорю тебе, хоть одно перышко упадет и...

Ринсвинд не привык к тому, чтобы люди радовались его появлению. Это было неестественно и добра не сулило. Причем местные жители не только выкрикивали приветствия, они еще бросали в воздух цветы и шляпы. Шляпы были вырублены из камня, но традиции — прежде всего.

Ринсвинду эти шляпы показались довольно странными. У них не было тульи. Просто диски с дыркой посередине.

По широким городским улицам колесницы проследовали к кучке зданий у подножия пирамиды, где ждала еще одна группа местных сановников.

Богатые одежды были щедро изукрашены всякими драгоценными побрякушками, которые в основе своей были совершенно одинаковы. Существует достаточно много способов использовать каменный диск с дыркой посередине, и тецуманцы испробовали их все, кроме одного.

Однако важнее было то, что перед сановниками стояла уйма сундуков и сундуки эти были доверху набиты драгоценностями.

Глаза Эрика расширились.

— Дань! — воскликнул он.

Ринсвинд сдался. У него действительно получилось. Он не знал, с чего бы это, не знал почему, но наконец-то все шло Как Надо. Заходящее солнце сверкало в дюжине сундуков с сокровищами. *Разумеется*, все это предположительно

принадлежало Эрику, но, может, и ему, Ринсвинду, кое-что перепадет...

— Естественно, — слабо отозвался он. — А чего ты ожидал?

А после был пир, и были долгие тосты, которых Ринсвинд не понимал, но которые перемежались приветственными криками, кивками и поклонами в сторону Эрика. А еще был концерт народной тецуманской музыки, которая звучала примерно так, как если бы кто-то решил наконец прочистить месяцами заложенную ноздрю.

Ринсвинд оставил Эрика гордо восседать на троне, а сам понуро побрел в сторону пирамиды.

— Между прочим, я очень неплохо проводил какеготам, — обиженно буркнул попугай.

— Я все никак не могу успокоиться, — признался Ринсвинд. — Извини, но раньше со мной такого не случалось. Никогда. Эти драгоценности и так далее. Все идет словно по маслу. Это неправильно.

Он посмотрел на чудовищный фасад пирамиды, багровый и мерцающий в свете пламени факелов. На каждой из огромных глыб был вырезан барельеф, изображающий тецуманцев, которые проделывали со своими врагами всякие невероятно изобретательные вещи. Барельефы позволяли предположить, что тецуманцы, какими бы милыми и радушными они ни выгля-

дели, совсем не склонны чествовать пришлых незнакомцев и осыпать их золотом и камнями. Вся эта огромная куча покрытых изображениями глыб представляла собой настоящий шедевр искусства, главное было не присматриваться к деталям.

Пробираясь вдоль стены, Ринсвинд наткнулся на громадную дверь, на которой была мастерски вырезана* группа пленников.

Дверь открывалась в короткий, залитый светом факелов тоннель. Твердя про себя, что удрать всегда успеется, Ринсвинд сделал несколько шагов вперед и оказался в помещении с высоким потолком, занимающем большую часть внутреннего пространства пирамиды.

Здесь вдоль стен также были установлены факелы, которые достаточно хорошо освещали интерьер.

На самом деле в этом было мало хорошего, потому что в основном они освещали гигантскую статую Кусалькоатля, Пернатого Змея.

Если бы вам случилось оказаться с этой статуей в одной комнате, вы бы предпочли, чтобы вокруг царила абсолютная темнота.

А может, и нет. Наилучшим вариантом было поместить эту штуковину в темную комнату, а самому страдать бессонницей в тысяче миль от нее, пытаясь забыть, как она выглядит.

* И в прямом, и в переносном смысле.

«Это всего лишь статуя,— напомнил себе Ринсвинд.— На самом деле ничего подобного существовать не может. Просто скульптор страдал избытком воображения, только и всего».

— Что это, какеготам возьми? — изумился попугай.

— Их бог.

— Да ну?

— Нет, правда. Кусалькоатль. Наполовину человек, наполовину цыпленок, наполовину ягуар, наполовину змея, наполовину скорпион и наполовину псих.

Попугай пошевелил клювом, осмысливая услышанное.

— В целом получается три какихтам-убийцы,— подытожил он.

— Да, примерно так,— подтвердила статуя.

— *С другой стороны*,— немедленно вставил Ринсвинд,— я считаю, каждый человек имеет право поклоняться богу по-своему, пусть даже в этом присутствует некоторое извращение, а теперь, думаю, мы пойдем отсюда, так что...

— Пожалуйста, не бросайте меня здесь,— взмолилась статуя.— Возьмите меня с собой, а?

— Гм, вряд ли это получится, ты уж извини,— торопливо проговорил Ринсвинд, пятясь к выходу.— Пойми правильно, дело не во мне, просто там, откуда я приехал, царят жуткие расовые предрассудки против людей тридцати футов ростом, с клыками, когтями и ожерельями из черепов. У тебя будут некоторые пробле-

мы с тем, чтобы вписаться в нормальное человеческое общество.

Попугай дернул волшебника клювом за ухо и хрипло выкрикнул:

— Эй, какеготам, это не статуя!

Оказалось, что на самом деле голос исходит из дыры в полу, расположенной позади Кусалькоатля. Из глубины ямы на Ринсвинда близируко уставилось бледное лицо. Пожилое, добродушное, слегка обеспокоенное, но вполне человеческое лицо.

— Гм-м, привет? — окликнул Ринсвинд.

— Ты даже не представляешь, что такое вновь услышать дружеский голос, — отозвалось лицо, расплываясь в глупой ухмылке. — Не мог бы ты вроде как помочь мне вылезти и?..

— Извини? — переспросил Ринсвинд. — Ты ведь пленник, да?

— Увы, но это так.

— Не знаю, следует ли мне разгуливать тут и освобождать пленников, — буркнул Ринсвинд. — Ну, то есть я ж не знаю, что ты там натворил...

— Уверяю, ни в каких преступлениях я не повинен!

— Это ты так утверждаешь, — сурово проговорил Ринсвинд. — Но если тецуманцы решили осудить тебя...

— Какеготам, какеготам, *какеготам!* — завопил ему в ухо попугай, прыгая на Ринсвиндовом плече вверх-вниз. — Ты, что, совсем ка-

кеготам потерял? Откуда ты такой взялся? Он же узник! Узник в храме! А таких узников полагаются спасать! Для этого, какеготам возьми, они тут и сидят!

— Вот ты много знаешь! — огрызнулся Ринсвинд. — Скорее всего, он здесь для того, чтобы его принесли в жертву! Правильно? — Волшебник посмотрел на узника, ища у него подтверждения.

Лицо кивнуло.

— Действительно, ты прав. И вскоре с меня заживо сдерут кожу.

— Вот! — крикнул Ринсвинд попугаю. — Видишь? Тоже мне, умник выискался! Он здесь для того, чтобы с него заживо содрали кожу.

— И удаление каждого дюйма кожи будет сопровождаться невероятной, неопикуемой болью, — услужливо добавил узник.

Ринсвинд поморщился. Его не в меру ретивое воображение мигом нарисовало картины, которых он предпочел бы не видеть.

— Что, каждого кусочка? — уточнил он.

— По-видимому, так.

— Ничего себе. Что же ты натворил?

— Ты ни за что не поверишь... — вздохнув, промолвил узник.

Правитель демонов позволил зеркалу потемнеть и какое-то мгновение барабанил пальцами по столу, после чего взял переговорную трубку и решительно в нее дунул.

Некоторое время спустя оттуда слышался далекий голос:

— Да, начальник?

— Да, *сир!* — рявкнул Астфгл.

Далекий голос что-то пробормотал под нос и добавил:

— Да, СИР?

— У нас тут работает некий Кусалькоатль?

— Сей минут посмотрю, начальник. — Голос затих вдали, а потом прорезался снова: — Да, начальник.

— Он какой-нибудь герцог, граф, маркиз или барон? — спросил Астфгл.

— Нет, начальник.

— Так кто же он?

На другом конце линии наступило долгое молчание.

— Ну? — поторопил своего собеседника правитель демонов.

— Да так, начальник, ничего особенного он собой не представляет.

Пару мгновений правитель демонов сверлил трубку свирепым взглядом. «Вот она, благодарность, — думал он. — Составляешь подробные планы, организовываешь все, пытаешься *помочь* людям, и вот что ты получишь в ответ».

— *Пошли его ко мне,* — приказал он.

Музыка, звучащая снаружи, достигла пика громкости и умолкла. В кострах потрескивало пламя. Из джунглей за происходящим наблюдали тысячи сверкающих глаз.

Верховный жрец поднялся на ноги и толкнул речь. Эрик сиял как медная пуговица. Тецуманцы притащили корзины с драгоценностями. Проходя длинной колонной мимо Эрика, они рассыпали эти драгоценности у его ног.

Затем верховный жрец толкнул вторую речь. Она, похоже, заканчивалась вопросом.

— Прекрасно, — отозвался Эрик. — Все просто замечательно. Продолжайте в том же духе. — Он поскреб ухо и наугад выдал: — Можете все взять отгул на полдня.

Верховный жрец повторил вопрос, в голосе его звучало легкое нетерпение.

— Да, это я, — подтвердил Эрик на тот случай, если еще оставались какие-то сомнения. — Ты абсолютно правильно все понял.

Верховный жрец снова заговорил. Но ни о какой «легкости» речи уже не шло.

— А теперь повторим все сначала, — сказал правитель демонов, откидываясь на спинку трона. — В один прекрасный день ты случайно наткнулся на этих тецуманцев и решил — кажется, я верно припоминаю твои слова, — что они «кучка безнадежных неудачников из каменного века, сидящих по уши в своем болоте». Я прав? После чего ты проник в мозг одного из верховных жрецов — по-моему, в то время они поклонялись какой-то палочке, — лишил его

рассудка и внушил этим племенам, что они должны объединиться, нагнать страху на соседей и создать на континенте новую нацию, посвятившую себя идее, что всех людей следует отводить на вершину церемониальной пирамиды и разрубать на куски каменными ножами. — Правитель демонов придвинул к себе свои заметки и добавил: — Ах да, еще с некоторых из них полагалось заживо сдирать кожу.

Кусалькоатль зашаркал ногами по полу.

— После чего, — продолжил Астфгл, — они немедленно вступили в длительную войну практически со всеми остальными народами, неся смерть и разрушение тысячам сравнительно неповинных людей, и тэ дэ, и тэ пэ. Так вот, *всему этому нужно немедленно положить конец, понял?!*

Кусалькоатль слегка отшатнулся.

— Я не нарочно... — пролепетал он. — Я думал, ну, вроде как это правильно. Смерть, разрушение и все такое...

— Ах ты думал, да? — переспросил Астфгл. — Ты загубил тысячи более-менее невинных людей! И они... они выскользнули у нас из лап, — он щелкнул пальцами, — вот так! И направились прямиком на свои небесные пажити, или во что там они веруют. Беда с вами, ребята. Вы абсолютно не представляете Общую Картину! Возьмем, к примеру, тех же тецуманцев. Мрачные, лишённые воображения, одержимые

люди... к этому времени они уже могли бы изобрести систему бюрократии и налогообложения, которая зашлаковала бы мозги всего континента. А вместо этого они так и остались кучкой второразрядных убийц с каменными топорами. Какие потери! Что за бессмысленный перевод полезных ресурсов!

Кусалькоатль корчился от стыда.

Правитель демонов покрутился на своем вращающемся троне.

— В общем, я хочу, чтобы ты отправился в Тецуманскую империю и извинился за свой проступок.

— Что?

— Скажи им, что ты передумал. Тебя неправильно поняли. *На самом деле* ты хотел, чтобы они трудились день и ночь во благо своих собратьев по человечеству. Это пройдет «на ура».

— Что? — опять спросил Кусалькоатль. Он неловко переступил с ноги на ногу. — Но... но повелитель... Я должен явиться им во плоти?

— А что тут такого? Они ведь с тобой уже знакомы, не так ли? Я видел статую, вы с ней очень похожи.

— Ну, в общем, *да*... Я посещал их во снах и все такое прочее... — неуверенно пробормотал демон.

— Вот и чудненько. Давай, действуй.

Кусалькоатлю явно не давала покоя какая-то мысль.

— Э-э,— проговорил он.— То есть я должен материализоваться у всех на глазах? Я правильно понял? В смысле, меня нет, а потом — бац, всем привет, вот он я?

— Да!

— О-о.

Узник отряхнулся от пыли и протянул Ринсвинду морщинистую руку.

— Огромное спасибо. Понт да Щеботан,— сказал он.

— Что, прости?

— Это мое имя.

— О-о.

— Гордое, древнее имя,— продолжил да Щеботан, пристально вглядываясь в глаза Ринсвинда на предмет того, не мелькают ли там смешливые искорки.

— Прекрасно,— невыразительным голосом отозвался волшебник.

— Мы искали Источник Жизни, который дарит человеку вечную молодость,— поведал Понт.

Ринсвинд оглядел его сверху донизу и вежливо спросил:

— Ну и как, удачно?

— Нет, значительных результатов мы не добились.

Ринсвинд снова заглянул в яму.

— Ты сказал «мы». А где остальные? — поинтересовался он.

— Перешли в местную веру.

Ринсвинд еще раз посмотрел на статую Кусалькоатля. Местная вера умела агитировать за себя.

— Думаю, — осторожно проговорил он, — нам лучше идти.

— Это уж точно, — подхватил старик. — И побыстрее. Пока не появился этот, как его, Повелитель Мира.

Ринсвинд похолодел. «Начинается, — подумал он. — Я знал, что все будет очень плохо, и вот, начинается. У меня, должно быть, инстинкт на такие вещи».

— Кто-кто? — осторожно осведомился он.

— О, у них тут есть одно пророчество. Ну, на самом деле даже не пророчество, скорее вся история мира, от начала до конца. Ее описание покрывает эту пирамиду сверху донизу, — жизнерадостно пояснил Понт да Щеботан. — Клянусь честью, не хотел бы я быть этим самым Повелителем, когда он прибудет сюда. У них на счет его *такие* планы...

Эрик поднялся на ноги.

— А теперь послушайте-ка меня, — сказал он. — Подобного отношения я терпеть не собираюсь. Я, знаете ли, ваш повелитель...

Ринсвинд таращился на ближайшие к статуе каменные плиты. Тецуманцам понадобилось два этажа, двадцать лет и десять тысяч тонн гранита, чтобы объяснить, что они собираются сделать с Повелителем Мира, когда тот наконец объявится. Результат получился, как бы лучше выразиться, очень наглядным. У Ринсвинда не оставалось никаких сомнений в том, что тецуманцы очень недовольны. Он рискнул бы даже предположить, что они весьма раздражены.

— Но почему они сначала дарили ему все эти драгоценности? — спросил он, указывая на соответствующий сюжет.

— Ну, он же все-таки Повелитель, — пожал плечами да Щеботан. — Полагаю, он имеет право на некоторое уважение.

Ринсвинд кивнул. Все вполне справедливо. Представьте себе, вот вы — племя, живущее в болоте посреди влажного леса. Вы не знаете металла, а на шее у вас сидит бог, подобный Кусалькоатлю. И вдруг к вам заявляется человек, утверждающий, будто бы он тут всем распоряжается. Наверняка вам захотелось бы потратить некоторое время на то, чтобы внятно объяснить ему, насколько вы разочарованы. Тецуманцы никогда не видели смысла в том, чтобы миндальничать с божествами.

Главный герой был вылитый Эрик.

Взгляд Ринсвинда перескочил на соседнюю стену, следуя за продолжением истории.

На этой плите очень похоже был изображен *он сам*. На плече у рисованного Ринсвинда тоже сидел попугай.

— Вот черт, — воскликнул волшебник. — Это же я!

— Взгляни на соседнюю плиту. Там подробно описано то, что с тобой сделают, — самодовольно заметил попугай. — Это вывернет твой какеготам наизнанку.

Ринсвинд взглянул на указанную плиту. Его какеготам подскочил к горлу.

— Сейчас мы повернемся и тихонечко уйдем отсюда, — твердо заявил волшебник. — В смысле, благодарить за угощение мы не будем. Потом скажем «спасибо», пошлем письмо. Ну, знаешь, вежливость и всякое такое...

— Буквально одну минуточку, — остановил Понт Ринсвинда, который тащил его за руку. — Я так и не дочитал до конца. Очень хочется узнать, каким будет конец света...

— Не знаю, каким он будет для всех остальных, — угрюмо отозвался Ринсвинд, увлекая да Щеботана в тоннель. — Зато прекрасно знаю, каким он будет для *меня*.

Ринсвинд шагнул на свежий воздух, и это было прекрасно. Но что было очень плохо, так это то, что шагнул он прямо в кольцо тецуманцев. В руках тецуманцы сжимали копья, снабженные остро наточенными обсидиановыми наколечниками. Копья эти, подобно и тецуманским мечам, были не столь совершенны, как обыч-

ное грубое, низкопробное стальное оружие. Но будет ли ему легче, если его проткнут изящными образчиками подлинного самобытного творчества, а не теми отвратительными изделиями, что были выкованы в кузницах людьми, которые никак не могли похвастать единением с природой?

Вряд ли — решил Ринсвинд.

— Я всегда говорил, во всем надо уметь видеть хорошую сторону, — объявил да Щеботан.

Ринсвинд, привязанный к соседней каменной глыбе, с трудом повернул голову в его сторону.

— И где же ты ее сейчас углядел? — поинтересовался он.

Понт да Щеботан, прищурившись, посмотрел через болото на свод леса.

— Что ж, начать с того, что отсюда открывается первоклассный вид...

— О, здорово, — отозвался Ринсвинд. — Знаешь, мне бы такое и в голову не пришло. Ты абсолютно прав. Этот вид ты будешь помнить до конца своей жизни. Я имею в виду, вряд ли это будет великим подвигом со стороны твоей памяти.

— Нечего ехидничать. Я просто высказал свое мнение.

— Хочу к маме, — заявил Эрик, привязанный к средней глыбе.

— Выше голову, парень, — подбодрил его Понт. — По крайней мере, тебя не просто так приносят в жертву, а ради чего-то стоящего. Вот, думаешь, за что со мной так обошлись? Я просто предложил им попробовать ставить колеса вертикально, чтобы они катились. Но местные жители не очень-то восприимчивы к новым веяниям. Не отчаивайся, малыш. Надежда умирает последней.

Ринсвинд зарычал. Вот этого он терпеть не мог — людей, не проявляющих страха перед лицом Смерти. Это противоречило самим основам Ринсвиндова мироздания.

— Хм, и самое главное, — продолжал да Щеботан, — мне кажется... — Он попробовал поката́ться из стороны в сторону, натягивая лианы, которые привязывали его к глыбе. — Да, определенно можно сказать, что, когда они затягивали эту веревку... угу, точно-точно, эта веревка...

— Что? Ну что?! — не выдержал Ринсвинд.

— Да, теперь я абсолютно уверен, — сказал да Щеботан. — Эта веревка затянута туго и профессионально. Не поддается ни на дюйм.

— Спасибо, — буркнул Ринсвинд.

На самом деле плоский верх усеченной пирамиды был довольно-таки просторным. На нем вполне хватало места для всяческих статуй, жрецов, каменных глыб, сточных желобов, производственных линий по обтесыванию ножей

и всего остального, в чем нуждались тецуманцы для массового отправления религиозных обрядов. Несколько стоящих перед Ринсвиндом жрецов деловитыми голосами зачитывали длинный список жалоб: болото; комары; отсутствие металлических руд; вулканы; климат; такой бог, как Кусалькоатль; обсидиан постоянно тупится; квадратные колеса плохо катаются... Список был очень долгий.

В большинстве религий молящиеся обычно возносят хвалы и благодарят имеющих в наличии богов — либо из общего благочестия, либо в надежде, что боги поймут намек и начнут действовать соответственно. Тецуманцы же, как следует осмотревшись вокруг и твердо решив, что хуже быть уже не может, не церемонились в своих жалобах.

— Осталось совсем немного, — сообщил попугай, сидящий на статуе одного из второстепенных тецуманских богов.

Он оказался там в результате сложной последовательности событий, включающей в себя многочисленные вопли, облако перьев и трех тецуманских жрецов с сильно распухшими большими пальцами.

— Верховный жрец совершает какеготам в честь Кусалькоатля, — небрежно продолжал попугай. — А вы собрали немалую толпу.

— Ты, наверное, ни за что на свете не согласишься спрыгнуть сюда и передолбить эти веревки своим клювом? — уточнил Ринсвинд.

— Ты абсолютно какеготам.

— Я так и думал.

— Скоро поднимется солнце, — не унимался попугай.

У Ринсвинда создалось впечатление, что в птичьем голосе прозвучала излишняя жизнерадостность.

— Эй, демон, я буду жаловаться, — простонал Эрик. — Вот погоди, моя мама узнает... У меня, знаешь ли, влиятельные родители.

— О, прекрасно, — слабо отозвался Ринсвинд. — Почему бы тебе не обратиться напрямую к верховному жрецу? Скажи ему, что, если он вырежет тебе сердце и ты из-за этого завтра не пойдешь в школу, твоя мамочка очень рассердится.

Тецуманские жрецы поклонились восходящему солнцу, однако глаза всей толпы обратились к джунглям.

В которых что-то происходило. Оттуда слышался хруст ломающегося подлеска. С деревьев, истерично вопя, срывались тропические птицы.

Ринсвинд, разумеется, не мог этого видеть.

— Сам виноват. Кто хотел стать повелителем мира? — продолжал он. — Ты, вообще, чего ожидал? Думал, тебе обрадуются? Знаешь, открою тебе одну тайну: домовладельцев никто не любит.

— Но они собираются *убить* меня!

— Взгляни на все с другой точки зрения. Так они тебе показывают, что, метафорически выражаясь, им осточертело ждать, когда ты покрасишь дом и исправишь канализацию.

Теперь уже все джунгли были охвачены сумятицей. Животные вылетали из кустов, словно спасаясь от лесного пожара. Несколько тяжелых глухих ударов возвестили о том, что деревья ломаются и падают наземь.

Через подлесок продрался обезумевший ягуар и громадными прыжками помчался по тракту. В нескольких футах позади него несли Сундук.

Сундук был покрыт лианами, листьями и перьями всевозможных редких лесных птиц, которые после случившегося стали встречаться еще реже. Ягуар мог бы спастись, отскочив вправо или влево, но простой животный ужас мешал ему мыслить логически. Он сделал большую ошибку: повернул голову, чтобы посмотреть, кто его преследует.

Ошибка была большой — и последней в ягуаровой жизни.

— Помнишь этот свой ящик? — спросил попугай.

— Да, а что? — откликнулся Ринсвинд.

— Он направляется сюда.

Жрецы вгляделись в бегущий далеко внизу предмет. У Сундука был очень прямолинейный способ обращаться с теми вещами, что стояли

между ним и намеченной им целью, — он их попросту игнорировал.

И Кусалькоатль, презрев все свои инстинкты, в страшной тревоге и, что самое ужасное, в полном неведении относительно происходящего, — Кусалькоатль избрал именно этот момент для того, чтобы материализоваться на вершине пирамиды.

Кое-кто из жрецов заметил его. Ножи выпали у них из рук.

— Э-э... — пискнул демон.

Остальные жрецы тоже повернулись.

— Прекрасно. А теперь я хочу, чтобы вы все меня выслушали, — крикнул Кусалькоатль, приставив крошечные ручонки к своему основному рту, чтобы лучше было слышно.

Он оказался в весьма щекотливом положении. Ему страшно нравилось быть богом тецуманцев, он был прямо-таки потрясен их целеустремленной преданностью и очень благодарен им за невероятно похожую на него статую внутри пирамиды. Поэтому ему было крайне неприятно раскрывать тот факт, что данная статуя отличается от своего оригинала одной немаловажной деталью.

На самом деле Кусалькоатль был шести дюймов ростом.

— Так вот, — начал Кусалькоатль, — это очень важно...

К несчастью, никто так и не узнал почему. В этот миг Сундук, ожесточенно суча ножками,

взобрался на вершину пирамиды и плюхнулся на каменные плиты.

Раздался короткий глухой вскрик.

«Этот старый мир весьма забавен,— сказал потом Понт да Щеботан.— Над ним нельзя не смеяться. Ведь если не смеяться, можно сойти с ума. То ты лежишь привязанный к каменной глыбе и ждешь, что тебя подвергнут изысканной пытке, то тебе вдруг предоставляют завтрак, сменную одежду, горячую ванну и бесплатный транспорт до границы царства. Именно так человек начинает верить в богов...» Тецуманцы никогда и не сомневались в том, что боги существуют. Но в данный момент их главное божество представляло собой небольшое маслянистое пятнышко на вершине пирамиды...

Сундук стоял на главной площади города. Все представители жречества, собравшись вокруг, внимательно следили за ним — вдруг он выкинет что-нибудь потешное или, наоборот, имеющее религиозный смысл.

— И ты действительно оставишь его здесь? — спросил Эрик.

— Все не так просто, — ответил Ринсвинд. — Обычно он меня догоняет. Но давайте-ка побыстрее сматываться.

— А как же дань?

— Думаю, будет благоразумным отказаться от нее, — возразил Ринсвинд. — Давайте просто

уйдем потихоньку, пока они в хорошем настроении. Рано или поздно новизна исчерпает себя.

— А я должен продолжить поиски Источника Жизни,— заявил да Щеботан.

— Ах да,— кивнул Ринсвинд.

— Я, знаете ли, посвятил этому всю свою жизнь,— гордо сообщил старик.

Ринсвинд оглядел его сверху донизу.

— Неужели?

— О да. Исключительно. Ищу с самого детства.

Лицо Ринсвинда выражало крайнюю озадаченность.

— В таком случае,— начал он тоном, каким обычно разговаривают с маленькими детьми,— не лучше ли... ну, знаешь, разумнее... завязать...

— Что? — спросил да Щеботан.

— О, неважно,— отозвался Ринсвинд.— Однако у меня есть для тебя кое-что,— добавил он.— Чтобы ты, ну, знаешь, *не скучал*, мы дарим тебе этого замечательного говорящего попугая.— Ринсвинд ловко сграбастал птицу, старательно избегая подставлять пальцы под мощный клюв.— Это ведь лесной житель. Было бы жестоко и дальше заставлять его жить городской жизнью...

— Я родился в клетке, ты, буйный какого-там! — крикнул попугай.

Ринсвинд придвинул нос к его клюву и прошипел:

— Либо это, либо на сковородку.

Попугай открыл было клюв, чтобы цапнуть его за нос, но, увидев выражение лица волшебника, резко передумал.

— Попка хочет печенья, — проговорил он и тихо буркнул: — *Какего там какогo там какогo там!*

— Дорогая моя, чудная птичка! — восхитился да Щеботан. — Я буду присматривать за ней.

— *Какего там какогo там какогo там!*

Они достигли джунглей. Несколькими минутами спустя Сундук стронулся с места и порысил следом за ними.

В Тецуманской империи был полдень.

Из главной пирамиды доносились звуки, которые позволяли предположить, что там разбирают на части какую-то очень большую статую.

Жрецы в задумчивости сидели на полу. Время от времени кто-нибудь из них вставал и произносил краткую речь.

Во всех этих речах затрагивались крайне важные вопросы. Например, о том, что экономика царства напрямую зависит от процветания индустрии, занимающейся производством обсидиановых ножей; о том, что покоренные соседние царства с течением времени привыкли полагаться на твердую руку правительства, а также, между прочим, на разрубание тел, разрезание животов и вынимание внутренностей,

производимые той самой твердой рукой; и об ужасной судьбе, которая ожидает любой народ, не имеющий бога. Народ-безбожник способен дойти до *чего угодно*: он может возмутиться против добрых старых традиций скромной жизни и несамопожертвования, сделавших империю таковой, какова она есть сегодня; народ может начать спрашивать себя, зачем ему, народу, если у него нет бога, все эти жрецы. В общем, ожидать можно *чего угодно*.

Все вышеперечисленное было очень хорошо изложено Муцумой, верховным жрецом, когда он сказал:

— [*Расплющенная фигурка со сломанным носом, коготь ягуара, три пера, стилизованный, покрытый иглами муравьед*].

Через некоторое время было проведено голосование.

К вечеру ведущие каменщики империи начали работу над новой статуей.

В основе своей она была прямоугольной и имела кучу ног.

Правитель демонов побарабанил пальцами по столу. Не то чтобы его расстроила судьба Кусалькоатля, которому теперь придется провести несколько столетий в одном из низших кругов преисподней, пока он не нарастит себе новое материальное тело. Так ему и надо, этому мерзкому крысенышу. Случившееся на пирамиде —

вернее, чуть не случившееся — также не особо волновало Астфгла. В конце концов, суть исполнения желаний как раз и заключается в том, чтобы клиент получал именно то, что просил, и именно то, что на самом деле ему было совсем не нужно.

Но события... они выходили из-под демонического контроля.

Да нет, смешно. В *лучшем* случае он всегда может материализоваться и лично навести порядок. Но Астфгл предпочитал, чтобы люди думали, будто бы все плохое в их жизни случается по воле рока и судьбы. Астфглу нравилось мутить воду. Это поднимало ему настроение.

Правитель демонов повернулся обратно к зеркалу и подкрутил ручку временного контроля.

Только что они были в душных, влажных джунглях Клатча, как вдруг...

— Я думал, мы собирались вернуться ко мне в комнату, — пожаловался Эрик.

— Я тоже так думал! — отозвался Ринсвинд. Чтобы перекрыть жуткий грохот, ему пришлось кричать.

— Щелкни еще раз пальцами, демон.

— Ни за что в жизни! Ты не представляешь, сколько на свете мест, где нам придется гораздо хуже!

— Но здесь жарко! И темно!

С этим Ринсвинд спорить не мог. А еще здесь было трясуچه и шумно. Когда его глаза немножко привыкли к темноте, он различил мутные пятнышки света. Их тусклое сияние, а также сильный запах древесной стружки и клея позволяли предположить, что Ринсвинд с Эриком оказались внутри... какого-то корабля. Все вокруг носило явный отпечаток столярных работ. Если это действительно был корабль, то в данный момент он подвергался жутко ухабистому спуску со стапеля.

Толчок с силой бросил Ринсвинда на переборку.

— Должен сказать, — пожаловался Эрик, — что если именно здесь живет самая прекрасная женщина в мире, то я крайне невысокого мнения о выбранном ею туалете. Каких же размеров она должна быть, чтобы носить такое?

— Кто носить? Кого носить? — переспросил Ринсвинд. — И причем тут туалет?

— Все прекрасные дамы носят облегающие, соблазнительные туалеты, — самоуверенно заявил Эрик. — Я об этом читал.

— Скажи-ка, — попросил Ринсвинд, — ты никогда не испытывал необходимости принять холодную ванну и совершить быструю пробежку вокруг детской площадки?

— Никогда.

— А стоило бы попробовать.

Грохот внезапно прекратился.

Где-то вдали раздался стук, словно закрывались створки огромных ворот. Ринсвинду показалось, что он услышал затихающие в отдалении голоса и смешок. Это был не самый приятный смешок; он скорее походил на не предвещающее добра хмыканье. И Ринсвинд знал, кому именно оно не предвещает этого самого добра.

Он уже даже не спрашивал себя, как его угрозило здесь оказаться — где бы это «здесь» ни было. Злые силы — наверное, в них все дело. По крайней мере, в данный конкретный момент ничего особо ужасного с ним не происходило. Но, возможно, это был только вопрос времени.

Ринсвинд пошарил вокруг себя, пока его пальцы на что-то не наткнулись. При внимательном рассмотрении под лучиком света, падающим из ближайшей дырки от сучка, оказалось, что он нашел веревочную лестницу. Дальнейшее ощупывание одной из стенок корпуса (или как оно там называется) позволило ему установить контакт с небольшим круглым люком.

Ринсвинд подполз обратно к Эрику.

— Тут есть дверь, — прошептал он.

— И куда она выходит?

— По-моему, она никуда не выходит, она остается на месте, — ответил Ринсвинд.

— Выясни, куда она ведет, демон!

— Это может оказаться неблагоприятным, — осторожно заметил Ринсвинд.

— Я тебе приказываю!

Ринсвинд с мрачным видом направился обратно к люку.

Люк со скрипом открылся.

Внизу — довольно далеко внизу — виднелась мокрая булыжная мостовая, по которой легкий ветерок гнал несколько обрывков утреннего тумана. Ринсвинд слегка вздохнул и развернул лестницу.

Две минуты спустя они уже стояли во мраке того, что показалось им огромной площадью. Сквозь туман проступали очертания зданий.

— Где мы? — спросил Эрик.

— Понятия не имею.

— Ты не знаешь?

— Не имею ни малейшего представления, — сознался Ринсвинд.

Эрик свирепо уставился на затянутые дымкой образчики архитектуры.

— И мы должны искать самую прекрасную женщину в мире на такой помойке? — буркнул он.

Вдруг Ринсвинду пришло в голову посмотреть, откуда они только что вылезли. Он поднял глаза.

Над ними — высоко над ними, — возвышаясь на четырех массивных ногах, что опирались на громадную платформу на колесиках, стояла гигантская деревянная лошадь. Вернее, это был круп гигантской деревянной лошади.

Ее строитель мог бы разместить люк в более достойном месте, но по каким-то своим причинам, видимо юмористического свойства, решил этого не делать.

— Э-э...— начал Ринсвинд.

Кто-то кашлянул.

Ринсвинд опустил глаза.

Редеющий туман открыл его взору стоящих широким кругом вооруженных людей. Многие из них ухмылялись, и все они держали в руках сошедшие с конвейера, бездушные, но тем не менее *острые* копья.

— А-а,— изрек Ринсвинд и снова посмотрел на люк.

Взгляд его был достаточно красноречив.

— Единственное, чего я не понимаю,— заметил сержант стражи,— так это почему вас двое. Мы ожидали, ну, может, сотню.

Он откинулся на спинку стула. У него на коленях лежал огромный, украшенный пучком перьев шлем, а на лице играла довольная улыбка.

— Честное слово, ну вы, эфебцы, даете! — хмыкнул он.— Смех, да и только! Вы, должно быть, думаете, что мы только вчера родились! Всю ночь пилили да колотили, и вдруг за воротами появляется здоровенная деревянная лошадь. «Забавно,— думаю я,— громаднейшая

деревянная лошадь с *вентиляционными отверстиями*». Я, видите ли, умею подмечать всякие мелочи. Так что я мигом кличу ребят, мы выскакиваем из крепости с утраца пораньше, втаскиваем эту штуку в ворота, как от нас и ожидалось, а потом тихонько сидим вокруг, ну и, типа, ждем, что она нам выплюнет. Если можно так выразиться. А теперь, — он придвинул небритое лицо к самому лицу Ринсвинда, — у тебя есть выбор, понял? Верхняя скамья или нижняя — тебе решать. Мне достаточно сказать лишь слово. Брось диск мне, и я брошу диск тебе*.

— Какая-какая скамья? — переспросил Ринсвинд, отшатываясь от щедрой струи чесночного запаха.

— Боевые триремы, — жизнерадостно пояснил сержант. — Три скамьи, одна над другой. *Три*-ремы. Видишь ли, тебя приковывают к веслам на долгие годы, и тут все зависит от того, на верхней ты скамье, на свежем воздухе, или же на нижней, где, — он ухмыльнулся, — этого воздуха совсем нет. Все в ваших руках, ребята. Будете хорошо себя вести, и единственная ваша проблема — это чайки. *Итак...* Почему вас только двое?

Он снова откинулся на спинку стула.

— Извини, — вмешался Эрик, — по-моему, это Цорт, я угадал?

* Тогда игры с мячом на Плоском мире еще не изобрели.

— Ты часом не пытаешься ли надо мной шутки шутить, а, парень? А то ведь существуют такие штуки, как кинкиремы, там пять скамей. Это тебе *совсем* не понравится.

— Нет, *сир*, — возразил Эрик. — С вашего позволения, сир, я всего лишь маленький мальчик, сбившийся с пути из-за дурной компании.

— О, *спасибочки*, — горько сказал Ринсвинд. — Ты совершенно случайно начертил кучу оккультных кругов и...

— Сержант! Сержант!

В караулку влетел какой-то солдат. Сержант поднял глаза.

— Там еще одна деревянная штукovina, сержант! Прямо за воротами!

Сержант торжествующе ухмыльнулся Ринсвинду.

— А, вот оно, значит, как? Вы были всего лишь передовым отрядом, посланным сюда, чтобы открыть ворота. *Прекрасно*. Мы сейчас пойдем разберемся с вашими друзьями и сразу же вернемся. — Он указал солдату на пленников. — Ты останешься здесь. Если они шевельнутся, сделай с ними что-нибудь ужасное.

Ринсвинд и Эрик остались со стражником наедине.

— Ты хоть понимаешь, что натворил? — спросил Эрик. — Ты всего-навсего перенес нас обратно по времени, в эпоху цортских войн! На тысячи лет назад! Мы проходили это в школе, деревянного коня и все остальное! Как прекрас-

ную Элинор похитили у эфебцев — или, возможно, это эфебцы похитили ее, — в общем, потом началась осада, чтобы вернуть ее обратно, и так далее... — Он на мгновение умолк. — Но... но это означает, что я встречу с ней... — Он снова замолчал, а затем восхищенно выдохнул: — Ого!

Ринсвинд осмотрел помещение. Древним оно не выглядело, но, впрочем, и не должно было, потому что таковым еще не являлось. Любая точка во времени существует либо «сейчас», — если вы в ней находитесь, — либо «тогда». Ринсвинд попытался припомнить те немногие сведения из классической истории, которые он когда-то впитал, но это была какая-то мешанина из битв, одноглазых великанов и женщин, чьи лица отправляли в плавание тысячи кораблей.

— Разве ты не понял? — прошипел Эрик. Его очки сияли. — Они, должно быть, занесли коня в ворота прежде, чем в нем спрятались солдаты! И мы, мы знаем, что произойдет! Мы могли бы сделать себе целое состояние!

— Каким образом?

— Ну... — Эрик замялся. — Можно поставить на результаты скачек и...

— Замечательная мысль, — кивнул Ринсвинд.

— Да, и...

— Итак, все, что нам нужно, это сбежать отсюда, а потом выяснить, проводятся ли здесь скачки, после чего серьезно напрячься и попро-

бовать припомнить клички лошадей, которые выигрывали на скачках в Цорте несколько тысяч лет назад.

Они вернулись к своему прежнему занятию — мрачному разглядыванию пола. В этом кроется основная проблема всех путешествий во времени. Они происходят как-то спонтанно, в результате чего на место вы прибываете абсолютно неподготовленным. Ринсвинд решил, что практически единственное, на что он может надеяться, это найти Источник Жизни, о котором рассказывал да Щеботан, и умудриться остаться в живых в течение пары-тройки тысяч лет, чтобы потом убить собственного дедушку. Вот это было действительно заманчиво. Его предки сами на это напросились.

Однако забавно... Ринсвинд вспомнил знаменитого деревянного коня, которого использовали для того, чтобы обманом пробраться в укрепленный город. Разве внутри коняги были всего двое людей? В следующей мысли, которая пришла ему в голову, было что-то неизбежное.

— Извини, — обратился он к стражнику. — Та, э-э, та вторая деревянная штукovina за воротами... это, наверное, не лошадь?

— Ну, разумеется, вам ли об этом не знать, — хмыкнул тот. — Вы же шпиёны.

— Держу пари, она более прямоугольная и вроде как поменьше размерами, — продолжал Ринсвинд. Его лицо выражало невинную любознательность.

— Уж будь уверен. Вы, эфебцы, всегда страдали от недостатка воображения.

— *Понятно.*

Ринсвинд сложил руки на коленях.

— Только попробуй убежать, — предложил стражник. — Ну, давай. Попробуй — и увидишь, что будет.

— И, полагаю, твои сотоварищи тоже затащат ее в город, — гнул свое Ринсвинд.

— Вполне возможно, — согласился стражник.

Эрик захихикал.

До стражника начало доходить, что где-то вдалеке раздаются людские вопли. Кто-то попытался затрубить в рог, но через несколько тактов инструмент издал какой-то булькающий звук и умолк.

— Судя по всему, там идет неплохая драчка, — заметил Ринсвинд. — Люди завоевывают рыцарские шпоры, совершают геройские подвиги, обращают на себя внимание старших офицеров и все такое. А ты торчишь тут вместе с нами.

— Это мой пост, и я с места не тронусь, — заявил стражник.

— Абсолютно правильное отношение, — похвалил его Ринсвинд. — Неважно, что все остальные там, на улице, мужественно сражаются, дабы защитить родной город и любимых женщин от коварного врага. Ты оставайся здесь и охраняй нас. Самое то, что надо. Может, тебе

даже поставят памятник на городской площади, если таковая еще останется. И напишут на нем: «Он выполнял свой долг».

Солдат, похоже, крепко призадумался над его словами, и в это время со стороны главных ворот донесся ужасающий треск.

— Послушайте, — с отчаянием в голосе произнес стражник, — если я выскочу всего на минуточку...

— О нас не беспокойся, — подбодрил его Ринсвинд. — Ведь мы даже не вооружены.

— Точно, — согласился стражник. — Спасибо.

Он одарил Ринсвинда обеспокоенной улыбкой и бросился бежать в ту сторону, откуда доносился шум. Эрик посмотрел на волшебника с чем-то вроде восхищения.

— По правде говоря, это было потрясающе, — изрек он.

— Парень далеко пойдет, — отозвался Ринсвинд. — Он руководствуется здоровой военной логикой. Ну ладно. Бежим отсюда.

— Но куда?

Ринсвинд вздохнул. Он уже неоднократно пытался объяснить людям основы своей философии, но никто так его и не понял.

— Насчет того, *куда* бежать, можешь не беспокоиться, — сказал он. — Согласно моему опыту, это обычно устраивается само собой. Главное слово тут — «бежим».

Капитан осторожно высунул голову из-за баррикады и рывкнул:

— Это всего лишь небольшой ящик, сержант. В него не вошла бы и пара человек.

— Прошу прощения, сэр, — возразил сержант. Его лицо было лицом человека, чей мир буквально за несколько коротких минут очень сильно изменился. — В этот ящик вошло по меньшей мере четверо, сэр. Капрал Непригод и его взвод, сэр. Я послал их попробовать открыть его, сэр.

— Ты пьян, сержант?

— Еще нет, сэр, — с чувством ответил сержант.

— Сержант, небольшие ящики не едят людей.

— А после этого он впал в ярость, сэр. Видите, что он сделал с воротами?

Капитан снова выглянул из-за обломков бревен.

— Ага. Он вдруг отрастил ноги и снес ворота, верно? — саркастически осведомился он.

На лице сержанта появилась улыбка облегчения. Наконец-то они друг друга поняли.

— В самую точку, сэр, — сказал он. — Ноги. Сотни чертовых ножек, сэр.

Капитан уставился на подчиненного свирепым взглядом. Сержант сделал непроницаемое лицо, которое передавалось по наследству от одного сержанта к другому с тех самых пор, как

одна протоамфибия приказала другой, низшей по званию, собрать взвод тритонов и Захватить Этот Пляж. Капитану было восемнадцать лет, и он только что закончил военную академию, где с отличием выдержал экзамены по таким предметам, как классическая тактика, прощальные оды и военная грамматика. Сержанту было пятьдесят пять, и последние сорок лет он провел, нападая или подвергаясь нападению всяческих гарпий, людей, циклопов, фурий и прочих ужасных ходячих, ползучих или летучих тварей. Он чувствовал себя слегка обманутым.

— Что ж, я взгляну на это, сержант...

— ...Разрешите предположить, сэр, это не самый хороший план...

— ...И после того, как я взгляну на это, сержант, кое у кого будут ба-альшие неприятности.

Сержант отдал ему честь.

— Так точно, сэр, — предсказал он.

Капитан фыркнул и, перебравшись через баррикаду, направился туда, где среди обломков ворот, неподвижный и молчаливый, стоял монстроподобный ящик. Сержант тем временем соскользнул с баррикады, спрятался за самым крепким бревном, какое только смог найти, и с величайшей решимостью надвинул шлем на уши.

Ринсвинд крался по улицам города. Эрик тащился за ним следом.

— Мы ищем Элинора? — поинтересовался юный демонолог.

— Нет, — твердо сказал Ринсвинд. — Что мы ищем, так это другой выход из города. В который мы и выйдем.

— Но это нечестно!

— Она старше тебя на тысячу лет! Зрелая женщина — это, конечно, очень привлекательно, тут не поспоришь, но, как правило, из таких связей ничего путного не выходит.

— Я требую, чтобы ты отвел меня к ней, — заныл Эрик. — Изыди!

Ринсвинд остановился так резко, что Эрик воткнулся в его спину.

— Послушай, — промолвил волшебник, — мы угодили в центр самой известной из всех самых глупых войн на свете, и в любую минуту тысячи воинов сойдутся в смертельной битве, а ты хочешь, чтобы я пошел, нашел эту хваленую дамочку и сказал ей: «Мой друг желает знать, не согласитесь ли вы с ним отужинать»? Так вот, я этого не сделаю.

Он приблизился к воротам в городской стене; они были поменьше, чем главные, совсем не охранялись стражниками, и в них была калитка. Ринсвинд отодвинул засов.

— Это не имеет к нам никакого отношения, — заявил он. — Мы даже еще не родились, не говоря уже о том, что есть такая штука, как

призывной возраст. В общем, это не наше дело, и мы не сделаем ничего такого, что изменило бы ход истории, ясно?

Он распахнул дверь, и это сэкономило эфебской армии массу усилий. Они как раз собирались постучать.

Весь день бушевала битва. Она была подробно описана известными историками, которые подолгу распространялись о похищенных прекрасных женщинах, о собирающихся на море флотах, о строящихся деревянных животных, о героях, сражающихся друг с другом... Однако никто из них и словом не обмолвился о той роли, которую сыграли в цортско-эфебской войне Ринсвинд, Эрик и Сундук. Впрочем, сами эфебцы заметили, с каким энтузиазмом бросились к ним цортские солдаты, которые не столько стремились в битву, сколько пытались убежать от чего-то ужасного.

Также историки упустили из виду еще один интересный факт — насчет клатчских способов ведения войны, которые на данной стадии были довольно примитивными и распространялись только на солдат, в то время как остальная публика оставалась незадействованной. В принципе, все и так знали, что рано или поздно либо та, либо другая сторона победит, нескольким особо невезучим генералам отрубят головы, победителям будет выплачена контрибуция в виде боль-

шой суммы денег, все отправятся домой собирать урожай и этой проклятой бабе придется наконец решить, на чьей она стороне, дрянь такая.

В общем, уличная жизнь Цорта продолжалась более или менее нормальным образом. Горожане спокойно огибали встречающиеся время от времени группы сражающихся солдат или пытались продать им люля-кебаб. Кое-кто из наиболее предприимчивых местных жителей уже начал разбирать деревянного коня на сувениры.

Ринсвинд даже не пытался осмыслить причины подобного поведения. Он сидел в уличном кафе и спокойно наблюдал за жаркой схваткой, разыгрывающейся среди рыночных прилавков. Выкрики «Спелые оливки!» перемежались стонами раненых и предупредительными воплями: «*Пожалуйста*, берегите головы, тут люди сражаются!»

Натолкнувшись на покупателей, солдаты извинялись. «Тяжелый случай...» — подумал Ринсвинд. Однако еще тяжелее было уговорить хозяина кафе принять монету с головой правителя, чей прапрапрадедущка еще даже не родился. К счастью, Ринсвинду удалось убедить этого достойного человека в том, что будущее — это тоже страна, только другая.

— И лимонада для мальчишки, — добавил он.

— Мои родители позволяют мне пить пиво, — заявил Эрик. — Мне разрешается выпивать по стакану в день.

— Не сомневаюсь, — откликнулся Ринсвинд.

Хозяин старательно протирал тряпкой стол, размазывая лужицы от пролитых напитков в тонкую пленку.

— Пришли на сражение посмотреть? — любопытствовал он.

— Если можно так выразиться, — осторожно ответил Ринсвинд.

— Я бы тут особо не расхаживал, — продолжал хозяин. — Говорят, эфебцев впустил какой-то штатский тип — *не то чтобы я имею что-то против эфебцев, прекрасные, воистину прекрасные люди*, — торопливо добавил он, видя, что мимо трусит кучка солдат. — И поговаривают, это был чужестранец. Штатские не должны участвовать в военных действиях, это нечестно. Тут народ его ищет, чтобы перекинуться с ним парочкой слов.

Завершив свою речь, хозяин резко рубанул ладонью.

Ринсвинд уставился на его руку, как загнилотизированный.

Эрик открыл рот. Эрик вскрикнул и схватился за щиколотку.

— А его описание имеется? — поинтересовался Ринсвинд.

— Да нет вроде.

— Что ж, желаю им удачи, — бодрым голосом заключил Ринсвинд.

— А что такое с парнишкой?

— Судорога.

— И вовсе не обязательно было пинать меня! — прошипел Эрик, когда хозяин удалился к себе за стойку.

— Ты совершенно прав. С моей стороны это был абсолютно добровольный жест.

На плечо Ринсвинда опустилась тяжелая рука. Он оглянулся, поднял глаза и увидел лицо эфебского центуриона.

— Это тот самый тип, сержант, — подсказал стоящий рядом солдат. — Держу пари на годовую пайку соли.

— Кто бы мог подумать... — отозвался сержант и нехорошо ухмыльнулся Ринсвинду. — Пошли-ка, приятель. Шеф хочет перемолвиться с тобой словечком.

Кто славит Александра, кто — Геракла, кто — Гектора. Подобных великих имен на свете много. По сути дела, люди склонны говорить приятные вещи о каждом лопоухом обладателе меча, по крайней мере когда находятся поблизости от данного героя, — так гораздо безопаснее. А вот еще забавный факт: Народ, как правило, больше уважает военачальников, вступающих со стратегией типа: «Я хочу, чтобы вы, ребята, все пятьдесят тысяч, навалились на

противника и как следует насовали ему», чем куда более осмотрительных полководцев, которые говорят вещи вроде: «Почему бы нам не построить огромную деревянную лошадь, а потом проскользнуть в заднюю калитку, пока они все толпятся вокруг этой бандуры и ждут, когда мы оттуда вылезем».

А все потому, что большинство военачальников первого типа — храбрецы, в то время как из трусов получаются гораздо лучшие стратеги.

Ринсвинда притащили к эфебским полководцам, которые разместили свой командный пункт на главной площади города, дабы наблюдать за штурмом центральной цитадели, которая, разумеется, возвышалась на, само собой, головокругжительно высоком холме. Шатры военачальников намеренно разбили подальше от стен, поскольку неумные защитники крепости бросались камнями.

Когда Ринсвинд прибыл, великие полководцы обсуждали стратегию битвы. Похоже, все сходились во мнении, что если послать на штурм горы по-настоящему большое количество людей, то достаточная их часть сможет избежать летящих вниз булыганов и захватить крепость. По существу, это основа всего военного мышления.

При появлении Ринсвинда и Эрика несколько наиболее внушительно одетых вождей подняли глаза, одарили пришельцев взглядами, которые позволяли предположить, что им, ге-

роическим военачальникам, было бы куда интереснее смотреть на червяков, и снова отвернулись. Единственный человек, который, казалось, обрадовался их появлению...

...Был совсем не похож на военного. У него имелись доспехи, правда потускневшие, и шлем, плюмаж которого выглядел так, словно его долгое время использовали в качестве малярной кисти. Сам же воитель был изрядно косятив и обладал военной выправкой куницы. Однако в лице его присутствовало что-то знакомое. «Такое очень симпатичное лицо...» — подумал Ринсвинд.

Впрочем, слово «обрадовался» использовалось выше лишь для сравнительного описания. Этот человек был единственным, кто дал понять, что знает об их существовании.

Он сидел, развалясь в кресле, и кормил Сундук бутербродами.

— О, привет, — мрачно изрек он. — А вот и вы.

Просто удивительно, сколько информации можно вместить в пару слов. А ведь чтобы добиться примерно такого же эффекта, другому пришлось бы сказать: «Слушайте, ночь была долгой, а без меня тут никак, все приходится организовывать самому: от постройки деревянного коня до расписания сдачи белья в стирку, от этих идиотов примерно столько же помощи, сколько от резинового молотка, и вообще, но-

ги б моей здесь не было, а тут в довершение всего заявляетесь вы. Что ж, привет-привет».

Он указал рукой на Сундук, который выжидающе приоткрыл крышку, и спросил:

— Это ваше?

— Типа того, — осторожно ответил Ринсвинд. — Но имей в виду, я не в состоянии заплатить за то, что он натворил, что бы это ни было...

— Забавная штуковина, а? — продолжал незнакомец. — Мы обнаружили его, когда он наступал на пятьдесят загнанных в угол цортцев. И с чего он их так невзлюбил, а?

Ринсвинд быстро прикинул варианты ответа.

— Он обладает некоторыми удивительными способностями. Например, загодя знает, когда кто-нибудь намеревается причинить мне вред, — соврал Ринсвинд и уставился на Сундук свирепым взглядом. Таким взглядом человек смотрит на коварное, зловредное, в общем и целом недостойное домашнее животное, которое много лет подряд немилосердно кусало всех проходящих мимо, а теперь вдруг, чтобы произвести впечатление на представителей закона, завалилось на свою паршивую спину и изображает из себя Очаровательного Щеночка.

— Да ну? — незнакомец вроде бы и не удивился вовсе. — Он волшебный, что ли?

— Ага.

— Особая древесина?

— Ага.

— Тогда хорошо, что мы не построили из нее эту треклятую лошадь.

— Ага.

— Ты заполучил его при помощи какого-нибудь волшебства?

— Ага.

— Так я и подумал.— Эфебец бросил Сундуку еще один бутерброд.— А сам-то ты откуда? Ринсвинд решил резать правду-матку.

— Из будущего,— ответил он.

Ожидаемого эффекта это не произвело. Незнакомец только кивнул и сказал: «О-о», а потом спросил:

— Мы победили?

— Да.

— О-о. Но результатов скачек ты, конечно, не помнишь? — без особой надежды поинтересовался незнакомец.

— Увы.

— Я и не сомневался. А почему ты открыл нам калитку?

Заявление, якобы он сделал это потому, что всегда был стойким приверженцем эфебской политической позиции, было бы неверным ходом. Поэтому Ринсвинд решил снова попробовать сказать правду. С этим новым подходом стоило поэкспериментировать.

— Искал выход,— признался он.

— Чтобы убежать?

— Ага.

— Молодец. Единственная разумная вещь — в данных обстоятельствах, разумеется.

Заметив Эрика, который, вытаращив глаза, разглядывал остальных военачальников, столпившихся вокруг стола и погруженных в дискуссию, эфебец окликнул мальчика:

— Что, парень, хочешь стать солдатом, когда вырастешь?

— Нет, господин.

Незнакомец немного оживился:

— Так держать. И кем же ты будешь?

— Я хочу быть евнухом, господин, — сообщил Эрик.

Голова Ринсвинда повернулась в сторону паренька так, словно волшебника кто-то резко дернул за ухо.

— Но *почему?* — спросил он и тут же, одновременно с Эриком, выдал очевидный ответ:

— Потому что евнухи работают в гаремах, — проговорили они в унисон.

Незнакомец кашлянул.

— Ты случайно не учитель этого парнишки? — поинтересовался он.

— Нет.

— Ему что, никто не объяснял?..

— Нет.

— Если хочешь, я попрошу одного из центурионов поговорить с ним. У этих парней такие языковые способности — ты поразишься.

— Думаю, это было бы весьма полезно, — согласился Ринсвинд.

Незнакомец взял в руки шлем, вздохнул, кивнул сержанту и разгладил складки на своем плаще — надо отметить, довольно грязном.

— Наверное, мне полагалось бы отчитать тебя, — заметил он.

— За что?

— За то, что ты испортил войну.

— *Испортил войну?*

Незнакомец вздохнул.

— Пойдем. Прогуляемся. Сержант, пожалуйста, ты и еще пара ребят...

Камень, сброшенный с высокой стены цитадели, просвистел совсем рядом и, ударившись о мостовую, разлетелся на куски.

— *Дьявольщина*, они могут отсиживаться там еще несколько недель, — мрачно заметил незнакомец, шагая прочь. Сундук терпеливо плелся за ними следом. — Меня зовут Виндринссей. Понимаю, произносится плохо, но ты постарайся уж запомнить. А ты, кстати, кто таков будешь?

— Он мой демон, — встрял Эрик.

Виндринссей приподнял бровь, что было самым близким подобием удивления, которое он до сих пор продемонстрировал по какому-либо поводу.

— Неужели? Что ж, полагаю, в семье не без урода. А он может проникать в различные места?

— У него скорее получается оттуда выбираться, — ответил Эрик.

— Прекрасно.

Виндринссей остановился рядом с каким-то зданием и начал расхаживать взад-вперед, засунув руки в карманы и постукивая носком сандалии по плитам мостовой.

— Думаю, где-то здесь, сержант, — заявил он через какое-то время.

— Так точно, сэр.

— Посмотри-ка на эту компанию, — сказал Виндринссей, когда сержант и его люди принялись рычагами поднимать плиты. — На эту шарашку, собравшуюся вокруг стола. Храбрые ребята, не спорю, но посмотри на них. Слишком заняты позированием для триумфальных статуй и проверками, а правильно ли историки написали их имя. Черт возьми, мы осаждаем эту крепость уже много лет. Увеличить численность войск, говорят они. Знаешь, им ведь все это даже нравится. То есть в действительности никому нет никакого дела до того, что творится вокруг. А я говорю, давайте побыстрее завязывать и отправляться по домам.

— Нашли, сэр, — сообщил сержант.

— Прекрасно, — Виндринссей даже не обернулся. — Чудненько, — он потер руки. — Ну, как говорится, за дело. Чем раньше закончим, тем раньше ляжем спать. Со мной не хотите? Ваша зверюшка может нам пригодиться.

— А что мы будем делать? — с подозрением поинтересовался Ринсвинд.

— Кое с кем встретимся.

— Это опасно?

В крышу стоящего поблизости здания ударил камень, пробив ее насквозь.

— Не очень,— ответил Виндринссей.— По сравнению с тем, что творится здесь. А если все остальные попытаются взять цитадель штурмом, ну, ты знаешь, истинно военным способом...

Дыра вела в тоннель. Тоннель, слегка поплутав, уткнулся в лестницу. Виндринссей угрюмо побрел по ней вверх, время от времени пиная выпавшие из стен куски каменной кладки так, словно они были его личными врагами.

— Э-э,— сказал Ринсвинд,— а куда ведет этот ход?

— В центр цитадели.

— Знаешь, я предчувствовал, что услышу нечто подобное,— признался Ринсвинд.— У меня, понимаешь ли, инстинкт на такие вещи. И, полагаю, там, в цитадели, засела сейчас вся цортская верхушка?

— Надеюсь, что да,— отозвался Виндринссей, шагая вверх по ступенькам.

— С кучей стражников?

— Думаю, их будут дюжины.

— И хорошо натренированных?

Виндринссей кивнул:

— Самых лучших.

— И мы направляемся именно туда,— не унимался Ринсвинд, полный решимости исследовать

довать весь ужас этого плана, — так человек упорно трогает языком гнилой зуб.

— Это точно.

— Все шестеро.

— И твой ящик, разумеется.

— Ах да, — отозвался Ринсвинд, скорчив в темноте гримасу.

Сержант тихонько постучал его по плечу и наклонился вперед.

— Насчет капитана, господин, не беспокойся, — сказал он. — По части всяких военных штук у него самые лучшие мозги на всем континенте.

— Откуда ты знаешь? Их кто-нибудь видел? — буркнул Ринсвинд.

— Понимаешь ли, господин, дело в том, что он любит заканчивать все так, чтобы никто не пострадал, в особенности он сам. Вот почему он постоянно придумывает всякие штуки. Этот деревянный конь — тоже его затея. А прошлой ночью мы переоделись в штатское, пробрались в город и напились в кабаке с одним из дворцовых чистильщиков, от которого и узнали про этот тоннель.

— Да, но потайные ходы! — воскликнул Ринсвинд. — С другой стороны нас ждут стражники и боги знают что еще!

— Не бойся, господин, ничего страшнее принадлежностей для уборки там не будет. Этот ход ведет в кладовую.

Впереди в темноте послышался грохот. Виндринссей споткнулся о швабру.

— Сержант?

— Сэр?

— Открой-ка эту дверь.

Эрик упорно дергал Ринсвинда за балахон.

— Да? Что? — раздраженно отозвался волшебник.

— Ты ведь знаешь, кто такой Виндринссей? — прошептал Эрик.

— Э-э...

— Он — *Виндринссей*!

— Да ну?

— Ты что, не читал классиков?

— А классики о скачках ничего не писали?

Эрик закатил глаза.

— Именно хитроумие Виндринссея стало причиной падения Цорта, — объяснил он. — А потом у Виндринссея ушло десять лет на то, чтобы вернуться домой. Он испытал множество приключений с искусительницами, сиренами и чувственными волшебницами.

— Что ж, я понимаю, почему ты изучал классиков. Десять лет, да? А где же он жил?

— Примерно в двух сотнях миль отсюда, — серьезно ответил Эрик.

— Что, постоянно сбивался с дороги?

— А потом, вернувшись домой, он сразился с поклонниками своей жены и все такое, а его любимый старый пес узнал хозяина и умер.

— О боги.

— Его, пса, а не Виндринссея, прикончило то, что он в течение пятнадцати лет таскал во рту шлепанцы своего хозяина.

— Какая жалость.

— И знаешь что, демон? Все это *еще не случилось*. Мы могли бы избавить Виндринссея от всех этих неприятностей!

Ринсвинд тщательно обдумал эту мысль.

— Ну, можно посоветовать ему взять штурмана получше...— предложил он.

Послышался скрип. Солдатам наконец удалось открыть дверь.

— Всем ввалиться внутрь, или как там звучит эта идиотская команда,— велел Виндринссей.— Магический ящик идет первым. Без необходимости никого не убивать. И попытайтесь не портить вещи. Итак, вперед.

Дверь вела в коридор, вдоль стен которого стояли колонны. Откуда-то издалека доносились негромкие голоса.

Небольшой отряд крадучись двинулся на звук и наконец оказался у тяжелой портьеры. Виндринссей сделал глубокий вдох, отодвинул портьеру в сторону и, шагнув вперед, разразился заранее подготовленной речью.

— Итак, я хочу, чтобы всем было *абсолютно* ясно,— заявил он.— Мне не нужны здесь никакие неприятности или чтобы вы звали стражников и так далее. Или чтобы вы вообще кого-то звали. Мы просто заберем эту юную особу и наконец отправимся по домам. В противном слу-

чае мне придется предать вас всех мечу, а я терпеть не могу такие вещи.

Впрочем, особого впечатления речь Виндринс-сея не произвела. Потому что его единственным слушателем был маленький мальчик, сидящий на горшке.

Виндринссей быстренько сориентировался в ситуации и без запинки продолжил:

— С другой стороны, если ты не скажешь, куда все подевались, я попрошу вот его, сержанта, как следует тебя отшлепать.

— Мама с Кэсси, — сообщил ребенок, поса-сывая большой палец. — А ты — господин Бука?

— Гм, вряд ли, — ответил Виндринссей.

— Господин Бука глупый. — Ребенок выта-щил палец изо рта и с видом человека, подво-дящего итог всестороннему исследованию, из-рек: — Господин Бука — бяка.

— Сержант?

— Сэр?

— Глаз с этого ребенка не спускать!

— Слушаюсь. Капрал?

— Сержант?

— Позаботься о парнишке.

— Да, сержант. Рядовой Ахейос?

— Да, капрал, — отозвался тот мрачным от дурных предчувствий голосом.

— Пригляди за пацаном.

Рядовой Ахейос оглянулся. Оставались толь-ко Ринсвинд с Эриком, и хотя это общеизвест-ная истина, что штатские во всех отношениях

стоят на самой нижней ступеньке воинской иерархии, где-то сразу после полкового осла, выражение их лиц давало понять, что они не собираются выполнять ничьи приказы.

Виндринссей неспешно пересек комнату и, остановившись возле еще одной портьеры, прислушался.

— Мы могли бы столько рассказать ему, — прошипел Эрик. — О том, что с ним случилось — то есть *еще случатся* — самые разные вещи. Кораблекрушения, чары злых волшебниц, вся его команда будет превращена в животных...

— Ага. А еще можно посоветовать ему отправиться домой пешком, — отозвался Ринсвинд.

Портьера с шорохом отодвинулась в сторону.

За ней оказалась женщина — пухлая, довольно симпатичная, хотя и слегка увядшая, в черном платье. На ее верхней губе проглядывался легкий намек на усики. Несколько детей разного роста пытались спрятаться у нее за спиной. Ринсвинд насчитал минимум семерых.

— Кто это? — спросил Эрик.

— Гм, — задумался Ринсвинд. — Я бы предположил, что это та самая Элинор Цортская.

— Не валяй дурака, — прошептал Эрик. — Она выглядит, как моя мама. Элинор была гораздо моложе и...

Тут голос его сорвался, и Эрик, чтобы внятно выразить свои мысли, сделал несколько волнообразных движений руками, обрисовывая соблазнительную фигуру женщины, — вот толь-

ко нарисованная им женщина вряд ли смогла бы ходить.

Ринсвинд постарался не встречаться глазами с сержантом.

— Ага,— немного покраснев, сказал он.— Ну, ты понимаешь... Э-э... Ты абсолютно прав, но, в общем, осада ведь... по всяким разным причинам... несколько затянулась.

— А это тут при чем? — возмутился Эрик.— Классики ни о каких детях не упоминали. Наоборот, они утверждают, что Элинор проводила все свое свободное время, бродя по башням Цорта и горько оплакивая потерянную любовь.

— Ну, какие-то слезы наверняка были,— согласился Ринсвинд.— Только, согласись, всю жизнь плакать не будешь, а там, на этих башнях, должно быть, ветер и холодно...

— Если долго бродить, точно простудишься,— кивнул сержант.

Какое-то время Виндринссей задумчиво рассматривал женщину, а затем, поклонившись, спросил:

— Думаю, тебе известно, зачем мы здесь, госпожа?

— Если вы прикоснетесь к кому-нибудь из детей, я закричу,— отрезала Элинор.

Совсем недавно Виндринссей продемонстрировал поразительные партизанские способности. Он так ловко проник во вражескую крепость... В общем, если бы заранее подготовлен-

ная, проработанная речь пропала зря, было бы очень обидно.

— Прекрасная дева,— начал Виндринссей.— Мы пережили множество смертельных опасностей ради того, чтобы спасти твою красоту, вернуть тебя к твоим родным и... — голос его дрогнул,— и близким. Но... Э-э... По-моему, все это зря, да?

— Ничего не могу поделать,— заявила Эливор.— Осада была ужасно долгой, а царь Мавзолей был так добр, и, кроме того, Эфеб мне всегда не нравился...

— Но куда все подевались? Не считая тебя. Я имею в виду цортцев.

— А сам-то как думаешь? Все на стенах, бросятся камнями.

Виндринссей в отчаянии воздел руки.

— Слушай, ты что, не могла черкнуть нам хотя бы пару слов? Ну, как-нибудь известить, мол, всем спасибо, все свободны. Пригласила бы на крестины, мы бы поняли намек.

— Но... Мне показалось, вы так радовались возможности поразмяться... — пожала плечами Эливор.

Виндринссей повернулся и мрачным взглядом обвел покой.

— Прекрасно,— объявил он.— Замечательно. Что и требовалось доказать. Нет проблем. О, мне так хотелось оставить свой дом и провести добрых десять лет, сидя в болоте с кучкой

дубоголовых идиотов. А и правда, ведь никаких важных дел у меня не было, подумаешь, маленькое царство — им и управлять-то почти не надо. Ну *ладно*... Думаю, нам пора откланяться. Клянусь богами, даже не знаю, как сообщить эту новость ребятам, — горько заметил он. — Я испорчу им такую замечательную *разминку*. Скорее всего, они закатят обалденный банкет, посмеются над всей этой историей и напьются как свиньи, это будет в их стиле. — Он посмотрел на Ринсвинда с Эриком. — Ну и что будет дальше? Можете уже сказать. Вы наверняка это знаете.

— Гм... — замялся Ринсвинд.

— Город сгорит, — сообщил Эрик. — И его знаменитые бесконечные башни падут. А я их так и не увидел, — капризно добавил он.

— И кто его подожжет? Наши? — осведомился Виндринссей.

— По-моему, ваши, — ответил Эрик.

— Они это могут, — вздохнул Виндринссей и снова повернулся к Элино́р. — Слышала? Наши парни — то есть *мои* парни — вот-вот сожгут город. Очень героический акт. А они все как один герои. Возможно, тебе стоит пойти с нами. В общем, бери детей, собирай манатки и сваливаем. Почему бы тебе не устроить для всей семьи выходной, а?

Эрик притянул ухо Ринсвинда к своему рту и прошептал:

— Это что, шутка? Не может быть, чтобы она и в самом деле была той самой прекрасной Элино́р. Ты просто водишь меня за нос!

— С этими горячими женщинами всегда так,— отозвался Ринсвинд.— В тридцать пять уже ни на что не годятся.

— Это все из-за макарон,— заметил сержант.

— Но я читал, что она была самой прекрасной...

— Ну да,— кивнул сержант.— Ты больше книжкам верь...

— Это так называемая метамфора,— быстро вмешался Ринсвинд.— Сам подумай, ну кто будет читать о войне, которая ведется из-за... из-за довольно приятной особы, умеренно привлекательной при хорошем освещении? А?

Эрик чуть не плакал.

— Но там говорилось, что ее лицо отправило в путь тысячу кораблей...

— Еще одна метамфора,— сказал Ринсвинд.

— То есть враки,— объяснил добрый сержант.

— Классикам нельзя верить,— добавил Ринсвинд.— Голые факты их не интересуют. Классики — это торговцы легендами.

Виндринссей тем временем пытался убедить Элино́р.

— Ну хорошо, хорошо,— наконец развел руками он.— Если тебе так уж приперло, оставайся здесь. Мне-то какое дело? Ребята, собирайтесь,

уходим. Рядовой Ахейос, ты чем там занимаешься?

— Изображаю лошадь, сэр, — откликнулся солдат.

— Он господин Бяка, — пояснил малыш, на голове которого красовался шлем рядового Ахейоса.

— Ну что ж, когда закончишь изображать лошадь, отыщи нам масляную лампу. Я все колени отбил в этом тоннеле.

Над Цортом ревели пламя. Небо затянули багровые облака.

Ринсвинд и Эрик наблюдали за происходящим с расположенной возле пляжа скалы.

— И вовсе эти башни не бесконечные, — заметил Эрик через какое-то время. — Я прекрасно вижу, где они заканчиваются.

— Наверное, они имели в виду не тот конец, — предположил Ринсвинд и покраснел. Еще одна раскаленная докрасна башня рухнула в развалины города. — Но ты меня не слушай.

Они снова замолкли и уставились на пожар.

— Забавно получилось, — сказал Эрик. — И угораздило ж тебя споткнуться о Сундук, уронить лампу, а она как вспыхнет...

— Да, — коротко отозвался Ринсвинд.

— История всегда найдет способ свершиться по-своему.

— Да.

— Однако это было здорово — то, как твой Сундук всех спас.

— Да.

— Малыши так обрадовались, когда им предложили прокатиться на нем.

— Да.

— В общем, все счастливы.

Во всяком случае, похоже, враждующие стороны действительно были счастливы. Правда, никто не потрудился узнать мнение штатских, но их взгляды на военные действия всегда были крайне радикальны. А среди военных, по крайней мере военных определенного ранга, в большом количестве наблюдались похлопывание по спинам, рассказывание анекдотов и оживленный обмен щитами. Все сходились на том, что война удалась на славу, сами подумайте: громадные флотилии кораблей, долгая осада, деревянные кони и в заключение грандиозный пожар. Чертовски удачная война. Звуки довольного пения разносились по темному, как вино, морю.

— Вы слышите? — фыркнул Виндринссей, выныривая из мрака, что окружал вытащенные на берег эфебские корабли. — Помяните мои слова, вот-вот все пятнадцать хоров затянут что-нибудь про центуриона, плывущего по реке. Сборище идиотов, у которых мозги в портупелях. — Он уселся на камень и с чувством изрек: — Козлы.

— Слушай, а как Элинор объяснит все происшедшее своему дружку? — спросил Эрик.

— Как-нибудь объяснит, — откликнулся Виндринссей. — Обычно женщинам это удается.

— Но она ведь вышла замуж. И у нее куча детей, — настаивал Эрик.

Виндринссей пожал плечами.

— Это был миг безумной страсти. — Он бросил на Ринсвинда пронизательный взгляд. — Эй, демон, можно перекинуться с тобой словечком где-нибудь в спокойном месте?

Виндринссей встал и повел волшебника к кораблям, тяжело ступая по мокрому песку. Виндринссея явно что-то тяготило.

— Сегодня вечером, с отливом, я отплываю домой, — сообщил он. — Война кончилась, какой смысл продолжать болтаться здесь?

— Хорошая мысль.

— Ненавижу морские путешествия! — признался Виндринссей, пиная ногой ближайший корабль. — И всех этих идиотов, которые расхаживают вокруг и вопят: тяни то, опускай се, застопори это. А еще я страдаю от морской болезни.

— Понимаю. Примерно так же я отношусь к высоте, — сочувственно отозвался Ринсвинд.

Виндринссей снова пунул корабль, по-видимому пытаясь разрешить какую-то серьезную эмоциональную проблему.

— Дело вот в чем... — с несчастным видом продолжил он. — Ты случайно не знаешь, удастся ли мне добраться домой, а?

— Что?

— Тут всего несколько сотен миль, совсем рядом, правда? — настаивал Виндринссей, излучая беспокойство, словно оживший маяк.

— Гм...

Ринсвинд посмотрел Виндринссею в лицо. «Десять лет... — подумал он. — И всякие жуткие приключения с крылатыми какихтам и морскими чудовищами. С другой стороны, много ли будет толку, если он все узнает?»

— Можешь не сомневаться, домой ты вернешься, — наконец кивнул он. — По сути, ты этим и прославился. О том, как ты добирался домой, потом сложили настоящие легенды.

— Пуф! — Виндринссей прислонился к корпусу корабля, снял с себя шлем и вытер лоб. — Честно признаюсь, ты снял с моей души тяжкий груз. Я боялся, что боги затаили на меня обиду.

Ринсвинд промолчал.

— Их злит, когда люди берут и выдумывают всякие штуковины типа деревянных коней и тоннелей, — пояснил Виндринссей. — Понимаешь, боги — ярые приверженцы традиций. Они предпочитают, чтобы люди просто рубили друг друга в капусту. А я лишь хотел показать людям, что желаемого результата можно до-

биться куда более простым способом. Я думал, может, они чуть умнее станут...

Где-то дальше вдоль побережья раздавались крепкие мужские голоса, громко распеваящие:

— ...По реке плывет центурион из крепости Гелиоделифилодельфибоскроментуево...

— Но это не помогло, — сказал Ринсвинд.

— Однако я хотя бы попытался, да?

— Да.

Виндринссей похлопал его по спине.

— Выше нос. Хуже уже не будет, правда?

Они зашли в воду, где среди темных волн стоял на якоре корабль Виндринссея. Полководец, провожаемый взглядом Ринсвинда, подплыл к деревянной лесенке и поднялся на борт. Через какое-то время корабль поднял весла — или опустил весла, или как там это называется, когда их просовывают в дырки в бортах, — и медленно вышел в гавань.

Над водой разнеслись голоса:

— Направь вот этот конец корабля, да, да, вот этот, который острый, вон в ту сторону, сержант.

— Слушаюсь, сэр!

— И *не ори*. Я тебе что, приказывал орать? И почему вы так любите драть глотки? Ладно, ты тут распоряжайся, а я пойду прилягу.

Ринсвинд побрел по берегу обратно.

— Беда в том, — рассуждал он, — что все мы испытываем надежды, говорим, что хуже не бу-

дет, а нет «хуже» и «лучше», есть только «сейчас». И все идет, как идет. Но что толку говорить ему об этом? У него скоро и так будет заболит полон рот.

Эрик, вдруг оказавшийся за спиной у Ринсвинда, шмыгнул носом и заметил:

— Это была самая грустная речь, что я когда-либо слышал.

А эфебская и цортская армии продолжали горланить вокруг своих праздничных костров.

— ...Вышел Ахилл на крыльцо...

— Ну и ладно...— сказал Ринсвинд.— Пошли домой.

— Кстати, ты не обращал внимание на забавное сходство между вами? Вы с ним очень похожи,— промолвил Эрик, когда они зашагали дальше по песку.

— Что ты имеешь в виду?

— Переставь местами слоги в Виндринсее и получишь Ринсвинд. Кстати, в переводе с какого-то ныне мертвого языка это имя означает «Поднимающий Ветры».

Ринсвинд удивленно воззрился на юношу.

— Он что, мой предок?

— Кто знает,— откликнулся Эрик.

— Ого. Но имечко так себе, я бы предпочел, чтобы ты его больше не переводил.— Ринсвинд тщательно обдумал сообщенные Эриком факты.— Что ж, жаль, я не знал этого раньше. Иначе бы строго-настрого запретил этому Виндринс-

сею вступать в брак. Не говоря уже о том, чтобы посещать Анк-Морпорк.

— Анк-Морпорк, наверное, еще и не построили...

Ринсвинд попробовал щелкнуть пальцами.

Все опять завертелось.

Астфгл откинулся на спинку кресла. Интересно, что за приключения ожидают этого Виндринссея?

Дело в том, что боги и демоны живут вне времени и для них все происходит одновременно. Разумеется, это должно бы означать, что они знают обо всем, что произойдет, поскольку оно в некотором роде... уже произошло. На самом же деле они этого не знают. Реальность очень велика, и в ней происходит много всякого интересного, так что пытаться ухватить все факты разом — это все равно что пользоваться очень большим видеоманитофоном, у которого нет кнопки «стоп» или счетчика ленты. Проще подождать и посмотреть, что будет.

В один прекрасный день он, Астфгл, обязательно вернется к истории Виндринссея.

Тогда как здесь и сейчас (насколько это возможно — использовать данные слова в области, расположенной вне пространства и времени) дела шли не лучшим образом. Эрик оказался более симпатичным, чем это было приемлемо.

А еще он, похоже, изменил ход истории, хотя этого просто не могло быть; единственное, что можно сделать с ходом истории, — это его облегчить.

В общем, необходимо было предпринять какие-то кардинальные меры. Сотворить что-нибудь по-настоящему душераздирающее.

Правитель всея преисподней вдруг осознал, что дергает себя за усы.

Основная проблема со щелканьем пальцами заключается в том, что никогда не знаешь, к чему это приведет...

Вокруг Ринсвинда царил абсолютная чернота. Это было не просто отсутствие света. Это была темнота, которая наотрез отрицала саму возможность, что свет когда-либо существовал.

Его ноги безвольно болтались. Похоже, он плавал в воздухе. И не хватало чего-то еще. Он никак не мог понять, чего именно.

— Эй, Эрик, ты тут? — осмелился окликнуть он.

Звонкий голос, раздавшийся где-то поблизости от него, ответил:

— Да. А ты, демон, тут?

— Д-да-а.

— Где мы? Мы падаем?

— Вряд ли, — возразил Ринсвинд, у которого был опыт в подобных вещах. — У нас в ушах

не свистит ветер. Когда падаешь, в твоих ушах обязательно свистит ветер. Кроме того, перед глазами у тебя проносится вся твоя жизнь, а я пока что ничего знакомого не увидел.

— Ринсвинд?

— Да?

— Знаешь, я вот говорю с тобой, открываю рот, а никаких звуков не доносится...

— Ерунда, как такое может...

Ринсвинд вдруг замолчал. Он говорил — и вместе с тем не говорил. Окружающий мир не слышал его. Но он же как-то общается с Эриком. Наверное, словам просто надоело использовать в качестве проводника эти ненадежные уши... Куда проще иметь дело напрямую с мозгом.

— Возможно, это какая-то магия или что-то в том же духе, — предположил он. — Здесь нет воздуха. Поэтому и звука нет. Малюсенькие частички воздуха вроде как стукаются друг о друга, наподобие игральных шариков. Так и рождается звук.

— Да ну? Обалдеть.

— В общем, нас окружает абсолютная пустота, — продолжал Ринсвинд. — Совершенное ничто. — Он немножко замялся, а потом сказал: — Для этого даже имеется какое-то специальное слово. Оно обозначает то, что ты получаешь, после того как ничего не осталось.

— Ага, знаю. Ты имеешь в виду счет в трактуре, — догадался Эрик.

Какое-то время Ринсвинд обдумывал эту мысль. Вроде бы подходит.

— Согласен, — наконец кивнул он. — Счет. В нем-то мы и оказались. Мы в абсолютном счете. В полном, совершенном, глубоком счете.

Астфгг сходил с ума от ярости. В его распоряжении были заклинания, которые могли найти кого угодно где угодно и когда угодно, но этих людишек не было *нигде и никогда*. Только что он видел, как они идут по пляжу, и вдруг...

Оставались только два места, где он еще не искал.

К счастью, сначала он выбрал не то.

— Хоть бы звездочки были... — сказал Эрик.

— Во всем этом есть что-то очень странное, — заметил Ринсвинд. — В смысле, ты холод чувствуешь?

— Нет.

— Ну а тепло?

— Нет. На самом деле я почти ничего не чувствую.

— Нет ни тепла, ни холода, ни света, ни жары, ни воздуха, — подытожил Ринсвинд. — Только счет. И как давно мы здесь болтаемся?

— Не знаю. Такое впечатление, что целую вечность, но...

— Вот-вот. По-моему, времени тут тоже нет. В смысле, нормального времени. А не такого, которое отмечают люди по ходу дела.

— Ну и ну, не ожидал встретить здесь кого-либо еще,— слышался чей-то голос рядом с ухом Ринсвинда.

Этот голос отдавал театральностью, таким голосом очень хорошо... скажем, ныть, но, по крайней мере, в нем не было и следа угрозы. Ринсвинд развернулся.

Перед ним в позе «лотоса» сидел какой-то человечек с крысиным лицом. Он с подозрением рассматривал Ринсвинда. За ухом человечка торчал карандаш.

— Э-э. Привет,— поздоровался Ринсвинд.— Ты упомянул про «здесь». А где именно находится это самое «здесь»?

— Нигде. В том-то все и дело.

— Что, совсем нигде?

— Пока — да.

— Прекрасно,— вмешался Эрик.— А когда оно станет *где-нибудь*?

— Трудно сказать,— ответил человечек.— Глядя на вас двоих и принимая во внимание всякие разные штуки, скорость метаболизма и все такое прочее, я бы предположил, что это место станет «где-нибудь», ну, плюс-минус примерно через пятьсот секунд.— Человечек начал разворачивать лежащий у него на коленях пакет.— Бутербродика не хотите? Пока ждем?

— Что? Неужели я...

В этот момент желудок Ринсвинда, который чувствовал, что если он позволит мозгу и дальше контролировать ситуацию, то рискует потерять инициативу, встрял в разговор и заставил Ринсвинда спросить:

— А с чем?

— А с чем бы ты хотел?

— Извини, не понял?

— Не крути. Просто скажи, какой бутерброд ты хочешь.

— О-о? — Ринсвинд уставился на человечка во все глаза. — Ну, что ж, если у тебя есть бутерброд с яйцом и кресс-салатом...

— Да будет яйцо и кресс-салат, типа того! — Человечек сунул руку в пакет и протянул Ринсвинду белый треугольник.

— Обалдеты! — воскликнул Ринсвинд. — Какое совпадение!

— Теперь все может начаться в любую минуту, — сообщил человечек. — Вон... не то чтобы они уже разобрались с направлениями, о нет, только не они... в общем, вон там все произойдет.

— Единственное, что я вижу, — это темнота, — пожаловался Эрик.

— Не-ка, ее ты тоже не видишь, — торжествуя возразил человечек. — Ты видишь только то, что бывает *перед* тем, как установится темнота, типа того. — Он бросил на еще-не-

темноту нехороший взгляд. — Ну, давай. Чего мы ждем-то?

- Да, чего? — спросил Ринсвинд.
- Всего.
- Чего всего? — не унимался Ринсвинд.
- Всего. Не всего чего-то. Вообще всего.

Астфгл обвел взглядом клубящиеся облака газа. По крайней мере, он очутился там, где надо. Мимо конца вселенной трудно промахнуться.

Последние несколько угольков мигнули и погасли. Пространство и время внезапно столкнулись — и схлопнулись.

Астфгл кашлянул. В двадцати миллионах световых лет от своего дома чувствуешь себя ужасно одиноко.

- Здесь есть кто-нибудь? — спросил он.
- ДА.

Голос прозвучал совсем рядом с его ухом. Даже правитель демонов может вздрогнуть.

— В смысле, не считая тебя, — поправился Астфгл. — Ты кого-нибудь тут видел?

- ДА.
- Кого?
- ВСЕХ.

Астфгл вздохнул.

— Хорошо, выразимся точнее. В последнее время тут никто не объявлялся?

— НЕТ, ЗДЕСЬ ТЕПЕРЬ ОЧЕНЬ ТИХО, — ответил Смерть.

— Проклятье!

— ТЫ КОГО-ТО ИЩЕШЬ?

— Я думал, здесь может появиться некий тип по имени Ринсвинд, но... — начал Астфгл.

Глазницы Смерти полыхнули алым светом.

— ВОЛШЕБНИК? — переспросил он.

— Да нет, он дем...

Астфгл умолк. На промежутке, который, если бы время еще существовало, был бы несколькими секундами, его обуяли жуткие подозрения.

— Человек? — прорычал он.

— НАЗВАТЬ ЕГО ТАК ОЗНАЧАЛО БЫ ДОПУСТИТЬ НЕКОТОРУЮ НАТЯЖКУ, НО В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ ТЫ ПРАВ.

— Будь я проклят! — воскликнул Астфгл.

— МНЕ КАЖЕТСЯ, ТЫ УЖЕ ПРОКЛЯТ.

Правитель демонов вытянул перед собой трясущую лапу. Нарастающая ярость восторжествовала над чувством стилиа; его алые шелковые перчатки лопнули под натиском разворачивающихся когтей.

А потом (не стоит гневаться рядом с типом, у которого в руках острая коса, — вдруг он примет твои слова на свой счет) Астфгл буркнул: «Прости, что потревожил тебя» — и исчез. И только оказавшись вне пределов крайне острого слуха Смерти, правитель демонов излил свою ярость в жутком вопле.

На самом краю времени в наполненном сквозняками пространстве ничто развернулось во всем своем великолепии.

Смерть ждал. Его пальцы легонько барабанили по рукоятке косы.

Вокруг плескалась темнота. Даже бесконечность больше не существовала.

Он попробовал просвистеть сквозь зубы несколько тактов непопулярных песенок, но свист его был тут же поглощен пустотой.

Вечность закончилась. Весь песок ссыпался вниз. Великая гонка между энтропией и энергией завершилась, и фаворит все-таки вышел из нее победителем.

Может, подточить косу?

Нет.

По правде говоря, незачем.

Огромные разводы абсолютной пустоты простирались в то, что можно было бы назвать далью, — если бы существовала пространственно-временная система отсчета, которая могла бы придать словам типа «даль» разумный смысл.

Похоже, делать было больше нечего.

«МОЖЕТ, НА СЕГОДНЯ ХВАТИТ?» — подумал он.

Смерть повернулся и хотел уже направиться прочь, но в этот самый миг до него донесся едва уловимый звук. По отношению к звуку в общем он являлся тем же, чем фотон является по отношению к свету, — он был столь слаб, что

за гулом работающей вселенной его бы никто и не услышал.

Это был хлопок, сопровождающий возникновение крохотного сгустка материи.

Смерть подошел к точке, в которой появился этот сгусток, и внимательно пригляделся.

И увидел обычную скрепку*.

Что ж, какое-никакое, а начало.

Раздался еще один хлопок, оставивший после себя небольшую белую рубашечную пуговицу, которая потихоньку вращалась в вакууме.

Смерть слегка расслабился. Разумеется, потребуется некоторое время. Сначала — некая

* Многие считают, что первой должна появиться молекула водорода, но это противоречит наблюдаемым фактам. Каждый, кто находил дотоле незнакомую сбивалку для яиц, заклинивающую вдруг невинный кухонный ящик, знает, что сырая материя постоянно изливается во вселенную, принимая при этом довольно сложные формы и, как правило, появляясь на свет в пепельницах, вазах и бардачках. Материя выбирает такой вид, чтобы отвести от себя подозрения, и ее обычными формами воплощения являются скрепки, булавки от рубашечных упаковок, ключи для радиаторов центрального отопления, игральные шарики, огрызки карандашей, таинственные детали от газонокосилок и старые альбомы Кейт Буш. Почему материя так поступает, неясно, но у нее явно есть какой-то План.

Очевидно также, что иногда создатели используют для постройки вселенных метод Большого Взрыва, а иногда — несколько более щадящий метод Непрерывного Созидания. Это полностью согласуется с изысканиями космотерапевтов, открывших, что неистовство Большого Взрыва может причинить вселенной, когда та станет постарше, серьезные психологические травмы.

интерлюдия, а потом все будет усложняться и усложняться, пока не образуются газовые облака, галактики, планеты и континенты, не говоря уже о крошечных, похожих на штопор существах, извивающихся в зятянутых слизью прудах и гадающих, стоит ли ради какой-то там чокнутой эволюции затевать возню с отращиванием плавников, ног и так далее. Но все уже началось, и ничто не могло остановить неумолимый процесс развития.

От Смерти требовалось лишь немного терпения, но терпение было его коньком. Довольно скоро на свет появятся живые существа, которые будут развиваться как безумные, бегать, прыгать и веселиться под лучами новорожденного солнца. А также они будут уставать. Стареть.

Смерть устроился поудобнее. Ничего, он подождет.

Он им еще понадобится.

Вселенная возникла.

Любой космогонист скажет вам, что все самое интересное случается в первую пару минут, когда ничто сбивается в кучу и образует пространство и время, а потом появляется масса поистине крохотных черных дыр и так далее. А дальше — дело, ну, в общем... отделки. В принципе, все основное уже готово, если не считать микроволновок.

В рождении вселенной есть какая-то дешевая привлекательность.

— Слишком показушно, — фыркнул человек. — Весь этот шум вовсе не обязателен. С тем же успехом это могло быть Большое Шипение. Ну, скажем, затрубили бы фанфары...

— Гм? — отозвался Ринсвинд.

— Да, а кроме того, если ты внимательно приглядывался, то мог заметить, что через две пикосекунды после начала все чуть было не пошло прахом. Тяп-ляп, набили тем, что под руку попало, и можно выкидывать товар. Заработает — хорошо, а не заработает — ну и ладно. В наши дни все так делается. Никакого тебе мастерства. Вот когда я был пацаном, на создание вселенной уходили *дни*. Ею можно было гордиться. А сейчас ее собирают кое-как, закидывают в грузовик и увозят. И представляешь...

— Нет, — слабо откликнулся Ринсвинд.

— Материалы так и тащат! Находят поблизости кого-нибудь, кто был бы не прочь слегка расширить свою вселенную, и не успеешь оглянуться, как с твоей стройплощадки уже утянули кусок тверди и толкнули его где-нибудь в качестве пристройки.

Ринсвинд таращился на человечка во все глаза.

— Кстати... а кто ты такой?

Человечек вытащил из-за уха карандаш и окинул задумчивым взглядом пространство вокруг волшебника.

— Ну, я создаю всякие разные штуки, — ответил он.

— Какие штуки?

— Какие захочешь.

— Ты — тот самый *Создатель*?

Человечек жутко смутился.

— Гм, и вовсе я не тот. *Не тот самый*. Просто создатель. Но крупных контрактов я не заключаю — ну, на звезды, газовые гиганты, пульсары и все прочее. Я, скорее, специализируюсь на, так сказать, заказной работе. — Он бросил взгляд, в котором читалась гордость вперемешку с вызовом, и признался: — Не хочу хвастаться, но даже деревья я делаю собственными руками. Вот оно, мастерство. На то, чтобы научиться делать деревья, нужны годы. Даже обычную елку ты просто так не вылепишь.

— О-о, — произнес Ринсвинд.

— И никого не приглашаю для окончательной доводки. Никаких субподрядчиков — вот мой девиз. Эти паршивцы вечно тянут, мол, подождите, мы очень заняты, нам еще звезды там-то и там-то устанавливать... — Человечек вздохнул. — А вообще, люди думают, будто создать что-то — плевое дело. Достаточно пройти по воде и немножко помахать руками. Но все совершенно не так.

— Правда?

Человечек снова почесал нос.

— Например, идеи для узора снежинок иссякают очень быстро.

— О-о.

— Пустяк, думаешь ты, подсуну незаметно пару одинаковых, никто ничего не заметит.

— Правда?

— О да. Их там миллиард триллионов квадрильонов, попробуй найди похожие. Но в этом-то и кроется профессионализм — нельзя идти на поводу у собственного лентяйства.

— Неужели?

— *Некоторые*, — тут создатель бросил пристальный взгляд на все еще струящуюся мимо бесформенную материю, — считают, что достаточно ввести несколько основных физических формул, после чего можно забирать денежки и смываться. Но какой-то миллиард лет спустя у тебя начинает течь небо, в нем появляются черные дыры размером с твою голову, а когда ты начинаешь возносить жалобные молитвы, в головной конторе тебе отвечает какая-нибудь секретарша, которая говорит, что босс отлучился, а куда, ей неизвестно. Персональный подход — вот ключ к успеху!

— О-о, — уже в который раз выразился Ринсвинд. — Значит... когда в кого-нибудь ударяет молния... гм... это происходит вовсе не из-за каких-то там электрических разрядов, возвышенных местностей и всего такого прочего?.. То есть... это все твоих рук дело?

— Нет, нет, ни в коем случае. Лично я ничем не управляю. Просто создать вселенную — уже достаточно большая работа. Думаешь, я

буду еще и управлять ею? В мире, знаешь ли, полно других вселенных, — добавил он с легкой обвиняющей ноткой. — У меня список заказов длиной с твою руку.

Человечек пошарил под собой и вытащил на свет большую книгу в кожаном переплете, на которой, очевидно, сидел. Книга с треском раскрылась.

Ринсвинд почувствовал, как кто-то дергает его за балахон.

— Послушай, — сказал Эрик. — На самом деле это... Это *Он*?

— Он утверждает, что да, — пожал плечами Ринсвинд.

— А что мы тут делаем?

— Не знаю.

Создатель бросил на него свирепый взгляд.

— Эй, потише там, пожалуйста.

— Но послушай, — шепнул Эрик, — если он действительно Создатель, тогда этот бутерброд, что ты держишь в руках, — священная реликвия!

— Свихнуться можно, — слабо отозвался Ринсвинд, который не ел уже целую вечность.

Он спросил себя, насколько суровым будет наказание, если он слопает священный объект. Вероятно, очень суровым.

— Ты мог бы выставить его в каком-нибудь храме, и миллионы людей приходили бы посмотреть на него.

Ринсвинд осторожно приподнял верхний ломтик хлеба.

— Он даже без майонеза. Думаешь, народ все равно пойдет? — поинтересовался он.

Создатель прочистил горло и начал читать вслух.

Астфгл несясь сквозь все ускоряющуюся энтропию — яростно пылающая багровая искра на фоне клубящегося межзвездного пространства. Правитель демонов был так зол, что утратил последние остатки самообладания; его элегантный головной убор со стильными рожками превратился в малиновый клочок тумана, свисающий с кончика одного из громадных, свитых в кольца козлиных рогов, что обрамляли его череп.

Под напором расправляющихся крыльев алый шелк на его спине наконец не выдержал и лопнул. Раздавшийся треск был довольно двусмысленным.

Да, кстати, эти крылья принято представлять кожистыми, но в данных условиях кожа не продержалась бы и нескольких секунд. Кроме того, она не очень хорошо складывается.

Эти крылья были сделаны из магнитных полей и организованного пространства. Они растягивались до тех пор, пока не превратились в еле заметную пелену на фоне ослепительно яркой

тверди. Их взмахи были столь же медленными и неумолимыми, как зарождение цивилизаций.

Они *по-прежнему* были похожи на крылья летучей мыши, но то была всего лишь дань традициям.

Где-то в районе двадцать девятого тысячелетия Астфгла (который даже ничего не заметил) обогнало что-то небольшое, продолговатое и, возможно, куда более сердитое, чем он сам.

Мир составляют Восемь Заклинаний. Ринсвинд достаточно хорошо это знал. Также он знал, что они содержатся в книге, называемой Октаво, которая хранится в библиотеке Незримого Университета — в запаянном железном ящике на дне специально вырытой шахты, где ее магическое излучение можно держать под контролем.

Ринсвинд давно задавался вопросом: а как же все началось? В своем воображении он рисовал что-то вроде взрыва наоборот. Вот межзвездный газ с ревом устремляется со всех сторон в одну точку, дабы образовать Великого А'Туина... Ну, или гром какой гремит...

Но вместо этого раздался тихий, музыкальный звон, и там, где ничего не было, вдруг возник Плоский мир, словно выскочил из какого-то потайного местечка, где все время прятался.

А еще Ринсвинд осознал, что чувство бесконечного падения, с которым он вроде научился

жить, возможно, будет тем самым чувством, с которым он умрет. Возникший под ним мир принес с собой специальное бесплатное предложение — силу тяжести, прямо зависящую от того, на каком расстоянии от вас находится ближайшее планетарное тело.

— А-аргх,— отреагировал камнем падающий вниз Ринсвинд.

— Чудесные облака получились, тебе не кажется? — поинтересовался появившийся рядом с ним создатель, по-прежнему безмятежно сидящий в воздухе.— Знаешь, я над ними долго работал.

— Аргх,— повторил Ринсвинд.

— Что-нибудь не так?

— Аргх.

— Ох уж эти люди,— пожаловался создатель.— Вечно куда-то спешат.— Он нагнулся поближе.— Разумеется, это не мое дело, но я частенько гадал: что творится у вас в головах?

— Через минуту там будут твориться мои ноги! — взвизгнул Ринсвинд.

Падающий рядом Эрик дернул волшебника за полу мантии.

— Так с Создателем не разговаривают! — крикнул он.— Просто попроси у него, чтобы он, ну, землю смягчил, что ли...

— О, не знаю, не знаю, получится ли,— отозвался создатель.— Понимаешь, насчет несчастных случаев есть строгие правила. Инспектор сразу навалится на меня, как тонна... тонна...

тонна груза, — наконец нашел он нужное слово. — Возможно, я мог бы на скорую руку соорудить вам какое-нибудь болото. Или сейчас очень популярны зыбучие пески. Да, точно, я мог бы создать вам зыбучие пески в комплекте с болотом и трясинной, никаких проблем.

— ! — высказался Ринсвинд.

— Извини, говори немножко погромче. Сейчас, минутку...

Снова раздался гармоничный звон.

Когда Ринсвинд открыл глаза, то увидел, что стоит на пляже. И Эрик тоже. Создатель висел в воздухе неподалеку от них.

Ветер, свистевший в ушах, внезапно стих. Не было даже слабого ветерка.

— Я просто подправил одну штучку, — объяснил создатель, заметив выражение лица волшебника. — Итак, что ты говорил?

— Я хотел перестать нестись навстречу Смерти, — ответил Ринсвинд.

— А-а. Прекрасно. Ну, рад, что мы с этим разобрались. — Создатель рассеянно оглянулся вокруг. — Вы случайно не видели тут мою книгу? Мне казалось, что в самом начале она была у меня в руке. — Он вздохнул. — В следующий раз потеряю собственную голову. Однажды я создал мир и совершенно забыл про белемнитов. Про всех этих паршивцев до единого. Сначала я не смог их достать, сказал себе, что загляну потом, когда они будут на складе, и совершенно забыл об этом. Только представьте себе. Ни-

кто этого, разумеется, не заметил, потому что вселенная, ясное дело, только что образовалась и там понятия не имели, что белемниты *должны быть*, но у населения вселенной это определенно вызывало скрытые психологические проблемы. Глубоко в душе они все равно сознавали, что чего-то не хватает... — Создатель взял себя в руки. — Но, как бы там ни было, я не могу торчать здесь весь день. Как я уже говорил, у меня уйма работы.

— Уйма? — переспросил Эрик. — Но я думал, ты уже закончил...

— О нет. До этого еще далеко, — возразил создатель, уже начиная растворяться в воздухе. — Это все квантовая механика. Ты не можешь сделать все раз и навсегда. Твои заботы продолжают разветвляться. Это называется множественный выбор, это как красить... красить... красить что-то очень, очень большое, что ты постоянно должен красить заново. Казалось бы, нужно изменить одну небольшую деталь, но какую именно — вот в чем проблема. Что ж, приятно было с вами познакомиться. Если вам понадобится что-нибудь еще, ну, знаете, лишняя луна или что-то в том же духе...

— Эй!

Создатель появился снова. Его брови были подняты в вежливом удивлении.

— А что дальше-то? — спросил Ринсвинд.

— Дальше? Ну, скоро сюда заявятся боги. Они с переездом никогда не тянут. Постоянно

вываются где-то рядом, как мухи вокруг... мухи вокруг... словом, как мухи. Сначала, конечно, они проявляют норы, но быстро обвыкаются. Кстати, по-моему, это они отвечают за вас, людей. — Создатель чуть нагнулся. — Должен признаться, люди у меня никогда не получались. Руки и ноги почему-то никак не выходят.

Он исчез.

Эрик и Ринсвинд немного подождали.

— Думаю, на сей раз он действительно ушел, — сказал Эрик некоторое время спустя. — Но приятный человек, правда?

— Поговорив с ним, начинаешь лучше понимать, почему мир устроен именно так, а не иначе, — согласился Ринсвинд.

— А что такое квантовая механика?

— Не знаю. Видимо, это женщина-механик, которая чинит какие-то кванты.

Ринсвинд посмотрел на бутерброд с яйцом и кресс-салатом, который все еще был зажат в руке. Майонез так и не появился, и хлеб был плохо пропеченным, но до появления следующего бутерброда оставались тысячи и тысячи лет. Сначала должно зародиться сельское хозяйство, потом приручат животных, из примитивного кремневого предшественника разовьется нормальный острый нож, дальше изобретут технологию обработки молочных продуктов... А если будет желание сделать все как следует, придется еще научиться выращивать оливковые деревья и перец, изобрести чаны для выпар-

ки соли, освоить процессы ферментации уксуса и методики элементарной пищевой химии — и только тогда человек наконец увидит еще один такой бутерброд. Он был единственным в своем роде — небольшой белый треугольник, полный анахронизмов, потерянный и совершенно одинокий в этом недружелюбном мире.

Тем не менее Ринсвинд не сдержался и откусил кусочек. Бутерброд был так себе.

— Вот чего я не понимаю, — начал Эрик, — так это того, что мы здесь делаем.

— Вряд ли это был философский вопрос, — отозвался Ринсвинд. — Ты, видимо, хотел спросить, что мы делаем *здесь* — на заре созидания, на этом пляже, который и в употреблении-то почти не был?

— Ага. Именно это.

Ринсвинд уселся на камень и вздохнул.

— Думаю, это довольно очевидно. Ты хотел жить вечно.

— Я ничего не говорил насчет путешествий во времени, — возразил Эрик. — Я выразил свою мысль очень недвусмысленно, чтобы не было никаких фокусов.

— А тут и нет никаких фокусов. Твое желание пытается сбыться. Сам подумай. «Вечно» означает весь диапазон пространства и времени. Вечно. На протяжении *Вечности*. Понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что вроде как нужно начать игру с самой первой клетки?

— Ага.

— Но это же бессмыслица! Прежде чем тут появится кто-нибудь еще, пройдут годы!

— Столетия,— мрачно поправил его Ринсвинд.— Тысячелетия. Япохи. А потом начнутся всякие там войны, полезут чудовища и все такое прочее. Большая часть истории просто отвратительна — если рассмотреть ее внимательно. И даже не очень внимательно.

— Но я хотел продолжать жить вечно *с этого момента!* — Эрик был в отчаянии.— В смысле, *с того момента*. Ты только посмотри по сторонам. Здесь нет девчонок. Нет народу. В субботний вечер совершенно некуда пойти и...

— Первый субботний вечер наступит через много тысяч лет,— поправил его Ринсвинд.— А до этого будут просто вечера.

— Ты должен немедленно вернуть меня обратно,— заявил Эрик.— Приказываю тебе. Изыди!

— Еще раз посмеешь заговорить со мной таким тоном, получишь затрещину,— предупредил Ринсвинд.

— Но все, что тебе нужно, это щелкнуть пальцами!

— Не получится. Твои три желания уже выполнены. Извини.

— Что же мне теперь делать?

— Ну, если увидишь, как что-то выползает из моря и пытается дышать, можешь посоветовать ему не тратить времени зря.

— Это, по-твоему, смешная шутка?

— Честно говоря, да, довольно забавная, — с ничего не выражающим лицом отозвался Ринсвинд.

— Что ж, у нее вырастет длиннющая борода, — заметил Эрик.

— Чего?

— Ну, ты же никуда не денешься. Ты остаешься здесь, со мной.

— Чушь какая, я...

Ринсвинд с отчаянием оглянулся по сторонам и подумал: «Кстати, а что я?»

На пляж мирно накатывались волны, пока не очень сильные, потому что они все еще разведывали обстановку. Первый прилив осторожно захватывал сушу. Скоро на песке появится первая линия прибоя, разлохмаченная полоса из засохших водорослей и ракушек. Воздух пах чистотой и свежестью. Это был воздух, которому еще только предстояло познакомиться с испарениями лесного перегноя, а также со всеми ходами и выходами пищеварительной системы жвачного животного.

Ринсвинд вырос в Анк-Морпорке. Ему нравился воздух, который уже повращался в обществе, познакомился с людьми, стал кому-то приятным.

— Мы должны вернуться, — с жаром заявил он.

— Именно это я и говорил, — отозвался Эрик, чье терпение подходило к концу.

Ринсвинд откусил от бутерброда еще один кусок. Он много раз смотрел Смерти в лицо — точнее, Смерть много раз смотрел в его быстро удаляющийся затылок. Но внезапно перспектива жить вечно потеряла всякую привлекательность. Разумеется, он, Ринсвинд, узнает ответы на самые фундаментальные вопросы — например, как развивалась жизнь и все такое, но в качестве способа скоротать время (тем более что впереди — вечность) это не шло ни в какое сравнение с тихой вечерней прогулкой по улицам Анка.

Тем не менее, надо признать, путешествие было интересным и познавательным. Он познакомился со своим предком. А это кое-что. Не у каждого человека есть предок. Кстати, а что бы его предок предпринял в подобной ситуации?

Во-первых, он бы в нее не попал.

Ну да, разумеется, но помимо этого он бы... он бы использовал свой превосходный разум полководца для того, чтобы оценить имеющиеся в распоряжении инструменты. Да, именно так.

У Ринсвинда были:

Первое — один недоеденный бутерброд с яйцом и кресс-салатом. От него помощи не дождешься. Ринсвинд отбросил бутерброд в сторону.

Второе — он сам. Ринсвинд поставил на песке галочку. Он не знал точно, на что он сам себе

сдался, но к более подробному разбору можно вернуться чуть позже.

Третье — Эрик. Тринадцатилетний демонолог, он же — объект сумасшедшей атаки прыщей.

Похоже и все.

Какое-то время Ринсвинд смотрел на чистый, свежий песок, машинально рисуя на нем палочки и загогульки.

А потом вдруг негромко позвал:

— Эрик, пойдика сюда на минутку...

Волны стали гораздо сильнее. Они ухватили суть затей с приливом и сейчас осваивали систему «накат—откат».

Астфгл материализовался в облаке голубого дыма.

— Aга! — воскликнул он, однако желаемого действия это восклицание не произвело, поскольку поблизости не было никого, кто мог бы его услышать.

Астфгл опустил глаза. На песке были следы. Сотни следов. Они шли в разных направлениях, словно какое-то существо лихорадочно что-то искало, — а затем исчезали.

Он нагнулся поближе. Следы были крайне запутанными, да и ветер с прибоем постарались, но у самой кромки надвигающегося прилива Астфгл разглядел знакомые очертания магического круга.

Астфгг произнес ругательство — песок вокруг расплавился, превратившись в стекло, — и растворился в воздухе.

Прилив продолжил свою работу. Чуть дальше по берегу волна захлестнула некое углубление в скалах, и новорожденное солнце озарило промокшие останки недоеденного бутерброда с яйцом и кресс-салатом. Прилив перевернул бутерброд. Тысячи бактерий внезапно оказались в эпицентре взрыва вкусовых ощущений и начали как сумасшедшие размножаться.

Если бы в этом бутерброде было хоть немножко майонеза, жизнь могла бы стать совершенно другой. Более пикантной, и, возможно, в ней бы присутствовало чуть больше сливок.

В путешествиях при помощи магии всегда есть серьезные изъяны. Сначала вы ощущаете, что ваш желудок остался где-то позади. А потом ваш разум наполняется ужасом, ведь вы никогда не знаете наверняка, куда вас занесет. Дело даже не в том, что вы можете оказаться где угодно. «Где угодно» описывает весьма ограниченный диапазон возможностей по сравнению с истинным изобилием мест, куда способна перенести вас магия. Само путешествие — плевое дело, это очень просто. Но вот для того, чтобы попасть туда, где вы сможете выжить во всех четырех измерениях одновременно, нужно как следует постараться.

На самом деле вероятность ошибки была настолько огромной, что, очутившись в довольно обычной пещере с песчаным дном, Ринсвинд и Эрик разом громко выдохнули.

В дальней стене пещеры виднелась дверь.

И дверь эта излучала неприкрытую угрозу. Она выглядела так, словно тот, кто ее проектировал, изучил все тюремные двери, какие только смог найти, и только после этого создал некий вариант, который вместил бы в себя все визуальное многообразие увиденного. Это была даже не дверь, а скорее портал. Над его осыпающимся сводом было вырезано какое-то древнее и, возможно, страшное предостережение, но ему суждено было остаться непрочитанным, потому что поверх него кто-то наклеил яркое, белое с красным объявление. Которое гласило: «Чтобы работать здесь, не обязательно быть проклятым, но это помогает!!!»

Ринсвинд, прищурившись, посмотрел на лозунг.

— Прекрасно, отличный девиз. А многочисленные восклицательные знаки, — он покачал головой, — явный признак больного ума.

Он оглянулся. Рдеющие очертания Эрикова магического круга медленно поблекли, а затем мигнули и погасли совсем.

— Пойми меня правильно, я не привередничаю, — заявил волшебник. — Просто мне показалось, ты сказал, что можешь вернуть нас обратно в Анк. Это не Анк. Я определил это по

незначительным деталям, типа мерцающих багровых теней и отдаленных воплей. Конечно, в Анке вопли тоже имеются, но раздаются они куда ближе, — добавил он.

— По-моему, ты должен радоваться, что мне вообще удалось заставить его работать! — возмутился Эрик. — Я тебя немножко просвещу. Вообще-то, предполагается, что магические круги нельзя использовать задом наперед. То есть когда ты остаешься в круге, а реальность вокруг тебя движется. Но, кажется, у меня отлично все получилось. Видишь ли, — в голосе Эрика вдруг зазвенел энтузиазм, — когда ты переписываешь кодекс источника и — это очень сложный момент — направляешь его через высокоэнергетичный...

— Да-да, молодец, и чего вы, ребята, только не выдумаете, — перебил его Ринсвинд. — Единственная загвоздка в том, что мы... Думаю, вполне возможно, что нас занесло напрямиком в Ад.

— О-о?

Отсутствие какой-либо реакции со стороны Эрика разожгло любопытство волшебника.

— Ну, — добавил он, — это там, где собраны все демоны.

— О-о?

— И многие считают, это не совсем то место, где стоит находиться, — не унимался Ринсвинд.

— А почему?

Ринсвинд тщательно обдумал данный вопрос. Если уж на то пошло, он не знал, как имен-

но поступают с людьми демоны. Зато он прекрасно знал, как поступают с людьми люди. После стольких лет, проведенных в Анк-Морпорке, Ад мог показаться вполне приемлемым местечком. Во всяком случае, здесь было теплее.

Ринсвинд посмотрел на дверной молоток. Тот был черным и ужасным, а еще его привязали так, чтобы исключить всякую возможность воспользоваться им. Зато рядом на растрескавшейся деревянной панели виднелась кнопка — судя по всем признакам, ее установили совсем недавно, причем устанавливал ее человек, явно не знающий, что делает, да и не желающий этого знать. Ринсвинд на пробу ткнул в кнопку пальцем.

Звук, который раздался вслед за этим, некогда мог быть популярной мелодией, написанной весьма талантливым композитором, которому на один краткий, полный экстаза миг было дозволено услышать музыку небесных сфер. Однако сейчас эта мелодия звучала лишь как «бим-БОМ, динь-ДОН».

Сказать, что существо, открывшее им дверь, является, как правило, в кошмарных снах, означало бы полениться использовать все богатые языковые возможности. Кошмары обычно отличаются полным идиотизмом, и порой очень трудно объяснить собеседнику, что такого ужасного кроется в ваших оживших носках или гигантских морковках, выскакивающих из жи-

вой изгороди. Тогда как это существо относилось к тем ужасающим тварям, что могут быть порождены лишь воображением человека, которому делать больше нечего, кроме как на ясную голову придумывать всякие страхолюдные штуки. У твари было больше щупалец, чем ног, но меньше рук, чем голов.

А еще у привратника на груди висела карточка, гласившая: «Меня зовут Урглефлогга, я Исчадие Ада и Премеерзейший Страж Врат Преисподней, чем могу вам помочь?»

Содержание карточки особого восторга не вызывало.

— Да? — проскрежетал демон.

Ринсвинд, который по третьему разу перечитывал карточку, ошеломленно уточнил:

— Чем *ты* можешь нам помочь?

Урглефлогга, в котором присутствовало определенное сходство с покойным Кусалькоатлем, скрипнул некоторыми из своих зубов.

— Э-э... привет, — нараспев проговорил он с таким видом, будто кто-то терпеливо отрепетировал с ним этот текст при помощи раскаленного докрасна железного прута. — Меня зовут Урглефлогга, я Исчадие Ада, и сегодня я приветствую вас здесь... Это великая честь первым препроводить вас в наши роскошно отделанные...

— Погоди-ка минутку, — встрял Ринсвинд.

— ...Все для вашего удобства... — громогласно вещал Урглефлогга.

— Тут что-то не так, — заметил Ринсвинд.

— ...Внимание к пожеланиям, высказанным клиентами... — стоически продолжал демон.

— Эй, ты меня слышишь? — окликнул Ринсвинд.

— ...Как можно более приятным, — закончил Урглефлогга. Где-то в глубине его жвал раздался звук, похожий на вздох облегчения. Только теперь демон обратил внимание на волшебника. — Да? Что?

— Где мы очутились? — спросил Ринсвинд. Демон сияюще улыбнулся несколькими ртами.

— Во! Робей, смертный!

— Что? Воробей? Мы внутри птицы?

— Я хотел сказать, тряситесь и трепещите, смертные, — поправился демон, — ибо вы приговорены к вечной... — Он опять прервался и тихо заскулил, а потом начал по новой: — Вы пройдете период исправительной терапии, — демон буквально выплевывал каждое слово, — который мы надеемся сделать как можно более поучительным и приятным. Вы клиент, и ваше слово для нас закон.

Демон посмотрел на Ринсвинда несколькими глазами и уже более нормальным голосом добавил:

— Ужасно, правда? Но я тут ни при чем. Если бы все зависело от меня, гореть бы вам по старинке в этой, как ее, геенне огненной.

— Это, стало быть, и есть Ад? — поинтересовался Эрик. — Я видел картинки.

— Тут ты прав, — отозвался демон на какие-то собственные мысли, усаживаясь или, по крайней мере, складываясь крайне замысловатым образом. — Персональное обслуживание, — вот что было раньше. Люди знали, что мы проявляем к ним интерес, что они не просто человеческие массы, а... ну, в общем, жертвы. У нас были древние традиции. Но *ему* до этого никакого дела нет. Впрочем, что я вам рассказываю о моих бедах? У вас собственных проблем хватает — учитывая то, что вы мертвы и находитесь здесь. Кстати, вы случайно не музыканты?

— Вообще-то, мы даже не мерт... — начал Ринсвинд.

Демон, не обращая на него внимания, поднялся на ноги и, приглашающе махнув рукой, тяжеломерно затопал по промозглому коридору.

— Будь вы музыкантами, ваше пребывание здесь было бы по-настоящему неприятным. В смысле, куда более неприятным. Местные стены весь день напролет исполняют музыку, по крайней мере он *называет* это музыкой, причем, заметьте, я ничего не имею против хорошего мотивчика, под который можно повопить вволю, но тут-то все по-другому, а сам говорил, вы у меня будете слушать *самые лучшие* мелодии, так почему же нам ставят эту белиберду, которая звучит так, словно кто-то врубил пианино на всю громкость, а сам сбежал?

— Послушай, я хочу объяс...

— И эти горшки с цветами. Поймите меня правильно: мне нравится, когда в доме растет какая-нибудь зелень. Но кое-кто из ребят считает, что эти растения ненастоящие, а я и говорю: да быть такого не может, никто в здравом уме не станет *изготавливать* растение, которое выглядит как темно-зеленая кожа и пахнет будтодохлый ленивец. Однако *он* утверждает, что эти цветочки придают нашей конторе открытый и дружественный вид. Открытый и дружественный вид! Садоводы-любители, не в силах снести это зрелище, рыдают в голос! Честно говорю, они сами мне признавались: после этих цветочков те пытки, которым мы подвергали их впоследствии, они принимали с благодарностью!

— Нас вообще-то нельзя причислить к... — опять начал было Ринсвинд, пытаясь втиснуть эти слова в краткую паузу в нескончаемом монологе демона, но опять опоздал.

— Вот кофейный автомат, спору нет, это хорошая штука. Раньше мы всего-навсего топили людей в озерах кошачьей мочи, а не заставляли их покупать ее чашками.

— Мы вовсе не мертвы! — крикнул Эрик.

Урглефлогга, вздрогнув, остановился.

— Да ладно тебе, — наконец возразил он. — Мертвее не бывает, иначе вас бы тут не было. Чтобы живой человек по собственной воле появился сюда? Ерунда. Он не выдержит здесь и

пяти минут. — Демон открыл несколько ртов, явив взору богатый выбор клыков, и добавил: — Хы-хы, да если бы я поймал тут, внизу, кого-нибудь живого...

Недаром Ринсвинду в течение стольких лет удавалось выжить в параноидальных хитро-сплетениях, характеризующих жизнь Незримого Университета. В Аду он чувствовал себя почти как дома. Его инстинкты работали с невероятной четкостью.

— То есть тебе ничего не сообщили? — спросил он.

Трудно было сказать, изменилось ли выражение лиц Урглефлогги (хотя бы только потому, что сначала следовало разобраться, какая часть его лиц — выражение), но от демона определенно подудло знакомым Ринсвинду ароматом внезапно нахлынувшего смущения и неуверенности.

— Не сообщили чего? — уточнил Урглефлогга.

Ринсвинд посмотрел на Эрика.

— А ты говорил, не волнуйся, обща-ат, обща-ат!

— Сообща-ат, чт... ай-й-й! — взвыл Эрик, хватаясь за щиколотку.

— Вот тебе и современный менеджмент, — посетовал Ринсвинд, лицо которого излучало сердитое участие. — Повсюду всякие нововведения, старые правила изменяются, но скажи:

кто-нибудь поинтересовался мнением тех, кто составляет самый костяк...

— Экзоскелет,— поправил демон.

— ...Или другую известковую либо хитиновую структуру организации? — без запинки закончил Ринсвинд и немного подождал, предвкушая то, что непременно должно было последовать.

— Ага, сейчас, жди! Спросят у нас! — отозвался Урглефлогга. — Нет, лучше объявлений побольше повесят!

— Лично я считаю, это просто отвратительно,— заявил Ринсвинд.

— А знаешь,— продолжал жаловаться Урглефлогга,— совсем недавно меня не пустили на праздник клуба «18000—30000»! Сказали, что я слишком стар. Мол, я испорчу все веселье.

— И куда только катится преисподняя?! — сочувственно воскликнул Ринсвинд.

— Честно говоря, сюда вообще никто не спускается. — Плечи демона слегка обмякли. — И никто никаких советов у меня не спрашивает. Я охраняю эти чертовы врата — и ладненько, сиди там себе, старый черт!

— Послушай,— окликнул его Ринсвинд. — Хочешь, я замолвлю за тебя словечко?

— Торчишь тут сутки напролет, впускаешь, впускаешь...

— Я могу кое с кем переговорить,— предложил Ринсвинд.

Демон шмыгнул несколькими носами одновременно и спросил:

— А ты не врешь?

— Ты мне понравился, и я с радостью окажу тебе эту услугу, — ответил Ринсвинд.

Урглефлогга немного оживился, но не очень сильно — так, на всякий случай.

— Гм... Ну, вреда от этого вроде не будет, так ведь?

Ринсвинд собрался с силами и ободряюще хлопал демона по спине. Во всяком случае, он очень надеялся, что это была именно спина.

— В общем, не беспокойся, — сказал он.

— Спасибо тебе, спасибо!

Ринсвинд посмотрел поверх расчувствовавшейся громады на Эрика.

— А сейчас нам пора. Важная встреча, нельзя опаздывать.

Он принялся подавать лихорадочные знаки у демона над головой.

— Ага, точно, очень важная, — ухмыляясь, подтвердил Эрик.

Они зашагали прочь по широкому коридору.

Эрик начал истерически хихикать.

— И вот сейчас мы побежим, да?

— Сейчас мы пойдем, — возразил Ринсвинд. — Просто пойдем. Главное — вести себя непринужденно. Плюс правильно рассчитать время.

Он посмотрел на Эрика.

Эрик посмотрел на него.

У них за спиной Урглефлогга издал яростный рык, означающий «во-дурак-до-меня-только-дошло».

— А сейчас? — спросил Эрик.

— Думаю, сейчас уже пора.

И они бросились бежать.

Ад был вовсе не таким, каким его ожидал увидеть Ринсвинд, хотя кое-где еще сохранились следы того, каким он некогда был, — ножные кандалы в одном из углов, выжженное пятно на потолке. Однако здесь было жарко — настолько жарко может быть в печи, в которой много-много лет упорно нагревали воздух...

Согласно некоторым предположениям, ад — это другие люди.

Данное мнение весьма удивляет демонов, которые всегда считали, что ад — это когда втыкаешь в людей всякие острые штуки, сталкиваешь их в озера крови и так далее.

А все дело в том, что демоны (как и большинство людей, кстати) не рассматривают тело отдельно от души.

Однако существуют пределы того, что можно проделать с человеческой душой при помощи, скажем, раскаленных докрасна щипцов, поскольку даже самые злобные и испорченные души способны осознать один простой факт: раз они лишены сопутствующего тела и нервные окончания отсутствуют как класс, значит, нет

и причины — ну, если не считать силы привычки — испытывать невыносимые муки. В общем, конец мучениям. Демоны тем не менее продолжали делать свое дело — тупость и безмозглый идиотизм составляют часть самого понятия «демон», — но, поскольку никто не мучался, они тоже не получали от своей работы никакого удовольствия. Вся затея с Адом оказалась бессмысленной! Тысячелетиями Ад функционировал вхолостую.

Пока Астфл, сам того не осознавая, не применил радикально новый подход.

Демоны умеют передвигаться между измерениями, именно там, в других измерениях, он нашел основные ингредиенты для весьма ценного изобретения — так сказать, озера крови для души. Учитесь у людей, говорил он высокопоставленным демонам. Учитесь у людей. Вы сами поразились, сколько можно у них научиться.

Берем, к примеру, отель определенного типа. А точнее, английский вариант американского отеля, причем организован он с присущим одним англичанам талантом взять что-то американское и извлечь из него то единственное, что в нем есть стоящего, так что в результате остается медленное «быстрое питание», кантри-музыка и... ну, в общем, отель.

Бар сегодня закрылся рано. На самом деле он представляет собой всего лишь обшитый пас-

тельно-розовыми панелями стол, на котором стоит придурочное ведерко со льдом. Этот «бар» установлен в одном из углов холла и открывается только завтра. Затем к общей картине следует добавить дождь и старый телевизор, который показывает единственный канал — причем это какое-нибудь региональное телевидение, без конца крутящее свою заставку. А еще в этом отеле имеется одна-единственная книга, оставленная предыдущей жертвой местного сервиса. Это одна из тех книжонок, на обложке которых фамилия автора выдавлена огромными золотыми буквами. Между автором и довольно скромного размера названием нарисованы роза и пуля. Половины страниц в книге не хватает.

А единственный на весь город кинотеатр демонстрирует фильм, в котором фигурируют субтитры и французские зонтики.

Представили все это? Отлично. Затем вы останавливаете время — но не переживания! — так что создается впечатление, будто кованная пыль постепенно поднимается и поднимается, доверху заполняя ваш мозг, а во рту у вас возникает привкус, как от старого зубного протеза.

И это мгновение длится вечно. Вечность — это много дольше, чем от данной минуты до открытия бара.

После чего вы тщательно отжимаете получившееся и наслаждаетесь результатом.

Разумеется, некоторые из вышеперечисленных предметов на Плоском мире отсутствуют, но скука — это универсальное понятие, и Астфглу удалось добиться особенно эффективной скуки. Что это значит? Особо эффективная скука — это а) когда вы скучаете, хотя, по идее, должны веселиться и б) когда эта скука еще и денег вам стоит.

Пещеры, открывшиеся перед Ринсвиндом, были заполнены туманом и изящными перегородками. Время от времени из-за горшков с цветами раздавались вопли смертельно скучающих душ, но по большей части здесь царила жуткая, цепенящая тишина, производимая человеческим мозгом, который превращают в творог.

— Не понимаю, — удивился Эрик. — А где печи? Где пламя? Где, — с надеждой добавил он, — суккубы?

Ринсвинд уставился на ближайший экспонат.

Унылый демон (на чьей груди висела карточка, которая сообщала, что ее хозяина зовут Азаремот, Вонь Собачьего Дыхания и, кроме того, он искренне надеется, что читающий эти слова приятно проведет день) сидел на краю неглубокой ямы, в которой лежал прикованный к скале человек.

Рядом с демоном сидела очень усталая с виду птица. Ринсвинду раньше казалось, что Эрикову попугаю крепко досталось от судьбы, но данную представительницу птичьего рода поисти-

не пропустили через Соковыжималку Жизни. Птица выглядела так, словно ее сначала ощипали, а потом воткнули все перья обратно, только вверх ногами.

Любопытство взяло верх над обычной трусостью волшебника.

— Что тут происходит? — спросил он. — Что вы там с ним делаете?

Демон разом перестал барабанить пятками по краю ямы. Ему и в голову не пришло подвергнуть присутствие Ринсвинда какому-то сомнению. Он весьма логично рассудил, что если бы Ринсвинд не имел права здесь находиться, то его бы здесь не было. Все остальные варианты выглядели абсолютно безумными.

— Не знаю, что он там натворил, — ответил демон, — но, когда я только попал сюда, его наказание состояло в том, что он был прикован к этой скале и каждый день прилетал орел клевать ему печень. Раньше такие штуки пользовались немалой популярностью.

— Сейчас что-то не похоже, чтобы орел на него нападал, — заметил Ринсвинд.

— Ага. Все немножко поменялось. Орел и теперь прилетает каждый день, но ничего не клюет, а лишь рассказывает о том, как ему когда-то вырезали грыжу. Очень эффективная штука, спору нет, — печально добавил демон, — но пыткой я бы это не назвал...

Ринсвинд отвернулся, однако перед этим успел мельком увидеть смертельную муку, написанную на лице жертвы. Это было ужасно.

Но данная пытка была не из худших. Например, в соседней яме несколькими закованными в цепи и стенающим людям показывали серии рисунков. Сидящий рядом демон читал по бумажке:

— ...Это когда мы были в Пятом Кругу, только вы не видите, где мы жили, это чуть дальше влево, а *это* та забавная парочка, которую мы там встретили, ни за что не поверите, они жили на Ледяных Равнинах Рока по соседству с...

Эрик посмотрел на Ринсвинда и спросил:

— Он что, показывает им картинки, сделанные в отпуске?

Волшебник и юный демонолог дружно пожали плечами и, покачивая головами, зашагали дальше.

Вскоре они увидели небольшой холм, у подножия которого лежал круглый камень. Рядом с камнем, в отчаянии опустив голову на руки, сидел человек в кандалах. Возле него стоял приземистый зеленый демон, сжимающий в своих лапках огромный том.

— А про этого я слышал, — сообщил Эрик. — По-моему, он посмел бросить какой-то вызов богам и теперь должен постоянно закатывать на вершину холма камень, а тот все время скатывается обратно...

— Но сначала, — подняв глаза от книги, пропихивал демон, — он должен прослушать «Правила Апасности При Падении и Перемещении Предметов В Асоба Крупных Размерах».

Вообще-то, в руках демон держал 93-й том «Комментариев». А сами «Правила» состоят из 1440 томов. Ну, то есть их первая часть.

Ринсвинд всегда любил скуку, ценил ее уже хотя бы потому, что она была такой редкостью. Ему казалось, что единственными периодами жизни, когда его не преследовали, не пинали или не заключали в темницу, были те, когда он откуда-нибудь падал (когда падаешь с большой высоты, пейзаж практически не меняется, но данный отрезок времени никак нельзя назвать «скучным»). Правда, однажды, увы, весьма недолго, Ринсвинд работал помощником библиотекаря Незримого Университета, и вот это время он вспоминал с неизбывной нежностью. Ему почти ничего не надо было делать, кроме как читать книжки, следить за непрерывным поступлением бананов и — что случалось крайне редко — помогать библиотекарю справиться с каким-нибудь особо разбушевавшимся гримуаром.

Но теперь он понял, что делает скуку столь привлекательной. Это осознание того, что совсем рядом, за углом, происходят куда более худшие вещи, опасные и волнующие, и вы их благополучно пропускаете. Для того чтобы наслаждаться скукой, ее нужно постоянно с чем-то сравнивать.

В то время как тут одна скука наслаивалась на другую, а потом все это сматывалось в клу-

бок и превращалось в конце концов в огромный, сокрушительный кузнечный молот, который парализовал все мысли, переживания и расплющивал реальность, делая ее чем-то вроде фланельной тряпочки.

— Кошмар какой, — проговорил Ринсвинд.

Закованный человек поднял к нему изможденное лицо.

. — Это ты мне? — отозвался он. — Знаешь, раньше мне *нравилось* толкать шар в гору. Можно было остановиться, поболтать с кем-нибудь, а потом по сторонам поглядишь, что там, вокруг, происходит. Можно было попробовать иначе ухватиться за шар... А еще ко мне туристы ходили, люди показывали меня своим друзьям. Не скажу, чтобы я от души веселился, но это придавало хоть какой-то смысл жизни после смерти.

— А я ему помогал, — вставил демон хриплым от угрюмого возмущения голосом. — Я ведь иногда оказывал тебе поддержку, правда? Сплетню какую принесу, подбодрю, когда камень опять вниз покатится. Вот, помню, вижу, камень снова летит, ну и скажу: «Ух ты, опять эта треклятая каменюка сорвалась», а он мне: «Чтоб его черти взяли». Хорошие были времена. Замечательные.

Он громко высморкался. Ринсвинд кашлянул.

— А это уже становится невыносимым, — пожаловался демон. — В прежние дни мы были

счастливы. И особого вреда от этого не было — ну, в смысле, все мы в одной преисподней сидим.

— Вот именно, — подхватил закованный мученик. — И я знал, что если буду хорошо себя вести, то в один прекрасный день у меня появится шанс выйти на волю. Кстати, ты в курсе, что теперь я раз в неделю должен прекращать работу, чтобы учиться рукоделию?

— Это, должно быть, очень мило... — неуверенно промолвил Ринсвинд.

Глаза заключенного сузились.

— *Плетение корзинок?* — переспросил он.

— Я пробыл здесь восемнадцать тысяч лет, вырос от бесенка до демона, — ворчал демон. — Я изучил ремесло, так-то вот... Восемнадцать тысяч треклятых лет махания вилами, а теперь *это*... Читаю...

Акустический взрыв отдался эхом по всему Аду.

— Ой-ей-ей! — воскликнул демон. — Он вернулся. И, похоже, Он очень сердит. Нам лучше не высовываться.

Отовсюду слышались разочарованные стоны — демоны и души осужденных возвращались к прерванным пыткам.

Узник покрылся испариной.

— Послушай, Виззимут, — взмолился он, — а что, если мы, ну, пропустим парочку параграфов?..

— Это моя *работа*, — с несчастным видом ответил демон. — Ты же знаешь, Он все время нас проверяет, это будет стоить мне места...

Он замолк, скорчил Ринсвинду грустную гримаску и мягко похлопал всхлипывающую душу когтистой лапой.

— Знаешь что, — добродушно предложил он, — я, пожалуй, пропущу некоторые из подпунктов.

Ринсвинд взял несопротивляющегося Эрика за плечо и негромко проговорил:

— Нам лучше двигаться отсюда.

— Но это по-настоящему ужасно, — заявил Эрик, когда они зашагали прочь. — Именно так зло делает себе дурное имя.

— Гм, — отозвался Ринсвинд.

Ему пришлось не по душе известие о том, что Он вернулся и Он очень сердит. Всякий раз, когда кто-либо достаточно важный, чтобы заслуживать написания с большой буквы, сердился в непосредственной близости от Ринсвинда, обычно оказывалось, что Он сердит именно на него.

— Если ты столько знаешь об этом месте, то, может, вспомнишь, как отсюда выбраться?

Эрик почесал голову.

— Ну, если бы кто-нибудь из нас был женского пола, это бы, несомненно, помогло, — ответил он. — Согласно эфебской мифологии, есть тут одна девушка, которая бродит туда-сюда.

— Но что она здесь забыла?

— Понимаешь, там был какой-то договор... Не помню точно. Помню только, что именно из-за нее у нас наверху случается зима.

— Я всегда знал: все зло — из-за женщин, — с мудрым видом кивнул Ринсвинд.

— В общем, этот вариант не подходит. Остается добыть какой-нибудь музыкальный инструмент.

— Я умею свистеть, — услужливо предложил Ринсвинд.

— Желательно лиру, — добавил Эрик.

— О-о.

— Но... но... когда будем выходить, нельзя оглядываться... иначе превратимся в соляные столбы... Или в кусок дерева?

— Я вообще никогда не оглядываюсь, — твердо заявил Ринсвинд. — Одно из первых правил при убегании гласит: «Никогда не оглядывайся».

У них за спиной раздался рев.

— В особенности когда слышишь громкие звуки, — продолжал Ринсвинд. — Кстати о трудности, именно этим люди и отличаются от овец. Ты прямой наводкой бежишь прочь.

Он подхватил полы своего балахона.

И они бежали, бежали и бежали, покуда знакомый голос не окликнул их:

— Эй, ребята, привет. Ко мне не завернете? Подумать только, как мир тесен. Везде встречаешь старых друзей.

А другой голос подхватил:

— Какеготам?! Какеготам?!

— *Где они?!*

Нижестоящие владыки Ада затрепетали. Намечалось нечто ужасное. Похоже, им светил *меморандум*.

— Они не могли ускользнуть, — резко бросил Астфгл. — Они где-то здесь. Но почему вы не можете их найти? Я что, окружен не только дураками, но и ни на что не годными работниками?

— Повелитель...

Верховные демоны разом крутанули головами.

Говорившим был герцог Вассенего, один из старейших демонов в преисподней. Сколько ему лет, никто точно не знал. Даже если это не он изобрел первородный грех, то, по крайней мере, именно герцог Вассенего сделал одну из его первых копий. Изворотливостью ума и предприимчивостью он мог поспорить с самим чело-веком, наверное вот почему герцог, как правило, принимал облик старого, довольно грустного законоведа, среди предков которого каким-то образом затесался орел.

«Бедный старина Вассенего, на этот раз он влип, — промелькнула мысль в демонических умах. — Это будет не просто меморандум, это будет строгий выговор, доведенный до сведения всех отделов и занесенный в личное дело».

Астфгл медленно, словно на поворотном круге, обернулся. Он снова принял свой излюбленный облик, но одна только мысль о том, что по его владениям бродят живые люди, заставляла его дрожать от ярости наподобие скрипичной

струны. Эти мерзкие людишки, им нельзя доверять... Очень ненадежные... люди. Последний человек, которого допустили сюда живым, дал в печати ужасно неблагоприятные отзывы.

Правитель демонов гневался, и вся мощь его гнева сфокусировалась на старом демоне.

— У тебя есть какие-то замечания? — спросил он.

— Я всего лишь хотел указать, о повелитель: мы тщательно обыскали все Восемь Кругов Ада и я действительно уверен...

— Молчать! Думаете, я не знаю, что происходит? — прорычал Астфл, нарезая круги вокруг вытянувшегося по стойке «смирно» демона. — Я видел, как ты... и ты... и ты... — его трезубец указал на нескольких других знатных стариков, — строили по углам козни, подбивали народ к восстанию! Но здесь правлю я! И вы будете мне подчиняться!

Вассенего был бледен. Его аристократические ноздри раздувались точно ракетные сопла. Все в нем говорило: «Ты — напыщенное ничтожество, разумеется, мы подбиваем народ на восстание, мы же демоны! Я мутил разум принцев еще в те времена, когда ты учил кошек оставлять дохлых мышей под кроватью, узколобый, безмозглый любитель бумажек!» Герцог говорил это всем своим видом, но не голосом. Голос его спокойно произнес:

— И мы подчиняемся, о повелитель.

— Тогда общитесь все еще раз! А того демона, который впустил их, пусть отведут в самое

нижнее подземелье и там разберут на части, понятно?

Вассенего приподнял брови.

— Старого Урглефлоггу? Да, разумеется, он совершил глупость, но он преданный...

— Ты, случаем, не пытаешься мне противоречить?

Вассенего на некоторое время замолк. Хоть он и считал Астфгла никудышным правителем, у демонов очень сильно развито чувство чинопочитания и иерархии. Слишком много молодых демонов напирает снизу, чтобы старшие представители знати начали в открытую призывать к цареубийству и дворцовому перевороту. У Вассенего были иные планы. Не стоит сейчас все портить.

— Ни в коем случае, о повелитель, — ответил он. — Но это будет означать, что ворота преисподней больше не...

— *Выполняйте!*

Сундук достиг врат преисподней.

Невозможно даже описать, насколько сильно можно рассердиться, дважды пробежав туда-сюда по всему пространственно-временному континууму. А Сундук вообще славился своей раздражительностью.

Он посмотрел на петли. Посмотрел на замки. Немного попятился и вроде как прочитал объявление над порталом.

Возможно, оно разозлило его еще больше, хотя трудно сказать наверняка, потому что обычно Сундук все свое время проводил за гранью среднестатистической враждебности.

Двери Ада были очень древними. Не только жара и долгие япохи вволю поработали над ними, превратив дерево в нечто вроде черного гранита. Эти врата впитали в себя страхи людские и смутное зло. Они были чем-то большим, нежели простыми досками, закрывающими дыру в стене. И у них хватило ума понять, что ждет их в ближайшем будущем.

Они увидели, как Сундук, шаркая ножками по песку, пятится назад, приседает и готовится к прыжку.

Замок щелкнул. Задвижки торопливо отодвинулись. Огромные засовы рывком вылетели из пазов. Створки распахнулись и прижались к стене.

Сундук расслабился. Выпрямился. Шагнул вперед. Чуть ли не горделиво прошествовал между рвущимися с петель створками, но, почти миновав их, повернулся и наградил ближайшую крепким пинком.

Это было огромное колесо, приводимое в движение шагающими по нему людьми. Однако никакой механизм оно не питало, и у него были исключительно скрипучие подшипники. Это колесо являлось одним из наиболее удачных

изобретений Астфгла и служило лишь той цели, чтобы наглядно демонстрировать сомневающимся: человек, считающий свое существование бессмысленным, ничего в этой жизни не видел.

— Мы не можем торчать здесь целую вечность,— заявил Ринсвинд.— У нас куча очень важных дел. Для начала неплохо было бы поесть.

— Вот оно, громаднейшее преимущество существования в виде обреченной души! — возвестил Понт да Щеботан.— Все прежние телесные заботы тают как дым. Разумеется, при этом появляется совершенно новый комплект забот, но я всегда считал, что во всем нужно искать хорошую сторону.

— Какеготам! — крикнул попугай, сидящий у него на плече.

— Подумать только,— покачал головой Ринсвинд.— Я и не знал, что птицы тоже могут попасть в Ад. Хотя я вполне понимаю, почему в данном случае было сделано исключение.

— Сам такое слово, волшебник!

— А вот чего я не понимаю, так это почему никто не догадался поискать нас *здесь*,— заметил Эрик.

— Заткнись и продолжай шагать,— откликнулся Ринсвинд.— Глупые они, вот почему. Демоны даже представить себе не могут, что мы добровольно залезем на это колесо.

— Тут они правы,— буркнул Эрик.— Я тоже не мог себе это представить.

Какое-то время Ринсвинд шагал молча. Мимо промчалась очередная толпа демонов, лихорадочно обшаривающих преисподнюю.

— Значит, ты так и не нашел Источник Жизни? — спросил он наконец, чувствуя, что следует внести какой-то вклад в беседу.

— Почему же, нашел! — с жаром возразил да Щеботан.— Чистый родник, глубоко в джунглях. Это было весьма впечатляющее зрелище. И я как следует хлебнул из него. Или глотнул — кажется, это более подходящее слово.

— И?... — заинтересовался Ринсвинд.

— Это определенно возымело действие. Да, точно. Какое-то время я отчетливо ощущал, что наполняюсь жизнью.

— Но... — Ринсвинд неопределенно махнул рукой, включив в этот жест да Щеботана, колесо и возвышающиеся над ними круги Ада.

— А-а,— отозвался старик.— Вот это и было самым досадным. Я столько читал об этом Источнике Жизни... До сих пор не понимаю, почему во всех книгах никто не упомянул о столь важной детали.

— А именно?..

— Любую воду, обнаруженную в джунглях, стоит на всякий случай вскипятить. Подумайте только, какой досадный промах...

Сундук трусцой спускался по широкой спиральной дороге, которая связывала между собой все круги Ада. На него никто не обращал внимания. Впрочем, даже если бы не царящая вокруг суматоха, он все равно остался бы незамеченным, поскольку был несколько менее экзотичным, чем большинство местных жителей.

— Настоящая тоска! — заявил Эрик.

— В том-то все и дело, — отозвался Ринсвинд.

— Нужно было не прятаться здесь, а попытаться найти выход!

— Согласен. Но выхода из Ада нет.

— Вообще-то есть, — раздался за спиной у Ринсвинда чей-то голос.

Это был голос человека, который видел в жизни все и которому не слишком понравилось то, что он видел.

— Виндринссей?! — воскликнул Ринсвинд.

Его предок стоял прямо за их спинами.

— Можешь не сомневаться, ты обязательно вернешься домой... — горько передразнил он. — По-моему, это твои слова? Ха! Десять проклятых лет — одно препятствие за другим. Мог бы и предупредить.

— Э-э... — вмешался Эрик. — Мы не хотели нарушать ход истории.

— Вы не хотели нарушать ход истории? — медленно повторил Виндринссей, глядя на де-

ревянную раму колеса. — О-о. Прекрасно. Тогда все в порядке. Теперь, когда я это узнал, мне стало значительно легче. От лица хода истории хочу сказать вам большое спасибо.

— Извини... — перебил Ринсвинд.

— Да?

— Ты упомянул, что отсюда есть выход?

— О да. Можно выйти через черный ход.

— И где же он?!

Виндринссей указал на другую сторону затянутой туманом впадины.

— Видишь вон ту арку?

Ринсвинд взгляделся в далекую гряду гор.

— Еле-еле. Это он и есть?

— Да. Там начинается долгий крутой подъем. Однако я понятия не имею, где именно он выходит на поверхность.

— А как ты о нем узнал?

— Спросил у одного демона, — пожал плечами Виндринссей. — Чем искать сложный путь, стоит сначала попробовать дорогу полегче.

— У нас уйдет вечность на то, чтобы до него добраться, — пожаловался Эрик. — Он расположен прямо напротив нас, нам ни за что туда не попасть.

Ринсвинд кивнул и с мрачным видом продолжил свой бесконечный путь по колесу. Через несколько минут он спросил:

— Ты не заметил, мы вроде как быстрее стали двигаться?

Эрик обернулся.

Позади на колесо вскочил Сундук и теперь отчаянно пытался их догнать.

Астфгл стоял перед своим зеркалом.

— Покажи мне, что они сейчас видят, — командовал он.

«Слушаюсь, хозяин».

Пару мгновений Астфгл внимательно рассматривал быстро мелькающее изображение, после чего приказал:

— А теперь объясни, что все это значит.

«Я обычное зеркало, хозяин. Откуда мне знать?»

Астфгл зарычал.

— А я — повелитель Ада! — воскликнул он, взмахивая своим трезубцем. — И я готов рискнуть семью годами невезения.

Зеркало обдумало имеющиеся варианты.

«По-моему, я слышу потрескивание, хозяин», — предположило оно.

— И?

«Я чувствую запах дыма».

— Это вряд ли. Я категорически запретил жечь костры. Дедушкины методы. Именно они создали Аду дурную репутацию.

«И тем не менее, хозяин...»

— Покажи мне... Ад.

Зеркало выдало все, на что было способно. Правитель демонов как раз успел увидеть, как

колесо, подшипники которого раскалились докрасна, сорвалось со своей станины и покатилося — обманчиво медленно, словно лавина, — через страну проклятых душ.

Ринсвинд висел, держась за его ось, и смотрел на спицы, которые, свистя, проносились мимо с такой скоростью, что, если бы он неосмотрительно опустил ноги, подошвы его сандалий мигом сгорели бы. Покойники, однако, воспринимали все происходящее с жизнерадостной самоуверенностью людей, знающих, что самое худшее уже позади. Кто-то просил передать сахарную вату. Ринсвинд слышал, как Виндринссей хвалит превосходное сцепление колеса с поверхностью и объясняет да Щеботану, что если бы у людей была машина, которая сама прокладывала бы себе дорогу — как это, по сути, делал Сундук, — да еще покрыть бы ее броней, то войны сразу стали бы менее кровавыми, заканчивались бы вдвое быстрее и все могли бы тратить куда больше времени на возвращение домой.

Сундук на это ничего не ответил. Он видел, что хозяин болтается всего в нескольких футах от него, и упорно продолжал мчаться вперед. Наверное, он кое-что уже заподозрил — расстояние маленькое, а бежал он давно, — но, видимо, списал все на козни Времени. И вот так, изредка отшвыривая в сторону какую-нибудь вопящую душу, подсакивая на ухабах, описы-

вая круги и давя случайно попадающихся на пути неудачливых демонов, колесо все катилось и катилось.

Наконец оно врезалось в утес, стоящий на другой стороне преисподней, и разлетелось на куски.

Герцог Вассенего улыбнулся.

— Вот теперь — пора, — произнес он.

Прочие старшие демоны уклончиво зашмыгали носами. Разумеется, они по уши погрязли во всяческих злодеяниях, и этот Астфгл определенно не был Одним Из Нас, а, напротив, был самым отвратным ничтожеством, когда-либо пролезавшим во власть...

Но... ну, в общем, *это*... возможно, некоторые вещи *чересчур*...

— «Учитесь у людей», — передразнил Вассенего. — Он предложил *мне* учиться у людей! Мне! Какая наглость! Какое высокомерие! Но я следил за ним, о да! Я учился. Я *строил планы*.

В буквальном смысле неопишуемая гримаса исказила его лицо. Даже повелители самых нижних кругов, привыкшие к неизбывной подлости, вынуждены были отвернуться.

Герцог ДрацOMET Вонюч неуверенно поднял когтистую лапу.

— Но если он хотя бы заподозрит... — промолвил он. — Уж очень мерзкий у него характер. Эти меморандумы...

Он содрогнулся.

— Но что мы такого делаем? — Вассенего развел руками, демонстрируя свою полную невиновность. — Что тут плохого? Братья, я спрашиваю вас: что тут плохого?

Его пальцы скрючились. Костяшки под тонкой, испещренной голубыми прожилками кожей побелели. Он опять оглядел сомневающихся демонов и спросил:

— Или, может, вам так нравятся приказы по кадрам?

Выражение лиц разом начало меняться — верховные демоны один за другим, словно падающий ряд костяшек домино, принимали решение. Некоторые вещи терпеть нельзя. Никаких больше приказов по кадрам, никаких инструктивных записок, никаких благодарностей всему персоналу. Да, это Ад, но надо ж и меру знать.

Граф Бизлемот, почесав один из своих трех носов, поинтересовался:

— Но послушайте... Никак не возьму в толк, неужели в каком-то из миров люди сами, добровольно подвергают себя таким пыткам? То есть, ну, это ведь не наших лап дело?

Вассенего покачал головой.

— Это все их собственная работа, — с гордым видом ответил он, словно школьный учитель, чей любимый ученик только что получил красный диплом.

Граф уставился в бесконечность и голосом, полным благоговейного изумления, проговорил:

— А я-то думал, что это *нам* полагается внушать ужас.

Старый герцог кивнул. Он давно ждал этого момента. В то время как остальные разглагольствовали о пламени революции, он изучал людей, наблюдал за ними и диву давался.

А этот тип, Ринсвинд, оказался как нельзя кстати. Ему удалось отвлечь внимание Астфгла. О да, на этого Ринсвинда стоило тратить силы. И глупый человечешко до сих пор считает, что это его пальцы делают всю работу! Три желания, как же!

И вышло так, что, выбравшись из-под колеса обломков, Ринсвинд обнаружил вдруг, что стоит над ним сам Астфгл, Демонов Верховный Король, Жаркого Ада Владыка, Хозяин Всея Преисподней.

Астфгл уже миновал раннюю стадию ярости и сейчас пребывал в той тихой лагуне бешенства, где голос остается ровным, манеры — взвешенными и вежливыми и лишь слабая слюна в уголках рта выдает бушующее внутри адское пламя.

Эрик выполз из-под сломанной спицы и поднял глаза.

— Ого! — вырвалось у него.

Правитель демонов вертел в руках трезубец. Внезапно этот трезубец перестал казаться смешным. Теперь это было тяжелое металлическое древко с тремя ужасающими остриями на конце.

Астфгг усмехнулся и оглянулся по сторонам.

— Нет, — сказал он, очевидно, самому себе. — Только не здесь. Тут недостаточнолюдно. Пошли!

Его огромные ладони легли на их плечи. Конечно, Ринсвинд с Эриком могли бы попробовать сопротивляться, но это было бы все равно как если бы пара снежинок вступила в битву не на жизнь, а на смерть с огнеметом. На какое-то мгновение в голове Ринсвинда все смешалось, а потом он вдруг обнаружил, что находится в самом громадном помещении во всей вселенной.

Это был главный зал преисподней. В нем можно было строить ракеты «Земля—Луна». Возможно, правители Ада и слышали о таких словах, как «утонченность» и «рассудительность», но также они где-то слышали, что если вы обладаете этими качествами, то должны всячески выставлять их напоказ. Отсюда следует, логически рассудили они, что, если у вас этих качеств все же нет, вы должны выставлять их напоказ еще активнее. Правители Ада очень страдали от отсутствия хорошего вкуса. Астфгг сделал все, что было в его силах, но даже ему не удалось добавить что-либо существенное к из-

начально плохому проекту, дисгармонирующим краскам и жутким обоям. Он поставил в зал несколько кофейных столиков и повесил на стену плакат, изображающий бой быков, но все это бесследно затерялось во всеобщем хаосе, а новая салфеточка на спинке Адского Трона только привлекала ненужное внимание к некоторым из наиболее неудачных барельефов.

Двое смертных распростерлись на полу.

— А теперь... — начал Астфгл.

Но его голос утонул во внезапном взрыве приветственных возгласов.

Он поднял глаза.

Демоны самых разнообразных видов и размеров заполняли почти весь зал, громоздясь друг на дружку вдоль стен и даже свисая с потолка. Демонический оркестр ударил по струнам всевозможных музыкальных инструментов. Транспарант, протянувшийся от одной стены зала до другой, гласил: «Приветствуем Нашиво Голову».

Брови Астфгла сдвинулись в мгновенном приступе паранойи. Вассенего неторопливо приблизился к нему, сопровождаемый прочими знатными демонами. Лицо старого герцога расплылось в совершенно бесхитростной ухмылке, и правитель демонов, запаниковав, чуть было не врезал ему трезубцем, но тут Вассенего протянул руку и, хлопнув его по плечу, воскликнул:

— Великолепно!

— Что?

— Просто великолепно!

Астфгг посмотрел на Ринсвинда.

— О-о. Да. Что ж...— Он кашлянул.— Это были сущие пустяки.— И, выпрямившись, добавил: — Я знал, что вы, ребята, ничего не добьетесь, так что...

— Я говорю не об этих людишках, — презрительно фыркнул Вассенего.— Такая мелочь. Нет, о повелитель. Я имел в виду твое возвышение.

— Возвышение? — переспросил Астфгг.

— Твое *продвижение по службе*, о повелитель!

В зале раздались бурные восторженные крики. Их издавали молодые демоны, всегда готовые восторгаться чем угодно.

— Продвижение по службе? Но... но я же и так ваш правитель...— слабо запротестовал Астфгг, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией.

— Фи! — не сдержался Вассенего.

— Фи?

— Вот именно. Правитель? *Правитель?* Я говорю от имени всех нас, заявляя, что это не титул для такого демона, как ты, о повелитель, демона, чье понимание организационных вопросов и приоритетов, чье умение постичь истинные функции нашего демонического существа

и чьи — да будет мне позволено так выразиться — мощнейшие интеллектуальные способности помогли нам опуститься на новые, еще бо́льшие глубины!

Астфгл, несмотря на все свои усилия, не мог не напыжиться.

— Ну, ты знаешь... — начал он.

— Однако мы видим, что, несмотря на свое высокое положение, ты продолжаешь вникать в мельчайшие детали нашей работы, — продолжал Вассенего, свысока глядя на Ринсвинда. — Какая преданность делу! Какое рвение!

Астфгл раздулся от гордости.

— Разумеется, я всегда считал...

Ринсвинд с интересом приподнялся на локтях. «Осторожно, сзади!» — подумал он.

— Так что, — сказал Вассенего, сияя точно берег, усыпанный маяками, — демонический совет собрался и постановил, смею ли я добавить, о повелитель, что он постановил это единогласно, учредить совершенно новую награду в честь твоих выдающихся достижений!

— Важность ведения конторской работы надлежащим образом... Какую еще награду? — осведомился Астфгл; подозрение шустрой стайкой пескарей пронеслось по океанам его самомнения.

— Пост, о повелитель, верховного пожизненного президента Ада!

Оркестр грянул снова.

— С собственным кабинетом — гораздо более просторным, чем та тесная клетушка, в которой ты вынужден был ютиться все эти годы, о повелитель. Или, вернее, господин президент!

Оркестр попытал счастья с еще одним аккордом.

Демоны ждали.

— А там будут... горшки с цветами? — медленно спросил Астфгл.

— Рощи! Плантации! *Джунгли!*

Астфгл словно осветился мягким, внутренним сиянием.

— А ковры? Я имею в виду, от стены до стены?..

— Стены пришлось специально раздвинуть, чтобы вместить все ковры, о повелитель. А густота ворса! Целые племена пигмеев гадают, почему солнце не заходит по ночам, о повелитель!

Обалдевший правитель демонов, оставив всякую мысль о мести, позволил Вассенего обнять себя за плечи, и тот мягко повлек его через возторженно вопящую толпу к выходу из зала.

— А еще мне всегда хотелось иметь одну из этих специальных штукочин для варки кофе... — пробормотал Астфгл, теряя последние остатки самоконтроля.

— Там установили настоящую фабрику по производству кофе, о повелитель! И новейшую модель переговорной трубки, чтобы ты мог отдавать распоряжения своим подчиненным. И са-

мую последнюю версию ежедневника, две вечности на страницу, и такую штуку для...

— Разноцветные маркеры. Я всегда утверждал, что...

— Всех цветов радуги, о повелитель, — прокотал Вассенего. — Но давай же не будем здесь задерживаться, ибо я подозреваю, что ты ждешь не дождешься той минуты, когда сможешь взяться за ожидающие твоего решения масштабные задачи.

— Конечно, конечно! Действительно, пора бы их разрешить... — На раскрасневшемся лице Астфгла промелькнула смутная озадаченность. — Эти масштабные задачи...

— Не что иное, как всеобъемлющий, полный, авторитетный, тщательный и глубокий анализ наших функций, приоритетов и целей, о повелитель!

Вассенего отступил назад.

Верховные демоны затаили дыхание.

Астфгл нахмурился. Вселенная словно бы замедлила свой бег. Звезды на мгновение застыли на орбитах.

— С предварительным планированием? — спросил он наконец.

— Первоочередная задача, о повелитель. Должен отметить, ты опять проявил обычную прозорливость, — быстро ответил Вассенего.

Верховные демоны снова задышали.

Грудь Астфгла раздалась еще на несколько дюймов.

— Мне, разумеется, понадобится специальный штат, чтобы сформулировать...

— Сформулировать! Именно то, что нужно! — воскликнул Вассенего.

Возможно, его самую малость занесло. Астфгг бросил на него слегка подозрительный взгляд, но в этот момент оркестр заиграл снова.

Последним, что услышал Ринсвинд, перед тем как правителя демонов вывели из зала, было:

— А для анализа информации мне потребуется...

Остальные демоны, чувствуя, что на сегодня развлечения закончены, начали потихоньку выходить через большие двери. До самых смысленых из них постепенно доходило, что костры вот-вот запылают снова.

Похоже, никто не обращал внимания на затесавшихся в их ряды двоих смертных. Ринсвинд подергал Эрика за мантию.

— И вот сейчас мы побежим, да? — спросил Эрик.

— Сейчас мы *пойдем*, — твердо сказал Ринсвинд. — Небрежной походкой, спокойно, но, э-э...

— В темпе?

— А ты быстро все схватываешь.

Очень важно, чтобы правильное использование трех желаний принесло счастье как можно большему количеству народа. Именно это на самом деле и случилось.

Тецуманцы были счастливы. Увидев, что никакие молитвы не способны заставить Сундук вернуться и растоптать коварных врагов, они отравили всех своих жрецов и попробовали исповедовать вместо религии просвещенный атеизм. Это означает, что тецуманцы по-прежнему могли убивать столько людей, сколько влезет, но для этого не приходилось подниматься так рано по утрам.

Обитатели Цорта и Эфеба тоже были счастливы — по крайней мере, те из них, кто писал исторические драмы и исполнял в них роли, а это было единственное, что имело значение. Долгая война закончилась, и жители двух государств наконец смогли заняться делом, подобающим всем цивилизованным нациям, а именно подготовкой к следующей войне.

И обитатели Ада были счастливы. Гм, по крайней мере, более счастливы, чем раньше. Повсюду снова замерцали огромные костры, все те же старые, знакомые пытки применялись к эфирным телам, совершенно неспособным что-либо чувствовать, а проклятым душам было даровано то озарение, которое помогает переносить любые трудности, — абсолютное и безусловное осознание того, что все могло быть значительно хуже.

А уж как счастливы были верховные демоны...

Они стояли вокруг магического зеркала, смакуя напитки, выставленные по случаю празд-

ника. Периодически кто-нибудь из них, набравшись смелости, похлопывал Вассенего по спине.

— Мы что, отпустим их, о повелитель? — спросил какой-то герцог, вглядываясь в темные глубины зеркала, где отражались две карабкающиеся вверх фигурки.

— О, думаю, да, — небрежно отозвался Вассенего. — Знаете ли, никогда не мешает распусть о себе пару-тройку слухов. Как говорится, бойся эфебцев... Или это не о том? В общем, чтобы заставить всех прочухаться и, черт возьми, обратить внимание. Кроме того, эти людишки помогли нам.

Он оглянулся по сторонам, испытывая тихое торжество.

И все же ему показалось, что где-то в потаенных закоулках его изворотливого ума раздался едва слышный голосок, голос, который с годами будет становиться все громче, голос, который преследует всех правителей демонов: «Осторожно, сзади!...»

Трудно сказать, был ли счастлив Сундук. Он успел злодейски напасть на четырнадцать демонов и троих из них загнал в яму, где они кипятили масло. Вскоре ему придется последовать за хозяином, но пока можно поразвлечься.

Один из демонов сделал лихорадочную попытку ухватиться за край ямы. Сундук всей своей тяжестью наступил ему на пальцы.

И создатель вселенных тоже был счастлив. Он только что в порядке эксперимента подсу-

нул в метель одну снежинку с семью лучами, и никто этого не заметил. Он уже почти решил, что завтра попробует ввести в обращение маленькие, изящно кристаллизованные буквы алфавита. О да, алфавитный снег. Это может принести ему успех.

И Ринсвинд с Эриком были счастливы.

— Я вижу синее небо! — воскликнул Эрик. И добавил: — Как ты думаешь, где мы выйдем? И когда?

— Где угодно, — ответил Ринсвинд. — И в любое время.

Он посмотрел на широкие ступени, по которым они поднимались. Это было что-то новенькое: каждая ступенька была составлена из больших каменных букв. Та, на которую он как раз ставил ногу, гласила: «Мне Хотелось Как Лучше».

Дальше шло: «Это Же О Тебе Я Забочусь».

Эрик стоял на ступеньке с надписью: «Ради Наших Детей».

— Странно, не правда ли? — сказал он. — Зачем делать такие ступеньки?

— По-моему, предполагается, что это благие намерения, — отозвался Ринсвинд.

Это ведь была дорога в Ад, а демоны, в конце концов, — приверженцы традиций. Но, будучи закоренелыми злодеями, они не всегда такие уж плохие.

Ринсвинд спрыгнул со ступеньки «Нашим Работникам Предоставляются Равные Возмож-

ности», прошел сквозь стену, которая сомкнулась позади него, и оказался в мире людей.

Честно говоря, все могло закончиться куда хуже.

Президент Астфгг, сидящий в кругу света в своем огромном, погруженном в полутьму кабинете, вновь подул в переговорную трубку и крикнул:

— Эй? Алло?

Никто не отвечал.

Странно.

Он взял одну из разноцветных авторучек и оглянулся на стопку рабочих бумаг у себя за спиной. Все эти данные, которые нужно проанализировать, обдумать, оценить и взвесить, после чего следует выработать подходящие к случаю управленческие директивы, составить проект фундаментального стратегического документа, а потом, после должных размышлений, переделывать его...

Он снова подул в трубку.

— Алло? Алло?

Никого. Однако чего беспокоиться, у него полно дел. Его время слишком ценно, чтобы тратить его впустую.

Он погрузил ступни в толстый, теплый ковер.

С гордостью посмотрел на горшки с цветами.

Постучал по сложной системе хромированных проволочек и шариков, которые тут же начали бодро раскачиваться и крайне административно постукивать.

Твердой, решительной рукой открутил колпачок авторучки.

Написал: «Что нужно, чтобы добиться успеха???»

Немного подумал и аккуратно приписал снизу: «Пахать как проклятому!!!»

И это тоже было счастье. В некотором роде.

ТЕАТР ЖЕСТОКОСТИ

Стояло прекрасное летнее утро, словно самими богами предназначенное, чтобы радоваться жизни. И, пожалуй, этот человек с удовольствием порадовался бы своей жизни. Поскольку был абсолютно и бесповоротно мертв. Мертвее быть трудно, разве что окончишь специальные актерские курсы.

— Гм-м,— протянул сержант Колон (Анк-Морпорская Городская Стража, Ночная Смена), сверяясь со своим блокнотом,— насколько можно судить, смерть наступила в результате: а) избиения по меньшей мере одним тупым предметом, б) удушения связкой сосисок и в) покушения как минимум двумя животными с острыми зубами. Ну, Шнобби, какие будут предложения?

— Предлагаю немедленно арестовать подозреваемого, сержант! — пролаял капрал Шноббс, щеголевато отдавая честь.

— Подозреваемого?

— Его,— пояснил Шноббс, толкая труп сапогом.— По моему, это очень подозрительно — вот так вот валяться мертвым. К тому же он

явно был под мухой. Налицо злостное нарушение общественного порядка в мертвом виде.

Колон задумчиво почесал затылок. Конечно, предложение капрала Шноббса сняло бы целый ряд проблем, но...

— Вряд ли тут все так просто, — медленно проговорил он. — Капитан Ваймс наверняка велит нам разобраться, что к чему. В общем, Шнобби, бери его на плечо и тащи в штаб-квартиру.

— Там-то мы и съедим сосиски? — уточнил капрал Шноббс.

Не так уж это легко — руководить Ночной Стражей Анк-Морпорка, величайшего из городов Плоского мира*.

«Нечто таинственное произошло в запертой изнутри комнате — тут явно замешан волшебник... — мрачно размышлял капитан Ваймс. — Жертва убийства, превратившись в зомби, обличает собственного убийцу... Собака, вместо того чтобы сидеть в своей конуре, бродит по улицам и болтает с прохожими... Проклятье, наверняка есть такие миры — их просто не может не быть! — где всего этого нет...» Капитан Ваймс

* Плоского в самом что ни на есть буквальном смысле. Более того, этот мир путешествует через вселенную на спинах у слонов, которые, в свою очередь, стоят на панцире громадной черепахи, — а спрашивается, почему бы и нет?..

искренне верил в логику — примерно так же человек, живущий посреди пустыни, верит в лед. Логика обязана быть — не здесь, значит, где-то еще. А было бы так приятно хоть однажды *распутать* настоящее преступление...

Он взглянул на посиневшее лицо трупа, внимательно осмотрел тело и задумчиво прищурился. С ума сойти, самые настоящие улики, причем столько... За долгие годы службы в Ночной Страже он еще ни разу не сталкивался с нормальными, обычными уликами.

— Ограблением тут и не пахнет, сэр, — отрапортовал сержант Колон. — По той причине, что карманы его были битком набиты деньгами. Мы насчитали целых одиннадцать долларов.

— По-моему, одиннадцатью долларами карманы особо не набьешь, — нахмурился капитан Ваймс.

— Согласен, сэр, но все дело в том, что в его карманах не было ни единой крупной монеты, только пенни и полпенни. Я вообще удивляюсь, как с него штаны-то не падали. А еще, сэр, немножко поработав мозгами, я пришел к выводу, что потерпевший работал в сфере развлечений. В карманах у него были визитки: «Чаз Дрема, Детский Развлекатель».

— Насколько я понимаю, из живущих в округе никто ничего подозрительного не заметил? — уточнил капитан Ваймс.

— Задача найти свидетелей была возложена на констебля Моркоу, сэр! — откликнулся сержант Колон.

— Ты послал *капрала* Моркоу расследовать убийство?! В одиночку?! — воскликнул Ваймс.

Сержант почесал затылок.

— Гм-м, ну да... А он и не возражал. Лишь спросил, не знаю ли я какого-нибудь очень старого и тяжело больного человека.

У каждого убийства, совершенного на Плоском мире, гарантированно имеется хотя бы один свидетель. Работа у него такая.

Капрала Моркоу, самого молодого члена Ночной Стражи, многие считали простаком. И он действительно был прост, невообразимо прост. Меч, кстати сказать, тоже очень простая штука. А еще капрал Моркоу обладал, наверное, самым прямолинейным мышлением за всю историю вселенной.

Сидя у кровати больного старика, который, впрочем, только обрадовался компании, капрал Моркоу терпеливо ждал. И наконец...

— Сэр, мне точно известно, что вы что-то видели, — сказал он, вытаскивая из кармана свою записную книжечку. — Ведь вы там были.

— НЕ СТАНУ ОТПИРАТЬСЯ, — согласился Смерть. — Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТАМ БЫЛ. ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ. НО, ЧЕСТНО ГОВОРЯ,

**МНЕ РЕДКО ДОВОДИЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬ
СТОЛЬ НЕОБЫЧНЫЕ СЛУЧАИ.**

— Понимаете ли, сэр,— продолжал капрал Моркоу,— согласно закону, вас можно обвинить в укрывательстве. Или же в пособничестве. Вы должны помочь нам восстановить справедливость.

— СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕТ, ЕСТЬ ТОЛЬКО Я.

— А еще есть Закон,— парировал капрал Моркоу.— И в данный момент я его представляю.

— ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я... Э-Э... КОГО-ТО ЗАЛОЖИЛ? СДАЛ? СТУКАНУЛ? НЕТ. ЧАЗА ДРЕМУ НИКТО НЕ УБИВАЛ. СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ПОМОЧЬ ТЕБЕ Я НИЧЕМ НЕ МОГУ.

— Не знаю, сэр, не знаю...— покачал головой Моркоу.— По-моему, вы уже мне помогли.

— ПРОКЛЯТЬЕ.

Наклонив голову, чтобы не стукнуться о низкую притолоку, Моркоу перешагнул через порог и спустился по узкой лесенке. Смерть проводил его взглядом.

— ГМ, ИТАК, НА ЧЕМ Я ОСТАНОВИЛСЯ?..

— Извини, что вмешиваюсь,— ядовито проговорил лежащий в кровати морщинистый старик,— но мне уже сто семь лет, если ты вдруг не заметил. Мне что, тут до скончания веков валяться?

— ДА, ДА, КОНЕЧНО...

Смерть задумчиво провел оселком по лезвию косы. Впервые он помог стражникам в их расследовании. Но работа не ждет...

Капрал Моркоу легким шагом мерил городские улицы. Все преступления расследуются по одной и той же схеме. Он даже читал специальную книжку, посвященную именно этому вопросу. Сначала ты собираешь улики, а потом все они должны сложиться в общую картину.

Итак, что имеется? Во-первых, сосиски. Эти сосиски кто-то должен был купить. Во-вторых, куча мелочи. Только одна подгруппа человеческой расы расплачивается монетками по одному пенни.

Капрал Моркоу заглянул в колбасную лавку. Отловил на улице компанию детишек, поболтал с ними немного.

И наконец, вернулся в переулок, где было совершено преступление.

Контуры трупa капрал Шноббс обвел мелом, а также раскрасил в разные цвета, пририсовал трубку, тросточку и добавил на задний план пару деревьев и кустов. Получилось очень даже неплохо — пока Шноббс трудился, прохожие накидали ему в шлем целых семь пенсов.

Присев на останки бочонка, Моркоу некоторое время пристально рассматривал кучу мусора, сваленного в дальнем углу переулкa.

— Ну ладно... Можете выходить, — в конце концов произнес он. — Честно говоря, не знал, что в мире еще остались номы.

Мусор зашуршал, и оттуда появились самые настоящие номы: маленький горбун в красном колпаке и с кривым носом; женщина в тряпичном чепце и с крошечным ребенком на руках; миниатюрная копия стражника; собачка с ошейником из перьев и маленький-маленький крокодильчик.

Устроившись поудобнее, капрал Моркоу приготовился слушать.

— Он вынудил нас, — сказал горбун. Голос у него был на удивление звучный. — Он всех бил, даже крокодила. Только и знал, что колотить нас палками. А еще он отнимал все деньги, что собирал Тоби, это наш песик. Как-то раз он в очередной раз напился, и мы убежали, однако он поймал нас в этом переулке, набросился на Джуди и ребенка, но споткнулся, упал, и тогда мы...

— А кто именно ударил его первым? — перебил Моркоу.

— Мы все!

— Но вряд ли у вас получилось бы забить его до смерти, — заметил Моркоу. — Силенок не хватило бы. Кроме того, у меня есть показания надежного свидетеля. Так что вы его не убивали. И, поняв это, я снова осмотрел труп. Так вот, Чаз Дрема просто задохнулся. Вам известно, что это такое?

Он вытащил из кармана маленький кожаный кружок.

— Это пищалка, — пояснил маленький стражник. — С ее помощью Дрема пародировал голоса.

— Он считал, что наши недостаточно смешны! — вставила женщина по имени Джуди.

— Эта пищалка застряла у него в горле, — сказал Моркоу. — В общем, вы свободны. Можете отправляться на все четыре стороны.

— Мы думали создать народный кооператив, — пожал плечами главный ном. — Ну, что-то вроде уличного театра... Экспериментальные драмы и всякое такое прочее. Это всяко лучше, чем лупить друг друга палками по голове.

— Вы смешили детей тем, что били друг друга палками?! — удивился Моркоу.

— Дрема хвастался, что изобрел новый вид развлечений. Говорил, что очень скоро наши представления будут пользоваться огромным успехом.

Поднявшись, Моркоу швырнул пищалку в мусорную кучу.

— Люди такого не потерпят, — сказал он. — Только не в этом мире.

МОРЕ
И РЫБКИ

Как всегда, неприятности начались с яблока.

На чистом, без единого пятнышка, столе матушки Ветровоск лежал кулек тех самых яблок. Красных, с округлыми блестящими боками — знай яблоки, что именно с них все начнется, они бы тикали, как маленькие бомбы.

— Это тебе. А себе я еще наберу. Старый Гопкрафт сказал, я могу брать сколько захочу. — Нянюшка Ягг искоса глянула на свою старую подружку и добавила: — Хорошие яблочки уродились. Надо отдать должное, Гопкрафт знает свое дело. Старик, а еще хоть куда...

— Он правда назвал их в честь тебя? Что, вот за просто так? — переспросила матушка. Каждое ее слово так и сочилось ядом подозрений.

— Ага, так и сказал, мол, очень уж эти яблочки напоминают мои румяные щечки, — скромно откликнулась нянюшка. — А еще, помнишь, в прошлом году, когда он с лестницы сверзился, я ему ногу лечила? И то притирание от облысения, я ведь столько с ним возилась...

— Вот только оно ничуть не помогло, — перебила матушка. — Тот парик, что Гопкрафт сейчас носит... Это ж стыд и позор живому человеку таскать такие волосы!

— Главное — внимание, а не результат.

Матушка Ветровоск не сводила глаз с кулыка. Таков уж горный климат: зимой по-настоящему холодно, летом действительно жарко — в общем, овощи и фрукты родятся на славу.

Перси Гопкрафт слыл в этих краях известным огородником. Ни один другой садовод-любитель не додумается до того, чтобы устраивать растениям сексуальные забавы с помощью кисточки из верблюжьей шерсти.

— У него уже столько заказов на эти яблоньки... — продолжала нянюшка Ягг. — Представь себе, скоро тысячи людей смогут попробовать, какова я на вкус! Здорово, правда?

— Ты хотела сказать, *еще* тысячи, — съязвила матушка.

О похождениях нянюшки Ягг ходили легенды, на прослушивание которых дети до шестнадцати не допускались.

— Вот спасибо тебе, Эсме, — обиделась было нянюшка, но тут же ее губы искривились в насмешливой заботе. — Слушай, а ты часом не завидуешь ли? Неужели тебе завидно, что твоя давняя подруга наконец-то купается в тех лучах славы, которые честно заслужила?

— Я? Завидую? С чего бы? Это ж какие-то яблоки. Эка важности!

— Вот и я так подумала. Обычный галантный жест, чтобы польстить даме в летах, — кивнула нянюшка. — Ну а у тебя тут как?

— Все прекрасненько. Прекрасненько.

— Дрова на зиму уже заготовила?

— Почти.

— Вот и ладно, — откликнулась нянюшка. — Вот и славно.

Некоторое время они сидели в полной тишине. Лишь мотылек, разбуженный необычным для этого времени года теплом, тихо колотился об оконное стекло, стремясь вырваться на сентябрьское солнышко.

— А картошка... уже небось выкопала? — наконец прервала молчание нянюшка.

— Да.

— У нас в этом году столько ее уродилось.

— Повезло.

— Бобы тоже, наверное, засолила?

— Да.

— Как время-то летит... На следующей неделе уже Испытания. Ждешь?

— Да.

— Готовишься?

— Нет.

Несмотря на яркое солнце, в углах комнаты словно бы скопились тени. Или это нянюшке почудилось? Сам воздух как будто помрачнел. Ведьмин домик крайне чувствителен к настроению своей хозяйки. И тем не менее молчать

нянюшка не могла. Глупцы обычно несутся вперед сломя голову, но они — сущие улитки по сравнению с маленькими старушками, которым уже нечего терять.

— Заглянешь в воскресенье на ужин?

— А что у тебя будет?

— Свинина.

— В яблочном соусе?

— Д...

— Нет.

За спиной нянюшки раздался пронзительный скрип. Дверь домика распахнулась настежь. Любой другой человек, чуждый ведьмовства, вполне логично предположил бы, что это все сквозняк. И нянюшка предположила бы то же самое, если бы не одна маленькая деталь: каким образом сквозняк умудрился справиться с щекоткой?

— Гм-м, что ж, — сказала она, быстро поднимаясь со стула, — не могу я тут целый день рассиживать... Такое время года, забот полон рот.

— Да.

— Ну, я пошла?

— Пока.

Нянюшка торопливо выскочила из дома, и тот же самый сквозняк захлопнул за ее спиной дверь.

Может, она все-таки слегка перегнула палку?

Ну, разве что совсем чуточку.

Основной минус в профессии ведьмы — по крайней мере, кое-кто считает это минусом —

состоит в том, что всю жизнь приходится торчать в какой-нибудь глуши. Но нянюшка ни капельки против этого не возражала. Ей всего хватало. Правда, когда она была еще молода, пару раз случалось, что заканчивались мужчины, но и это она пережила. Всякие Заграницы — на них, конечно, интересно глянуть, но вы ж понимаете, все это несерьезно. Всякие диковинные кохтели да необычные кушанья — ну, попробовал их разок, и все. Заграницы — это те места, куда едешь делать важные дела, но потом ты все равно возвращаешься сюда, туда, где тебя ждут.

Нянюшке Ягг нравились маленькие, тихие королевства.

Пересекая полянку, она аж залюбовалась тем видом, что открывался перед ней. Из окошка ее домика, который стоял посреди Ланкра, такого не увидишь, тогда как матушка могла вволю наслаждаться лесом, долинами и громадным округлым горизонтом Плоского мира.

«Подобный вид, — подумала нянюшка, — вполне способен пленить тебя, и назад дороги ты уже не найдешь...»

Еще в раннем детстве ей объяснили, что мир на самом деле круглый и плоский — вполне логичный вывод, если посмотреть по сторонам. А еще он покоится на спинах четырех слонов, которые стоят на панцире огромной черепахи — что совсем не логично. Но, поскольку все это

происходило Где-то Там, Далеко, против подобного устройства вселенной нянюшка ничуть не возражала. Пока у нее был ее маленький портативный мирок окружностью примерно в десять миль, все остальное нянюшку не интересовало.

Однако Эсме Ветровоск не желала довольствоваться тем, что предлагало ей родное королевство. Не из тех она была ведьм...

И основная задача нянюшки (по крайней мере, так она, нянюшка, считала) состояла в том, чтобы ни в коем случае не позволять матушке Ветровоск скучать.

Признаться честно, эти яблоки были просто мелкой шпилькой, маленьким триумфом нянюшки. Такими штуками матушку Ветровоск особо не проймешь — и тем не менее в ней проснулись легкая досада и ревность, а стало быть, она теперь будет думать, как отомстить нянюшке. Теперь ее очередь подстроить нянюшке мелкую пакость, такую, чтобы о ней знали только они двое. И вот тогда день Эсме Ветровоск будет прожит не зря.

Нянюшка легко справилась бы с гневом матушки. Но не со скукой. От заскучавшей ведьмы можно ожидать *чего угодно*.

Знаете, есть такое выражение: «Каждый развлекается в меру своих способностей» — причем обычно люди произносят эти слова так, будто этим можно гордиться. Но хуже нет, когда заскучавшая ведьма начинает развлекаться в

меру *своих* способностей. Во-первых, ведьмы не знают, что такое мера, а во-вторых, у ведьм собственные, весьма превратные представления о том, как именно следует развлекаться. Кроме того, такой могущественной ведьмы, как Эсме Ветровоск, окружные горы не видели на протяжении уже многих поколений.

Однако близились Испытания. На несколько ближайших недель это отвлечет Эсме Ветровоск. На любой вызов она бросалась, как фореель — на блесну.

И нянюшка Ягг с меньшим нетерпением ждала Испытаний. Целый день веселишься на открытом воздухе, а вечером тебя ожидает большой костер. Испытания без доброго, жаркого костра — не Испытания вовсе.

А потом, когда костер прогорит, в золе можно печь картошку.

День плавно растворился в вечер. Из углов, из-под табуреток и столов радостно полезли тени.

Тьма окутала матушку, покачивающуюся в своем кресле. На лице матушки Ветровоск застыла глубокая сосредоточенность.

Поленья в камине прогорели и рассыпались на угольки, которые один за другим постепенно гасли.

Ночь спускалась на Плоский мир:

Старые каминные часы мерно отсчитывали секунды. Лишь их тиканье нарушало царящую в доме тишину.

А потом вдруг послышался тихий шорох. Бумажный кулек на столе зашевелился и сморщился, точно воздушный шарик, из которого выпустили воздух. По комнате распространился тяжелый аромат гнили.

Спустя еще пару минут из кулька выполз первый червяк.

Вернувшись домой, нянюшка Ягг только успела налить себе хорошую кружку пива, как внезапно раздался чей-то стук в дверь. Нянюшка со вздохом поставила кружку на стол и пошла открывать.

— Вот это да, и что вас занесло в наши края? Тем более вечера нынче холодные, уже не погуляешь...

Нянюшка, пятясь, вернулась в комнату. Следом за ней через порог переступили сразу три ведьмы — черные мантии и остроконечные шляпы весьма недвусмысленно указывали на основной род занятий ночных посетительниц. Правда, здесь надо отметить, что ни одна уважающая себя ведьма никогда не будет походить на другую, индивидуальность — прежде всего. Тут опустим, там подошьем — чем больше похожи

наряды, тем больше возможностей для самовыражения.

К примеру, у шляпы мамыши Бивис были абсолютно плоские поля и столь острая верхушка, что ею впору было между зубов ковырять. Нянюшке мамаша Бивис нравилась. Порой, конечно, излишняя образованность так из нее и перла, зато мамаша сама чинила свои туфли и не прочь была нюхнуть табачку. В маленьком мирке, в котором обитала нянюшка Ягг, такие люди назывались Своими В Доску.

Одежда второй ведьмы говорила о некотором беспорядке, царящем в голове у хозяйки. И вправду, вследствие весьма странного расслоения сетчатки внутреннего ока старая мамаша Дипбаж жила в нескольких временах сразу. Умственное расстройство способно создать человеку целый ряд проблем, а представьте, если этот самый расстроенный ум еще и слегка повернут на сверхъестественном... Надевание нижнего белья поверх остальной одежды — это самое невинное, что можно ожидать от такого человека, вернее ведьмы.

А в последнее время старушка Дипбаж совсем сдала. К примеру, ее стук в дверь мог раздаться аж за несколько часов до прибытия самой мамыши Дипбаж, а следы на дорожке возникали лишь несколькими днями спустя.

При виде третьей ведьмы сердце нянюшки тревожно екнуло. Не то чтобы Летиция Уверт-

ка слыла дурной особой. Скорее наоборот. Она считалась дамой добропорядочной, благожелательной и даже доброй — если речь шла о миролюбивых животных и детях, умеющих себя вести. А еще Летиция всегда готова была оказать вам добрую услугу. Проблема заключалась лишь в том, что Летиция обычно сама судила, что для вас благо, а что — нет. В результате добрая услуга, как правило, оборачивалась медвежьей.

Кроме того, Летиция была замужем. Нянюшка не имела ничего против замужних ведьм, особых правил на этот счет не существовало. У нее самой было множество мужей, и за троими из них она даже была замужем, но господин Увертка был удалившимся от дел волшебником, причем богатым волшебником (гм, весьма необычный факт), и нянюшка подозревала, что Летиция занимается ведьмовством просто от нечего делать, примерно по тем же самым причинам, по которым другие женщины определенного социального статуса вышивают храмовые подушечки для преклонения колен или навещают бедняков.

В общем, у Летиции водились кое-какие деньжата. У нянюшки деньжат отродясь не водилось, поэтому, вполне естественно, она слегка недолюбливала тех, кто может жить как хочет.

А еще Летиция носила черную мантию, пошитую из такого дорогого и качественного вель-

вета, что казалось, будто в окружающем мире вдруг взяли и вырезали дыру. У нянюшки, разумеется, подобной мантии не было. Впрочем, ко всяким дорогим штучкам она никогда не испытывала стремления, поэтому не понимала, почему бы и другим людям не жить скромнее.

— Вечер добрый, Гита. Как ты тут без нас? — осведомилась мамаша Бивис.

— Живу не тужу, — ответила нянюшка, с неохотой вытаскивая изо рта курительную трубку. — Да вы заходите, заходите...

— Ужасный дождь, правда? — спросила старая мамаша Дипбаж.

Нянюшка поглядела в окно, на морозно-лиловое небо. Но, видимо, там, где сейчас пребывал разум старушки Дипбаж, шел проливной дождь.

— И ты заходи. Обсохни, — радушно пригласила она.

— Да осияют счастливые звезды наш сегодняшний шабаш, — провозгласила Летиция.

Нянюшка понимающе кивнула. Летиция всегда изъяснялась подобным образом, как будто училась ведьмовству по книжкам, авторы которых были напрочь лишены чувства меры.

— Воистину осияют, — согласилась она.

Пока нянюшка готовила чай и печенье, в комнате протекала вежливая беседа. Но наконец все расселись за столом, и началась офи-

циальная часть визита. Первой слово взяла мамаша Бивис:

— Мы, нянюшка, пришли сюда как члены Испытательного комитета.

— Неужели?

— Насколько я понимаю, ты ведь будешь участвовать в Испытаниях?

— Ну разумеется. Покажу пару фокусов.

Нянюшка искоса глянула на Летицию, на лице которой блуждала подозрительная улыбка.

— В этом году Испытания предстоят интересные, — продолжала мамаша Бивис. — Столько девушек записалось...

— Знаем мы, зачем им это. Парням головы морочить, — фыркнула Летиция.

Нянюшка от комментариев воздержалась. Она всегда считала, что нет ничего зазорного в том, чтобы заморочить парню голову при помощи ведьмовства. По ее мнению, всякие привороты и любовные заговоры составляли самую основу ведьмовской науки.

— Вот и здорово, — сказала она вслух. — Чем больше народу, тем лучше. Но...

На некоторое время воцарилась тишина.

— Прошу прощения? Ты хотела продолжить? — осведомилась Летиция.

— Я сказала «но», — ответила нянюшка, — потому что кто-то ведь должен был это сказать. Вы же не просто так меня навестили. Насколько я понимаю, вся наша беседа ведется к какому-то большому «но».

Нянюшка прекрасно знала, что этой своей краткой речью она плюнула в лицо протоколу (если, разумеется, у него таковое имеется). Сначала полагалось поболтать на отвлеченные темы — минут этак семь, — а уж потом кто-нибудь перешел бы к сути дела, однако присутствие Летиции действовало ей на нервы.

— Это касается Эсме Ветровоск, — пожалала плечами мамаша Бивис.

— Ну и? — кивнула нянюшка, совсем не удивленная таким поворотом дел.

— Она ведь тоже собирается участвовать?

— Насколько я помню, она еще ни одних Испытаний не пропустила.

— Вот-вот, — встряла в разговор Летиция и громко вздохнула. — И нам ничего не оставалось, кроме как обратиться к тебе. Может, ты как-нибудь... сможешь убедить ее... не принимать участия в Испытаниях?

Нянюшка была откровенно потрясена этим предложением.

— Например, при помощи топора? — уточнила она.

Три ведьмы одновременно, словно по команде, выпрямились на своих стульях.

— Понимаешь ли... — смущенным тоном произнесла мамаша Бивис.

— Честно говоря, нянюшка, — перебила ее Летиция, — основная причина заключается в том, что люди крайне неохотно соглашаются на

участие в Испытаниях. А все потому, что соревноваться им предстоит с матушкой Ветровоск. Которая всегда побеждает.

— Ага,— согласилась нянюшка,— на то ведь оно и состязание.

— Но она побеждает *всегда!*

— И что?

— В других состязаниях есть очень разумные правила,— продолжала Летиция.— Человек, который побеждает три года подряд, на некоторое время отказывается от участия в них, чтобы, так сказать, дать дорогу молодым.

— Но мы-то ведьмы,— резонно возразила нянюшка.— И живем по иным правилам.

— И по каким же?

— Основное правило ведьм гласит: никаких правил не существует.

Летиция возмущенно зашуршала юбкой.

— В таком случае, возможно, настало время их придумать,— сказала она.

— Ага,— кивнула нянюшка.— То есть ты предлагаешь пойти и сообщить об этом Эсме? Мамаша, ты как, участвуешь?

Мамаша Бивис смущенно отвела взгляд. Ну а взгляд старушки Дипбаж вообще застрял где-то в середине прошлой недели.

— Насколько мне известно, матушка Ветровоск очень гордая женщина,— промолвила Летиция.

Нянюшка Ягг снова вытащила свою трубку и раскурила ее.

— Метко подмечено. А сейчас вы еще скажете, что море полным полно воды,— наконец отозвалась она.

На какое-то мгновение опять воцарилась тишина.

— Очевидно, нянюшка, таким образом ты выразила свое очень ценное для нас мнение,— осторожно проговорила Летиция.— Вот только мы его не совсем поняли.

— Если из моря вычерпать всю воду, никакого моря не будет,— пояснила нянюшка.— Останется огромная яма в земле. Так вот, Эсме...— Нянюшка снова со смаком затянулась.— Она вся гордость. А *просто* гордый много кто.

— Тогда, может, ей стоит поучиться скромности...

— А на что ей она, эта самая скромность? — довольно резко осведомилась нянюшка.

Однако Летиция была как раз из тех людей, о которых обычно говорят: «мягко стелет, жестко спать». Сдаваться просто так она не собиралась.

— Эта женщина поистине обладает великим даром,— возвестила она,— и ей следовало бы возблагодарить...

И вот тут нянюшка перестала ее слушать. «*Эта женщина...*— подумала она.— Так вот как все обернулось...»

Все развивалось так же, как и в других ремеслах. Рано или поздно находился какой-ни-

будь умник-разумник, который решал, что неплохо было бы все должным образом организовать. Причем к мастерам своего дела этот умник, как правило, не относился. У мастеров слишком много других дел, они *трудятся*. Впрочем, и нельзя сказать, что «организатор» происходил из полных неумех. У тех тоже куча работы. У них впереди долгий путь к совершенству.

Нет, «организация» осуществлялась теми, у кого еще оставалось свободное время на всякие сходки-сборки. Хотя надо признать честно: такие люди тоже нужны, просто не обязательно, чтобы они вам нравились.

По затянувшейся паузе нянюшка поняла, что Летиция наконец закончила свою речь.

— В самом деле? Ого, — отреагировала она. — Но я тоже обладаю кое-каким дарованием. У нас, Яггов, ведьмовство, можно сказать, в крови. Мне даже особо напрягаться не приходится, чтобы заклятие сотворить. Ну а Эсме... Да, у нее есть кое-какие способности, но не то чтобы сильно великие. Просто она... очень упорная. И вы собираетесь сообщить ей, что отныне она лишается возможности участвовать в Испытаниях?

— Вообще-то, мы надеялись, что *ты* сообщишь ей об этом, — пожала плечами Летиция.

Нянюшка было открыла рот, чтобы честно высказать свое мнение на сей счет, но передумала.

— Знаете что? — вместо этого произнесла она. — Давайте скажем ей об этом завтра. И я пойду с вами, буду ее держать.

Когда ведьмы появились на тропинке, матушка Ветровоск собирала Травы.

Те растения, что используются на кухнях или, допустим, в лечебных целях, — это самые обычные травы, а травы матушки были, мягко сказать, необычными. Никаких вам легкомысленных порханий по садику с декоративной корзинкой под мышкой и маникюрными ноженками. Матушка пользовалась большим кухонным ножом. А перед собой она держала стул. Кроме того, в комплект обмундирования (в качестве второй линии обороны) входили кожаная шляпа, перчатки и передник.

Даже она не знала, откуда родом некоторые из Трав. Кое-какие корешки и семена добрались сюда с самого Края Диска, а может, даже из куда более далеких мест. Одни цветы, мимо которых она проходила, поворачивались и смотрели ей вслед жадными лепестками, другие пулялись в пролетающих птиц острыми шипами, а третьим требовался надежный колышек — вовсе не затем, чтобы поддержать их; а чтобы на следующий день найти их на прежнем месте.

Нянюшка Ягг, которая интересовалась исключительно теми травами, которые можно ку-

рить или, предположим, добавить в суп, услышала, как матушка сквозь зубы поливает свой садик отборными ругательствами.

— Доброе утро, госпожа Ветровоск, — громко поздоровалась Летиция Увертка.

Матушка разом замолкла, осторожно опустила стул и медленно повернулась.

— Господина Ветровоска никогда не было, — буркнула она. — Так что просто матушка.

— Это неважно, — отмахнулась Летиция. — Надеюсь, у тебя тут все хорошо?

— До сих пор так и было, — хмыкнула матушка и еле заметным кивком поприветствовала трех остальных ведьм.

А затем наступила тишина, настолько звонкая, что нянюшка Ягг чуть было не зажала уши руками. Согласно неписаным правилам гостеприимства, матушка должна была пригласить их в дом, угостить чашечкой чая или чего покрепче. Держать людей на улице считалось верхом невоспитанности. Но, с другой стороны, называть ведьму госпожой...

— Вы пришли поговорить насчет Испытаний, — заявила матушка.

Летиция чуть в обморок не хлопнулась.

— Э-э, но как...

— Вы выглядите точь-в-точь как какой-нибудь *коминтет*. Догадаться было нетрудно, — объяснила матушка и стянула с рук перчатки. — Раньше нам, ведьмам, коминтеты не требовались. Собирались когда надо, расходились ког-

да хотели. А теперь вдруг, откуда ни возьмись, — организаторы... — На мгновение матушка нахмурилась, как будто вела внутри себя некую серьезную борьбу. — Чайник уже стоит, — в конце концов сказала она. — Так что заходите, раз пришли.

Нянюшка облегченно вздохнула. Наверное, через некоторые обычаи даже матушка Ветровоск не способна переступить. Самого злейшего своего врага ты, ведьма, обязана пригласить в дом и угостить чаем с печеньем. По сути, чем злее враг, тем лучше должен быть чайный сервиз и тем вкуснее печенье. Это потом ты спустишь на него всех собак, но пока враг под твоим кровом, корми его, покуда он не лопнет.

Острые глазки нянюшки отметили неестественную чистоту стола. Похоже, что-то его заляпало, а потом стол долго отмывали.

Ведьмы расселись, налили себе чаю и обменялись любезностями. По крайней мере, любезности расточала Летиция, а матушка их молча принимала. Наконец, неловко поерзав на стуле, самопровозглашенный председатель ведьмовского комитета перешел к сути дела.

— Честно сказать, госпожа, э-э... матушка Ветровоск... в этом году к Испытаниям проявляется немалый интерес.

— Так.

— И вообще, надо отметить, ведьмовство в Овцепиках переживает нечто вроде ренессанса...

— Надеюсь, это не опасно?

— Так что нам следует подать юному поколению хороший пример, и...

Некоторые люди очень любят ходить вокруг да около, да только нянюшка знала, что матушка Ветровоск околичностей не потерпит. Эсме умела выставить говорящего полным дураком, просто слушая его и согласно кивая.

— А у тебя хорошая шляпа, — вдруг заметила матушка. — Настоящий вельвет, да? И пошива неместного...

Летиция невольно коснулась шляпы и вежливо улыбнулась.

— Это от Куччи. Из самого Анк-Морпорка, — ответила она.

— А, лавочный продукт...

Нянюшка Ягг бросила взгляд в угол комнаты, где на подставке высился изрядно пошарпанный деревянный конус. К нему были припилены ивовые веточки и куски черного коленкора, из которых должна была родиться матушкина весенняя шляпа.

— *Индивидуальный пошив*, — поправила Летиция.

— И булавки какие интересные, — продолжала матушка. — Все полумесяцы да кошечки. Симпатишно.

— По-моему, у тебя тоже где-то была брошка в виде полумесяца, а, Эсме? — встряла нянюшка, решившая, что настало время для предупредительного выстрела.

Будучи в дурном настроении, матушка могла много чего сказать по поводу побрякушек, которыми увешиваются с головы до ног отдельно взятые ведьмы.

— А и верно, Гита. У меня действительно есть брошка в виде полумесяца. Очень удобная и практичная штучка, отлично держит воротник. Лучше формы не придумаешь. И надеваю я ее ради удобства. Но ты, Гита, меня перебила. Я как раз хвалила булавки госпожи Увертки. Очень ведьмовские булавки. Сразу делаешься похожей на ведьму.

Резко повернув голову, словно провожая стремительно летящий мяч, нянюшка поглядела на Летицию: достиг ли удар цели? Но Летиция лишь улыбалась матушке. Бывают такие люди, удар кузнечным молотом для них — слишком тонкий намек.

— Так вот, касательно ведьмовства, — вновь заговорила Летиция, с мастерством прирожденного председателя возвращая разговор в нужное русло. — Я тут подумала и решила поднять вопрос касательно твоего участия в грядущих Испытаниях.

— Ого!

— Как ты сама считаешь... это справедливо, что каждый год побеждаешь именно ты?

Матушка Ветровоск посмотрела на пол, потом воззрилась на потолок.

— Вообще-то, да, — поразмыслив, ответила она. — Ведь я лучшая.

— А как же другие участники? Тебе не кажется, что твои постоянные победы отбивают у прочих ведьм всякую охоту участвовать в Испытаниях?

Матушка снова провела внимательный осмотр пола и потолка своей хижины.

— Не кажется, — наконец сказала она.

— Но представь себе, человек записывается на Испытания и с самого начала знает, что победы ему не видать как своих ушей.

— Я прихожу на Испытания ровно с тем же чувством.

— Э-э, но ты же...

— Я твердо знаю, что всем остальным этой самой победы не видать, — пояснила матушка. — А другим участникам следует являться на Испытания с чувством, что победы не видать *мне*. Тут все дело в должном настрое. Не удивительно, что каждый год я занимаю первое место, ведь я знаю, что такое правильно настроиться.

— По-моему, тут очень сложно настроиться...

Матушка, похоже, искренне удивилась словам Летиции.

— Тогда что им мешает бороться за второе место? — спросила она.

— И все-таки, Эсме, — упорствовала Летиция, — мы надеемся убедить тебя не участвовать в Испытаниях. Это, впрочем, не означает, что ты будешь совсем отстранена. Ты могла бы про-

изнести небольшую напутственную речь, вручить награду победителю... даже войти, э-э, в судейский комитет...

— Ого, теперь уже и судьи объявились, — усмехнулась матушка. — Чего-чего нам никогда не требовалось, так это судей. Все и так знали, кто победил, а кто нет.

— Это верно, — кивнула нянюшка Ягг, прекрасно помнившая, чем закончились последние два Испытания.

Матушка Ветровоск побеждала, гм, крайне убедительно.

— Мы решили, что судейский комитет будет неплохим дополнением, придаст Испытаниям серьезности, — объяснила Летиция.

— Кто это «мы»?

— Ну... комитет... кое-кто из нас собрался вместе и решил... Должен же кто-то следить за порядком...

— Понятно, — протянула матушка. — Небось и флажки будут?

— Что-что?

— Ну, гирлянды из флажков. А еще вы запустите в публику продавцов, торгующих всякими яблоками на палочках.

— Ну, мы надеялись организовать продажу кое-каких сопутствующих товаров...

— И костер. Костер-то вы не отмените?

— Нет, но будут приняты соответствующие меры безопасности.

— Разумеется, безопасность превыше всего. Все нужно оговорить наперед. Это очень важно,— согласилась матушка.

— Что ж,— с явным облегчением вздохнула Летиция.— Я очень рада, что мы поняли друг друга и пришли к общему согласию.

— Неужели?

— Но мне показалось, что ты...

— Я? Когда? — Матушка подошла к камину, взяла в руки кочергу и принялась яростно шерудить в поленьях.— У меня по поводу происходящего имеется собственное мнение.

— Госпожа Ветровоск, можно я буду откровенной? — вдруг спросила Летиция.

Кочерга на секунду замерла.

— Да?

— Наступают новые времена. Кажется, теперь я понимаю, почему ты ведешь себя со всеми столь властно и сурово, но поверь мне, это честный, дружеский совет: если ты хоть чуточку изменишь свое отношение к людям, попробуешь быть с ними любезнее и добрее, жизнь твоя тоже переменится в лучшую сторону. Возьмем присутствующую здесь Гиту Ягг, нашу общую сестру, вот истинный пример современной ведьмы.

Улыбающееся лицо нянюшки Ягг превратилось в каменную маску, однако Летиция, похоже, ничего не заметила.

— Все ведьмы в округе пятидесяти миль трепещут перед тобой,— продолжала Летиция.—

И осмелюсь сказать, ты в самом деле обладаешь некоторыми очень ценными умениями, однако в наши дни, чтобы прослыть могущественной ведьмой, вовсе не обязательно запугивать и стращать людей. Я говорю тебе это как подружка подружке и...

— Ну, будете в наших краях, заходите, — перебила ее матушка.

Нянюшка Ягг поняла намек. Она мигом подобрала юбки и вскочила со стула.

— Но я думала, мы еще обсудим... — запротестовала Летиция.

— Я вас провожу до дороги, — сказала нянюшка, поспешно выпроваживая ведьм за порог.

— Гита! — резко окликнула матушка вслед.

— Да, Эсме?

— Ты проводишь их и вернешься?

— Да, Эсме.

И нянюшка кинулась за троицей удаляющихся по тропинке ведьм.

Про себя нянюшка отметила, что шаг Летиции был широким и решительным. Не стоило судить о госпоже Увертке по ее пухлым щечкам, взбитым в большой пирог волосам и глупой привычке постоянно всплескивать руками во время разговора. Госпожа Увертка все-таки была ведьмой. А поскребите любую ведьму, и... столкнетесь лицом к лицу с ведьмой, которую вы по глупости своей только что поскребли.

— Крайне несимпатичная женщина, — ворковала Летиция. Однако то было воркование крупной хищной птицы.

— Тут ты права, — кивнула нянюшка. — Но...

— Пора ей указать на место!

— Гм-м...

— А тобой, госпожа Ягг, она как помыкает! Ты ведь солидная замужняя женщина! Преклонных лет!

Глаза нянюшки на миг сузились.

— Таков уж у нее характер, — ответила она.

— И должна отметить, отвратительный, склочный характер!

— Ну да, — пожала плечами нянюшка. — Характеры всякие встречаются. Но...

— Ты для праздничного стола что-нибудь принесешь, а, Гита? — вмешалась мамаша Бивис.

— Э-э... Парочку бутылок, пожалуй, я смогу пожертвовать... — откликнулась нянюшка. Пыл ее несколько утих.

— О-о, как это мило. Домашнее вино? — улыбнулась Летиция.

— Ага, вроде того. Ну, вот и дорога, — сказала нянюшка. — Вы идите, а я сбегаю попрощаюсь с матушкой и...

— Это крайне унизительно — то, как ты вокруг нее бегаешь! — нахмурилась Летиция.

— Что ж, такая уж я. Привыкаю к людям, потом не отвязаться. Вам тоже спокойной ночи.

Когда она вернулась в домик, матушка Ветровоск стояла посреди кухни, лицо ее напоминало незаправленную кровать, а руки были сложены на груди. Одной ногой матушка постукивала по полу.

— Она живет с волшебником, — сказала матушка, стоило нянюшке переступить через порог. — Это неправильно. И ты меня не переубедишь.

— Ну, волшебники имеют право жениться. Отказывайся от посоха и остроконечной шляпы — и женись сколько влезет. Законом это не запрещено. Одно условие: нужно отказаться от волшебства — наверное, это потому, что считается, будто бы они женаты на своей работе.

— Понимаю, — кисло хмыкнула матушка. — Быть женатым на *ней* — тяжкий труд.

— Как в этом году, много намариновала? — спросила нянюшка, переключаясь на другую тему. Кислое выражение лица матушки сразу наводило на мысли об уксусе.

— Лук весь мушка попортила.

— Жаль, жаль. Ты ведь любишь лук.

— Даже мушка должна что-то есть, — откликнулась матушка. И злобно посмотрела на дверь. — Как подружка подружке...

— У нее в нужнике на крышке вязаный коврик, — сообщила нянюшка.

— Небось, розового цвета?

— Ага.

— Симпатишно.

— Не такая уж она плохая, — возразила нянюшка. — Люди в Скрипачном Локте хорошо о ней отзываются.

Матушка фыркнула.

— А обо мне они как отзываются?

— Тоже хорошо. Только тихо.

— Я польщена. А ты обратила внимание на ее шляпные булавки?

— Честно говоря, Эсме, мне показалось, что они очень даже... симпатишные.

— Вот она, современная ведьма. На голове — побрякушки, в голове — книжки...

Нянюшка всегда считала, что это личное дело каждого, чем забивать собственную голову, но спорить не стала. Тем более что ей предстояло выстроить крепкую дамбу, которая сдержала бы мощную волну матушкиного гнева.

— На самом деле ты даже можешь гордиться тем, что тебя не хотят допускать до Испытаний.

— О, я очень польщена.

Нянюшка вздохнула.

— Лестное лестному рознь.

— Знаешь, Гита, я никогда не умела делать хорошую мину при плохой игре. И никогда не хотела казаться лучше, чем я есть на самом деле.

Нянюшка опять вздохнула. Нельзя было не признать, матушка говорила чистую правду.

Она была старомодной ведьмой. Она не стремилась творить добро, но всегда поступала так, как того требовала ситуация. Вот только люди не часто способны оценить подобное отношение. Тот же старик Поллирт, что недавно с лошади свалился. Он хотел, чтобы матушка дала ему какую-нибудь микстуру от боли, а она взамен подарила ему несколько секунд адских мучений, когда ставила сустав на место. А лучше всего люди запоминают боль, вот в чем беда.

Всякие любезности, вежливые вопросы типа «Как вы себя чувствуете?» помогают завоевать доверие окружающих. Вы значительно выигрываете в глазах общественности. Однако Эсме никогда такими вещами не занималась, поскольку видела людей насквозь.

Нянюшка Ягг тоже видела их насквозь, но знала, что люди очень не любят, когда им даешь понять, будто бы ты их насквозь видишь.

Она задумчиво склонила голову набок. Нога матушки Ветровоск продолжала выстукивать бодрый ритм.

— Ты что-то задумала, а, Эсме? Я ведь тебя прекрасно знаю. У тебя вид становится *такой*.

— Да ну? И какой же?

— А точно такой, как тогда, когда мы нашли на дереве разбойника. Он сидел там в чем мать родила и орал на всю округу, мол, за ним гналась какая-то ужасная зверюга. Самое забавное, никаких отпечатков лап мы не обнаружили.

ли. А у тебя было как раз *такое* выражение лица...

— За свои подвиги он заслуживал куда худшего наказания.

— Оно конечно... А еще у тебя был *такой* вид, когда на старика Свинкса кто-то напал в его же сарае. Беднягу так взгрели, он даже говорить не мог. Живого места не было.

— Ты про того Свинкса, который поколачивал свою жену? Или про того, который теперь ни в жизнь не поднимет руку на женщину? — уточнила матушка. Губы ее растянулись в подобии улыбки.

— И точно такой же вид был у тебя, когда на дом старика Милисона вдруг скатилась с гор лавина. И надо ж какое совпадение, буквально накануне он обозвал тебя старой кошелкой, которая вечно сует нос не в свои дела, — не успокаивалась нянюшка.

Матушка ответила не сразу. Дело все в том, что последний случай действительно был чистым совпадением, и нянюшка это знала. А так же она знала, что матушка знает, что она это знает. Поэтому сейчас внутри матушки шла яростная борьба...

— Что ж, всякие случайности бывают, — пожала плечами матушка, наконец найдя выход из трудной ситуации.

— Ага, например может приключиться так, что в этом году на Испытаниях что-то не заладится. А чем не совпадение? Не могут же они все время гладко проходить...

От взгляда ее подружки воздух чуть ли не зашипел.

— Значит, вот как ты обо мне думаешь? Очень приятно было это узнать!

— Летиция считает, что мы должны двигаться в ногу со временем...

— Неужели? А я, стало быть, безнадежно отстаю? Мы действительно должны двигаться со временем в ногу, но не толкать его всеми силами вперед! И, кажется, Гита, тебе уже пора. Ты что-то задержалась. А я хочу побыть наедине с собственными мыслями!

Неизвестно, о чем думала матушка Ветровоск, но нянюшка Ягг, с облегчением спешащая к себе домой, думала о том, что матушка вряд ли способна сделать ведьмовству должную рекламу. Разумеется, она одна из лучших, спору нет. Но что при виде матушки Ветровоск скажет девушка, которая только начинает свой путь на ведьмовском поприще? «И вот каков результат? — вполне логично спросит она. — Ты работаешь не покладая рук, отказываешь себе во всем — и что тебя ждет в конце твоей жизни? Все тот же тяжелый труд и лишения?»

Нельзя сказать, что матушку так уж не любили, но чаще она вызывала у людей не симпатию, а уважение. К примеру, штормовые грозы тоже вызывают уважение. Они питают землю водой. Они необходимы. Но любит ли их кто?

Ближащаяся зима уже подпускала в осенний воздух легкий морозец, поэтому, прежде чем лечь спать, нянюшка напялила на себя три фланелевые ночные рубашки. Но вот как было защититься от тревожных мыслей, что бродили в голове?

Сегодня была объявлена война. Ну, не совсем война, но близко к тому. А матушка, будучи разозленной, способна на разные, в том числе самые ужасные, вещи. Осознание того, что матушкин гнев падет на головы тех, кто вполне заслужил подобную участь, не делало ситуацию менее жуткой, и нянюшка знала, что сейчас матушка Ветровоск планирует какую-то страшную месть. Сама нянюшка побеждать не любила. От привычки побеждать не так-то просто отделаться. К тому же ты приобретаешь определенную репутацию, которую потом приходится поддерживать.

Так и идешь по жизни, постоянно оглядываясь — а вдруг появится какая новая талантливая девчонка, которая лучше управляется с помелом, да и с лягушками более ловка, чем ты?

От подобных мыслей стало неуютно, и нянюшка Ягг поглубже зарылась в гору пуховых одеял.

В тесном мирке матушки Ветровоск не существовало такого понятия, как «второе место». Ты либо одерживаешь победу, либо проигрываешь. Хотя, конечно, ничего плохого в проигрыше нет — за исключением того, что победи-

тель не ты. Нянюшка, например, всегда предпочитала достойный проигрыш. Ты чуть-чуть не победил, и народ тебе сочувствует. Тебя угощают, покупают выпивку. «Чуть-чуть не победил» звучит куда лучше, чем «едва-едва не проиграл».

Нянюшка считала, что на втором месте живет куда веселее. Но у матушки Ветровоск не было времени на всякие увеселения.

Матушка Ветровоск сидела в своем домике и смотрела на догорающие угли.

Тени прыгали по серым стенам комнатки — серым вовсе не от грязи, но от почтенного возраста. Здесь не было ни единой вещи, которая не могла бы как-то пригодиться, прийтись в пору либо рано или поздно сослужить какую-то службу. Не то что в домике нянюшки Ягг, который был по самую крышу забит всяческими безделушками и всевозможными домашними растениями.

Нянюшка обожала подарки, и жителям Ланкра это было известно. Матушка презрительно фыркала и называла нянюшку старьевщицей. По крайней мере, на людях. Что она думала обо всем этом на самом деле, никто не знал.

Вот погас последний уголек, а матушка все раскачивалась в своем кресле.

В серые ночные часы всякая дурь в голову лезет. Например, что на твои похороны народ соберется лишь для того, чтобы собственными глазами убедиться: из могилы ты точно не восстанешь.

А на следующее утро Перси Гопкрафт, собравшись сделать кое-что по хозяйству, отворил заднюю дверь, шагнул за порог... где его и встретил немигающий взгляд голубых глаз, принадлежащих матушке Ветровоск.

— Ой, — только и смог выдавить Перси.

Матушка неловко кашлянула.

— Господин Гопкрафт, я, это, насчет, ну, яблоч. Тех самых, что ты назвал в честь нянюшки Ягг, — сообщила она.

Колени Перси задрожали, а парик медленно пополз с его затылка, видимо опасаясь, что потом придется падать с куда большей высоты.

— Я просто хотела сказать спасибо. Она так радовалась этому, так радовалась... — продолжала матушка голосом необычно монотонным и напевным. — Она ведь у нас молодец и действительно это заслужила. Ты очень хорошо придумал. И поэтому, в знак признательности, я принесла тебе кое-какой подарочек...

Гопкрафт аж отпрыгнул, когда матушкина рука неожиданно нырнула в карман передника

и тут же появилась снова, сжимая черную бутылочку.

— ...Очень редкая настойка из очень редких трав. То есть которые редко встречаются. Поэтому что на редкость редкие.

До Гопкрафта постепенно дошло, что бутылочка предназначается для него. Осторожно, как будто пузырек мог вдруг засвистеть или отрастить ноги, он принял матушкин подарок.

— Э, ну, гм, что ж... Спасибо тебе, — пробормотал он.

Матушка ответила на благодарность едва заметным кивком.

— Благословен будет этот дом, — ответила она, повернулась и двинулась прочь по тропинке.

Гопкрафт аккуратно прикрыл дверь, после чего на всякий случай прижался к ней спиной.

— Быстрее собирайся, мы уезжаем! Навсегда! — заорал он высунувшейся из кухни жене.

— Что? Да мы ж тут всю жизнь прожили! Куда мы поедем-то?!

— Лучше жить как люди, чем до окончания дней квакать в болоте, женщина! Что ж ей понадобилось-то от меня? Неужто я ей чем не угодил? Чтобы матушка спасибо сказала?!

Однако госпожа Гопкрафт не двинулась с места. Они только-только привели домик в приличный вид, да к тому же купили новый насос. Есть вещи, с которыми очень нелегко расстаться.

— Слушай, давай не будем гнать лошадей. Подумаем хорошенько,— предложила она.— Что в этой бутылочке?

Госпожа Гопкрафт указала на пузырек, который ее муж держал перед собой на вытянутой руке.

— Ты хочешь это выяснить?!

— Да что ты трясешься-то как заяц? Она же слова дурного не сказала.

— Она сказала: «Благословен будь этот дом»! Она нас предупредила! Что благословение нам очень пригодится! Это же матушка Ветровоск!

Он поставил бутылочку на стол. После чего супруги осторожно наклонились к ней, готовые чуть что кинуться наутек.

— Тут написано «Атрациватель Валос»,— сообщила госпожа Гопкрафт.

— Чтобы я им намазался?! Да ни в жизнь!

— А если она потом спросит, помогло ли? Обычно она интересуется.

— И ты думаешь, я...

— Ну, можно сначала попробовать на псе.

— А славная у тебя корова.

Очнувшись от грез, Вильям Беднокур повернулся на своей табуретке и поглядел в сторону луга. Руки его продолжали механически дергать коровье вымя.

Над забором торчала черная остроконечная шляпа. От неожиданности он направил струю молока в свой левый башмак.

— И много корова дает молока?

— Не выдоишь... Гм, о да, матушка Ветровоск, достаточно! — заикаясь, ответил Вильям.

— Хорошо, это хорошо... Да будет так до скончания дней ее, вот что я скажу. Доброго тебе дня.

С этими словами остроконечная шляпа двинулась дальше по дорожке.

Беднокур проводил ее ошеломленным взглядом, после чего схватил ведро и, спотыкаясь на каждом шагу, поспешил в хлев.

— Хлям! — заорал он. — Слезай быстрее сюда!

На краю сеновала появился его сын, сжимающий в руках вилы.

— Тебе чего, пап?

— Нужно немедленно отвести Дафну на рынок, понял?

— Зачем? Она же больше всех у нас молока дает!

— Давала, сынок, *давала!* Матушка Ветровоск только что наложила на нее проклятие! Надо быстрее продавать корову, покуда у нее рога не поотваливались!

— Но что она сказала, пап?

— Коровы не умеют говорить, придурок!

— Да не корова, а матушка.

— Сказала... сказала... — волнуясь, начал пересказывать Беднокур. — Ну, она спросила, много ли молока дает наша Дафна, я говорю,

вполне, вполне, а она: «Да будет так до скончания дней ее».

— По-моему, пап, не больно-то похоже на проклятие, — пожал плечами Хлям. — То есть... обычно так проклятья не насылают. Слишком уж хорошо звучит.

— Но... она таким тоном это сказала... и, ну... окончание дней...

— Каким тоном, пап?

— Ну, словно радовалась чему-то.

— Слушай, пап, с тобой все нормально?

— И с чего она была такой довольной?.. — Беднокур на некоторое время замолк. — Неправильно это, одним словом, — наконец сказал он. — Не-пра-виль-но! Да как она смеет! Она ж вечно всем недовольна! И у меня теперь полон башмак молока!

В этот день нянюшка Ягг выкроила минутку, чтобы провести спрятанный в лесу самогонный аппарат. Аппарат этот был ее маленькой тайной — впрочем, не только ее и совсем не маленькой, поскольку каждый житель Ланкрского королевства знал, где нянюшка берет свой знаменитый бренди, а когда о тайне знают столько людей, маленькая тайна сразу становится большой, даже очень большой. Даже король знал о нянюшкином секрете, хоть и притворялся, будто ничего не знает, а значит, и налогов с

нянюшки не надо было требовать, а ей не приходилось от них увиливать. Зато каждый год на страждество король получал в подарок бочонок того, что производили бы пчелы, не будь они такими убежденными трезвенниками. В общем, все всё знали, никому ничего не нужно было платить и мир без всяких там проклятий становился чуточку счастливее.

Нянюшка дремала. Долгая дорога, снятие пробы — все это очень утомительно, вот она и прилегла. Но в конце концов до нее все ж докричались.

Само собой, сунуться на полянку никто так и не посмел. Ведь это означало бы признать, что нянюшкина тайна — не тайна вовсе. Нет, все упорно лазили по окрестным кустам, пока нянюшка сама не показалась. Причем встретили ее столь изумленными ахами-охами, что это небольшое представление сделало бы честь всякому любительскому театру.

— Ну, что вам нужно-то? — буркнула нянюшка.

— Ой, госпожа Ягг, мы так и думали, что ты тут... гуляешь, — всплеснул руками Беднокур, упорно стараясь не замечать плывущие по лесу крепкие ароматы. — А мы к тебе за помощью! Там матушка Ветровоск...

— И что она?

— Господин Гамбукер, расскажи-ка, что с тобой приключилось.

Стоящий рядом с Беднокуром мужчина быстрым движением стянул с головы шляпу и трогательно прижал ее к груди на манер «ай-сеньор-злые-бандитос-напали-на-нашу-деревню».

— Ну вот, госпожа, было-то все как... Мой пацан и я копали себе колодец, а тут она мимо идет...

— Она — это матушка Ветровоск?

— Точно так, госпожа... Она и говорит... — Гамбукер сглотнул: — «Ты, добрый господин, воду здесь не найдешь. Поищи лучше у орешника, в низинке». Но мы все равно продолжили копать, и знаешь что?! Воду мы так и не нашли!

Нянюшка раскурила трубку. Рядом с самогонным аппаратом она не курила — один раз на бочонок, на котором сидела нянюшка, упала искорка, и нянюшка испытала незабываемое чувство свободного полета. Ей очень повезло, что рядом стояла раскидистая пихта.

— Так... А потом, наверное, вы попробовали копать в низинке рядом с орешником? — уточнила она.

Лицо Гамбукера изумленно вытянулось.

— Да что ты, госпожа! Мы ж такое могли там найти! Мало ли что она туда запрятала!

— А еще она наложила проклятие на мою корову! — встрял Беднокур.

— Да? Какое именно проклятие?

— Она сначала спросила, много ли молока дает моя Дафна, а когда я ответил, что доста-

точно, матушка и говорит: «Да будет так до скончания дней ее»... — Беднокур запнулся. Вообще-то, проклятия звучат немножко иначе, но... — И голос у нее был такой... — переминаясь с ноги на ногу, пробормотал он.

— Какой же?

— Приятный!

— Приятный?

— Ну, она улыбалась и всякое такое! Да я теперь этого молока в рот не возьму!

Нянюшка нахмурилась.

— Послушайте, я что-то не вижу тут проблемы...

— В таком случае тебе стоит посмотреть на Гопкрафтского пса! — воскликнул Беднокур. — С ним она такое сотворила! Все семейство с ног сбилось! Зверюга вся волосьями поросла! Он стрижет, жена точит ножницы, а оба пацаньямы копают, чтобы было куда шерсть сваливать!

В результате долгих терпеливых расспросов нянюшка таки выяснила, что роковую роль в случившемся сыграл матушкин «Атращиватель Валос».

— Ну он и влил в него...

— Полбутылки.

— Несмотря на то что Эсме собственной рукой написала на ярлычке: «Па ма-а-аленькой ложичке рас в ниделю»? Не удивительно, что пса так расперло...

— Гопкрафт очень нервничал. Но, госпожа Ягг, что ж она такое творит-то? Жены наши детей на улицу не пускают. А вдруг она им улыбнется?

— Ну улыбнется — что с того?

— Так она ж ведьма!

— И я ведьма, — возразила нянюшка Ягг. — И я часто детишкам улыбаюсь. Они постоянно ко мне за конфетами бегают.

— Да, но ты... то есть... она ж... вернее... ты ж не того... Вот.

— Матушка — хорошая, добрая женщина, — сказала нянюшка. Однако природная честность заставила ее добавить: — По-своему, разумеется. Вот увидите, в той низинке действительно обнаружится вода, а корова Беднокура будет еще долго давать хорошие удои. А Гопкрафт сам виноват, внимательнее нужно читать, что на пузырьках пишут, но для дурака-то закон не писан. И чтобы Эсме Ветровоск наводила порчу на детишек — тут совсем с ума надо спрыгнуть, чтобы предположить такое. Да, она детишек не слишком-то любит, способна цыкнуть на мальчика, но чтобы проклясть ребенка...

— Да, да, мы с тобой согласны, — почти проstonал Беднокур, — но это ж неправильно! Она тут улыбается, а ты не знаешь потом, сможешь ли ты ходить или будешь прыгать как лягушка!

— И далеко ли упрыгаешь! — мрачно добавил Гамбукер.

— Ладно, ладно, я с ней разберусь, — махнула рукой нянюшка.

— Нельзя же вести себя то так, то этак... — пробормотал Беднокур. — Люди ведь пугаются...

— Да, да, нянюшка, разберись, а мы припомним за твоим... — начал было Гамбукер, но тут же согнулся пополам и закашлялся.

— Очень уж переживает, оттого колики у него приключились, — пояснил Беднокур, потирая локоть. — А ты тут, наверное, травки всякие полезные собирала, а, нянюшка?

— Ага, травки... — буркнула нянюшка Ягг, исчезая в кустах.

— А огонек-то убавить? — прокричал вслед ей Беднокур.

Матушка Ветровоск сидела на крыльце своего домика, когда увидела спешащую по тропинке нянюшку. По крыльцу были разбросаны какие-то тряпки — очевидно, матушка решила разобрать свои запасы старой одежды.

Она копалась в большом мешке и что-то напевала себе под нос. Нянюшка даже забеспокоилась. Что-что, а музыку матушка Ветровоск никогда не одобряла.

А еще при виде нянюшки она улыбнулась! По крайней мере, уголки ее рта явственно поднялись вверх. Это был совсем плохой знак. Обыч-

но матушка Ветровоск улыбалась только в тех случаях, когда кто-нибудь сполна получал по заслугам.

— О, Гита, рада тебя видеть!

— Эсме, слушай, ты не заболела?

— В жизни не чувствовала себя лучше, клянусь! — откликнулась матушка и продолжила мурлыкать какой-то мотивчик.

— Э-э... Ты, гляжу, тряпки решила разобрать? — спросила нянюшка. — Собралась-таки сшить одеяло?

Матушка Ветровоск твердо верила, что в один прекрасный день она возьмет да и сошьет настоящее лоскутное одеяло. Однако занятие это требовало немалого терпения, поэтому за прошедшие пятнадцать лет матушка сшила вместе только три лоскутка. Но тряпки она все равно собирала. Как, впрочем, и все ведьмы. Каждая настоящая ведьма должна собирать тряпки. Старая одежда, как и старые дома, обладает своей неповторимой индивидуальностью. Говорят, что за тряпки ведьма готова душу продать, однако это не совсем так — за тряпки ведьма готова продать души всех окружающих.

— Где-то тут было... — бормотала матушка. — Где-то тут... Ага, вот...

Она извлекла из мешка некое одеяние. Большею частью розового цвета.

— Не совсем еще памяти лишилась, знала, что оно должно быть где-то здесь, — продолжа-

ла матушка. — Ты посмотри, почти не ношенное. И размер подходящий.

— Ты что, собираешься его *надеть*? — изумилась нянюшка.

Пронизывающий — в *буквальном* смысле этого слова — матушкин взгляд обратился на нянюшку. Та ожидала услышать что-нибудь вроде: «Нет, старая дура, я из него себе суп сварю» — и, честно говоря, такой ответ ее бы несколько успокоил. Но вместо этого матушка Ветровоск опустила глаза и *немного робко* спросила:

— Думаешь, оно мне не пойдет?

Воротничок платья был выткан кружевами. Нянюшка судорожно сглотнула.

— Ну, обычно ты носишь черное... Даже чаще, чем обычно. Скорее, всегда.

— Ага, хожу как ворона, — откликнулась матушка. — Самое время немножко оживить гардеробчик, а, как считаешь?

— И оно такое... *розовое*...

Матушка отложила платье в сторону и, к вящему ужасу нянюшки, мягко взяла ее за руку.

— Знаешь, Гита, — проникновенным голосом сказала она, — я тут как следует подумала насчет этих Испытаний... Я вела себя как настоящая плохая девчонка...

— Ты хотела сказать, как подлинная сука, — не думая, ляпнула нянюшка.

На мгновение матушкины глаза снова превратились в два сапфира.

— Что?

— Э-э... Так обычно говорят... Выражение такое... Когда хотят раскаяться...

— А, да. Спасибо, что поправила. Так вот, я подумала, самое время мне отойти в сторонку. Пусть молодежь резвится. Ну, то есть... я вела себя не очень-то любезно...

— Гм...

— Я пыталась быть вежливой, общительной, — объясняла матушка, — но, видимо, это у меня не получалось...

— Ну... зато ты хороша в другом, — нашлась нянюшка.

Матушка Ветровоск улыбнулась. И в улыбке ее не было ничего угрожающего, только искренняя озабоченность.

— Но, может, со временем я все-таки исправлюсь, — сказала она.

И похлопала нянюшку по руке. Нянюшка уставилась на свою руку так, словно та вот-вот должна была превратиться в нечто кошмарное.

— Просто... все привыкли к тебе такой, какая ты есть, — выдавила она.

— А знаешь, что еще я подумала? Может, приготовить на праздник варенье? И какие-нибудь кексы? — спросила матушка.

— Э-э... хорошая идея.

— А ни за кем больным приглядеть не надо? Я могу!

Нянюшка воззрилась на дальние кроны деревьев. Положение хуже некуда... Она порылась в памяти. Итак, человек должен быть достаточно болен, чтобы нуждаться в пригляде, и в то же время достаточно здоров, чтобы пережить то неизбывное потрясение, когда приглядывать за ним явится не кто-нибудь, а сама матушка Ветровоск. В практической психологии и примитивных народных методах лечения матушке Ветровоск не было равных. По сути дела, она могла врачевать на расстоянии: даже самый болящий человек вставал, нет, спрыгивал с кровати при вести о том, что к нему в гости собралась матушка Ветровоск.

— Да нет, вроде не болеет никто, — выкрутилась из положения нянюшка.

— А может, к каким старикам или старушкам наведаться надо? Помочь чем?

Ни одна из присутствующих при разговоре ведьм к старушкам себя не относила. Известна же пословица: в свои девяносто семь ведьма ягодка совсем. Старость — это то, что случается с другими людьми.

— Все потихоньку справляются, спасибо, что спросила.

— А еще я знаю много сказок. Детишки от них просто без ума.

Нянюшка кивнула. Однажды на матушку нашло соответствующее настроение, и она сказала детишкам сказку. Детям, кстати, очень

понравилось. Они с открытыми ртами выслушали одну из традиционных народных сказок Плоского мира. Проблема возникла позже, когда детишки вернулись домой и спросили у своих родителей, а что значит «усекновение всех членов».

— Представь, я сижу в своем кресле-качалке, а вокруг собрались ребятишки, мою сказку слушают... — совсем размечталась матушка. — Насколько я помню, именно так рассказываются сказки. Я даже карамельных яблок сделаю. Правда здорово я придумала?

Нянюшка опять кивнула, словно зачарованная картиной, которую описала матушка. До нее вдруг дошло, что на пути у безудержно стремящейся творить добро матушки Ветровоск стоит она одна.

— Карамельные яблоки, значит... — протянула она. — Это те самые, осколки которых режут не хуже стекла? Или те, из-за которых малютке Пьюси все зубы склеило, пришлось рот ложкой разжимать?

— Не бойся, я, кажется, поняла, что в тот раз сделала неправильно.

— Знаешь, Эсме, ты и сахар — вещи несовместимые. Помнишь, ты как-то сосульки сварила?

— А что, настоящие сосульки получились. Целый день сосать можно было.

— Ага, только, чтобы выковырять твою сосульку изо рта, нужно было выдернуть пару зу-

бов. Малыш Пьюси так плакал, так плакал. Соленые огурцы у тебя лучше получаются. Ты и огурцы — это сила.

— Но, Гита, пойми, я должна сделать что-то для людей. Не могу ж я всю жизнь прожить вредной каргой. О! Знаю! Я буду помогать на Испытаниях! С ними вечно столько хлопот, правда?

Нянюшка про себя ухмыльнулась. Ага, так вот куда мы клоним...

— А почему бы и нет? — отозвалась она. — И Летиция очень обрадуется. Она наверняка подыщет тебе какую-нибудь работенку.

«И тем большей душой себя выставит, — подумала нянюшка. — Меня-то ты не обманешь, я ж вижу, ты что-то замыслила...»

— Да, да, надо с ней поговорить, — кивнула матушка. — Я ведь стольким могу помочь, меня надо только направить...

— Конечно, конечно, — искренне согласилась нянюшка. — У меня есть такое чувство, с твоей легкой руки Испытания пройдут как надо.

Матушка снова зарылась в мешок с тряпьем.

— Но ты ведь тоже будешь на Испытаниях, а, Гита?

— Я? — усмехнулась нянюшка. — Да я ни за что их не пропущу.

Тем утром нянюшка поднялась спозаранку. Судя по всему, Испытания в этом году будут особо интересными, и ей хотелось занять местечко поближе.

Тропинку к месту Испытаний украшали гирлянды. Раскрашенные в яркие, крикливо-безвкусные цвета шары свисали с каждого дерева.

И во флажках чувствовалась знакомая рука. Теоретически человек, хоть однажды пользовавшийся ножницами, способен вырезать более или менее ровный треугольник. Но только теоретически. А вообще, старая тряпка, повешенная на манер флажка, — это еще не есть флажок.

Кроме того, нянюшка прежде не видела, чтобы флажки носили воротнички.

На поле Испытаний уже вовсю кипели работы. Люди устанавливали палатки и старались не падать на лезущих под ноги ребятишек. Ведьмовской комитет стоял неподалеку под деревом, периодически поглядывая на фигуру в розовом, которая опасно балансировала на вершине длинной лестницы.

— Она явилась раньше всех, еще затемно, — сказала Летиция подошедшей нянюшке. — И сказала, что всю ночь вырезала флажки.

— А еще она испекла кексы, — мрачно пробормотала мамаша Бивис.

— Что? — изумилась нянюшка. — Но она же совсем не умеет готовить!

Комитет расступился. Обычно на Испытания все женщины что-нибудь готовили. Это была традиция и своего рода повод похвастаться своим искусством. В центре длинного стола, уставленного заботливо прикрытыми салфетками тарелками, высилась грудa... предметов неопределенного цвета и формы. Словно тут побывало стадо карликовых коров, переевших изюма и жестоко страдающих от последствий. То были доисторические кексы, настоящие прародичи современных кексов. На их фоне все прочие кулинарные изыски бесследно терялись. Эти кексы вы запоминали на всю оставшуюся жизнь.

— Она никогда не умела печь кексы, — слабым голосом промолвила нянюшка. — А кто-нибудь их уже попробовал?

— Ха-ха-ха, — отреагировала мамаша.

— Наверное, страх какие черствые.

— Ну, думаю, тролля можно забить.

— Но она... она так ими гордилась, — развела руками Летиция. — Ими... и еще вареньем.

И действительно, рядом с кексами стоял большой горшок. Заполненный некоей багровой субстанцией.

— Очень симпатичный, гм, цвет, — сказала нянюшка. — А как на вкус?

— Ложку мы так и не смогли вытащить, — откликнулась мамаша Бивис.

— Ну...

— А чтобы загнать ее туда, потребовался молодой.

— Госпожа Ягг, только честно, она что-то задумала? — спросила Летиция. — Всем известно, матушка очень мстительная женщина... И ты ее подруга, — добавила она таким тоном, что слова эти прозвучали скорее как обвинение.

— Я понятия не имею, что она замышляет.

— Мне казалось, мы договорились.

— Она сказала, что хочет помочь. И явить пример подрастающему поколению.

— Матушка что-то замышляет, — хмуро заявила Летиция. — Она специально испекла эти кексы, надеясь таким образом подорвать мой авторитет.

— Да нет, — отмахнулась нянюшка. — Просто она совершенно не умеет готовить. Да, так что там про авторитет?

— С флажками она почти закончила, — сообщила мамаша Бивис. — И скоро потребует новых заданий.

— Ну, что ж... отправим ее к Счастливному Котлу.

Нянюшка аж оторопела.

— Вы хотите поручить ей тот чан, заполненный всякими штуками? В который ребятишки суют руки, надеясь выловить какую-нибудь игрушку?

— Вот именно.

— И вы хотите поставить к нему матушку Ветровоск?

— Вот именно.

— Должна предупредить, у матушки весьма своеобразное чувство юмора, и...

— Всем доброе утро!

Это матушка Ветровоск спустилась с лестницы. Ее голос нянюшка узнала бы когда угодно и где угодно. Но сейчас в нем присутствовали странные нотки. В нем сквозило дружелюбие.

— Матушка Ветровоск, мы хотели бы попросить тебя пригладеть за Счастливым Котлом, — проговорила Летиция.

Нянюшка поморщилась, ожидая, что сейчас будет. Но матушка лишь сказала:

— Судовольствием, Летиция, с удовольствием. Ребятишки так радуются, когда им удастся что-нибудь оттуда выловить.

«Интересно, что там будет плавать сегодня?» — подумала нянюшка.

Ведьмовской комитет удалился, и нянюшка бочком подвинулась к своей подруге.

— Эсме, ты что замыслила?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, Гита.

— Я видела, как ты одним своим взглядом умирала самых жутких тварей. Однажды ты даже схватилась с единорогом. А теперь, Эсме, скажи, только честно, что ты замышляешь?

— Я по-прежнему тебя не понимаю.

— Ты сердисься, что тебя отстранили от Испытаний, и планируешь какую-нибудь ужасную месть?

На пару мгновений воцарилась тишина. Обе ведьмы смотрели на поле, которое потихоньку заполнялось народом. Кто-то гонялся за поросенком в загоне с грязью, кто-то пытался взобраться по натертому жиром шесту. Ланкрский любительский оркестр выдал попурри из популярных песенок — попурри и в самом деле получилось полное, поскольку каждый музыкант играл свою любимую мелодию. Детишки весело мутузили друг дружку. Денек выдался теплый, возможно, последний в году.

Взгляды ведьм обратились к огороженному веревками пространству в самом центре поля.

— А ты-то будешь участвовать в Испытаниях? — спросила вдруг матушка.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— На какой именно?

Нянюшка поняла, что до матушки ей не достучаться.

— Да, разумеется, я попробуюсь, — кивнула она. — Как обычно.

— Что ж, тогда я буду болеть за тебя. Я бы, конечно, с удовольствием покричала что-нибудь, но, боюсь, остальные испугаются. Поэтому я буду держаться сзади и вести себя тихо, как мышка.

Нянюшка решила испробовать другой подход. Лицо ее расплылось в широкой улыбке, и она дружелюбно подтолкнула подружку локтем.

— Ага, ага, конечно,— хмыкнула она.— Но уж мне-то могла бы сказать. Чтобы я знала, куда смотреть, а то вдруг пропущу все веселье. Дай хоть какой-нибудь знак, а?

— Честно говоря, Гита, сегодня я тебя совсем не понимаю.

— Эсме Ветровоск, знаешь, иногда так хочется положить тебя на колено и как следует отшлепать!

— Да ну?

Ругалась нянюшка Ягг очень редко, по крайней мере те выражения, которые она обычно использовала, в Ланкре сходили всего лишь за «красочные». Разумеется, выглядела нянюшка так, будто за словом в карман она не лезет, причем каждый раз это *новое* слово, однако ведьмы, как правило, очень аккуратны в выражениях своих чувств. Кто знает, что может натворить слово, неосторожно брошенное ведьмой? Но сейчас нянюшка все-таки не сдержалась и тихонько выругалась — сухая трава под ее ногами испустила легкое облачко дыма.

Впрочем, это пришлось очень кстати. Нянюшка была как раз в должном настроении для Испытания Проклятием.

Поговаривают, будто бы в прежние времена это Испытание проводилось на живом объекте (по крайней мере, *изначально* живом), однако потом дружным голосованием постановили, что негоже портить семейный праздник, и в тече-

нии следующих нескольких столетий проклятия сыпались исключительно на Беднягу Чарли, который был всего-навсего обычным пугалом. Поскольку же проклятия воздействовали прежде всего на разум проклинаемого и выражение «Да пожухнет твоя солома и отвалится твоя морковка!» не способно было произвести должное воздействие на какую-то тыкву, очки начислялись за стиль и изобретательность.

Хотя данное Испытание было далеко не решающим — за Беднягу Чарли больших очков не давали, — однажды матушка Ветровоск все-таки умудрилась заставить тыкву разлететься на мелкие кусочки. Причем до сих пор никто так и не понял, как ей это удалось.

А вообще, судили обычно не по очкам. Да, можно было взять приз за «Самую Остроконечную Шляпу», отличиться в управлении помелом, но то была, что называется, работа на публику. На самом же деле побеждала та ведьма (и все это знали), чье Выступление оказывалось самым оригинальным. Кое-кто трудился над своим Выступлением все лето.

Нянюшка вытянула номер девятнадцать, и Выступать ей предстояло последней. В этом году на Испытания собралось много ведьм. То здесь, то там в толпе мелькали черные остроконечные шляпы. Слухи о том, что матушка Ветровоск участвовать не будет, мигом разлетелись по округе — новости в оккультной сре-

де распространяются быстро, ведь им не нужно полагаться на *земные* средства передвижения.

Обычно две ведьмы уживаются друг с дружкой примерно с тем же успехом, что и две кошки, засунутые в тесный мешок. Однако ведьмы походят на кошек не только этим: существует нейтральная территория, на которой они периодически встречаются для мирных переговоров. Вот и сейчас на поле для Испытаний вершился сложный, медленный танец...

Ведьмы прохаживались кругами, здоровались друг с другом, радостно встречали вновь прибывших — ничего не подозревающий сторонний наблюдатель счел бы, что здесь сейчас происходит встреча старых добрых подруг. С одной стороны, так оно и было. Однако нянюшка искушенным оком видела, что ведьмы сейчас аккуратно выбирают позиции, взвешивают силы противника, награждают соперниц тщательно вымеренными по своей интенсивности и долготе испытующими взглядами.

Когда же на огороженном веревками прямоугольнике появлялась какая-то новая ведьмочка, чьи истинные силы были еще неизвестны, все прочие ведьмы тут же находили какой-нибудь предлог, чтобы попристальнее к ней присмотреться, хотя со стороны создавалось впечатление, будто бы она им абсолютно неинтересна.

Поистине, все как у кошек. Кошки не менее внимательно наблюдают друг за другом и тра-

тят на это немало времени. А кошачьи сражения ведутся только для того, чтобы, так сказать, скрепить своими подписями нечто давно решенное.

Все это нянюшка знала. А также она знала, что большинство ведьм суть добрые (в целом), мягкие (по большому счету), щедрые (к тому, кто это заслужил, ну а провинившийся да получит сполна) и достойные женщины, искренне преданные своему ремеслу, которое приносит больше шишек, нежели почета и наград. Многие придерживающиеся традиций ведьмы жили в пряничных домиках, хотя кое-кто из молодежи посматривал в сторону более удобных хрустящих и несладких хлебцев. И детей в печках давно уже никто не жарил (хотя некоторым детишкам это пошло бы только на пользу). В основном ведьмы занимались своими обычными ведьмовскими делами: помогали людям прийти в этот мир, облегчали их переход в мир иной, ну а в промежутке пособляли преодолевать те с виду непреодолимые преграды, что порой ставит перед нами жизнь.

Вообще, ведьмовство требует от человека особых качеств. Нужно уметь слушать, потому что с людьми приходится встречаться в обстоятельствах, располагающих к откровенности, — всякое могут понарасказать: где деньги спрятаны, кто на самом деле отец того или иного ребенка и откуда опять взялся фингал под глазом... И рот

у ведьмы тоже должен быть особый — всегда на замке. Тайны дают вам силу. Сила дарит вам людское уважение. А уважение нужно отрабатывать.

И еще, каждая ведьма очень четко знает, какое положение она занимает по отношению к своим сестрам. Хотя о каких сестрах может идти речь: ведьмы — это сборище хронических единоличниц, а ведьмовская сходка — это не шабаш вовсе, а локальная, небольших масштабов война... В общем, каждая ведьма точно знает свое место (тут даже не о статусе речь — данное слово относится к совсем другому миру), хотя вслух никогда ничего не говорится. Возьмем, к примеру, случай, когда умирает какая-нибудь старая ведьма. На ее похороны непременно съезжаются все окрестные *сестры*, ну а после похорон, разлетаясь по своим домикам, каждая из них думает: «Ага, теперь я переместилась *вот сюда*».

А за молодыми ведьмами тем более глаз да глаз нужен...

— Утро доброе, госпожа Ягг, — произнес чей-то голос за нянюшкиной спиной. — Надеюсь, ты в добром здравии?

— В добром, в добром. А твои дела как, госпожа Шимми? — улыбнулась нянюшка, поворачиваясь.

Картотека в ее голове сразу выдала справку: «Светия Шимми, живет со своей пожилой ма-

машей рядом с Тенелесьем, нюхает табак, любит животных».

— И как здоровье твоей матушки?

— Да схоронили ее в прошлом месяце, гос-пожа Ягг.

Светия Шимми направила нянюшке Ягг. В основном потому, что виделись они крайне редко.

— Идут годы, идут... — покачала головой нянюшка.

— Но я непременно передам, что ты о ней справлялась, ей будет приятно, — сказала Светия. И бросила быстрый взгляд в сторону огороженного веревками пространства. — А что это за толстушка там? Тяжело ей, верно, живетсЯ с такими формами...

— Агнесса Нитт.

— Но голос у нее в самый раз для проклятий. Такой услышишь, сразу поймешь: уж никак не здоровья тебе желают.

— Ага, голосок ей что надо достался, — вежливо согласилась нянюшка. — Ну и мы с матушкой Ветровоск кое-каким советом пособили, — добавила она.

Голова Светии тут же повернулась в другую сторону.

На дальнем конце поля, у Счастливого Котла, маячила одинокая розовая фигурка. В этом году данный аттракцион особой популярностью не пользовался.

— А что она там... делает? — наклонившись, уголком рта поинтересовалась Светия.

— Понятия не имею, — пожала плечами нянюшка. — В последнее время матушка очень изменилась. Решила стать более дружелюбной.

— Эсме? Дружелюбной?

— Гм, ну да... — ответила нянюшка. Вслух эта новость звучала еще хуже.

Светия смерила нянюшку недоверчивым взглядом, неопределенно взмахнула рукой и поспешила прочь.

Тем временем остроконечные шляпы начали собираться в небольшие группки. Шляпы сходились вместе, некоторое время покачивались в оживленном разговоре, дружно поворачивались в сторону розового пятнышка, после чего вновь расходились в стороны, точно лепестки стремительно распускающегося черного цветка. Каждый «лепесток» образовывал другую группу, и процесс начинался заново. Вскоре по всему полю чернели плотные бутоны, между которыми курсировали черные лепестки. Все происходящее походило на некую ядерную реакцию.

Волнение все нарастало и нарастало. Судя по всему, назревал взрыв.

Периодически то одна, то другая ведьма поворачивалась в сторону нянюшки, поэтому та поспешила скрыться среди аттракционов. Оставилась нянюшка лишь у лотка, которым за-

правлял Закзак Рукисила, производитель и поставщик всяких оккультных безделушек. Склонившись над табличкой «Счастливые Падковы 2\$ Запару», гном поприветствовал нянюшку бодрым кивком.

— Доброе утро, госпожа Ягг, — сказал он.

Нянюшка задумчиво уставилась на его товар.

— А что такого счастливого в этих подковах? — спросила она, тыкая пальцем в лоток.

— Ну, за каждую из них я выручаю по два доллара, — пожал плечами Рукисила.

— И что?

— Целых два доллара — лично я счастлив, — пояснил Рукисила. — Может, возьмешь штучку, а, нянюшка? Знал бы, что эти подковы будут пользоваться такой популярностью, привез бы два ящика. Некоторые дамы по паре штук брали.

Слово «дамы» Рукисила особо выделил.

— Ведьмы покупали подковы на счастье? — изумилась нянюшка.

— Не то слово, хватали, словно завтра — конец света! — воскликнул Закзак. Но тут же нахмурился, все ж разговор шел о *ведьмах*. — А завтра как... все нормально будет? — на всякий случай уточнил он.

— Я в этом почти не сомневаюсь, — фыркнула нянюшка.

Однако ее ответ не слишком утешил гнома.

— И травы для оберегов все разобрали, — задумчиво продолжал он. Однако что ни говори,

а Закзак Рукисила был настоящим гномом. Случись вдруг всемирный потоп, он не упустил бы возможности сбыть хорошую партию полотенец. — Ну, госпожа Ягг, чем могу помочь? Что-нибудь предложить?

Нянюшка покачала головой. Если уж беде суждено нагрянуть с той стороны, откуда ее все ждали, какая-нибудь счастливая веточка тебя не спасет. Вот если бы тут продавались вековые дубы... да и это вряд ли помогло бы.

Общая атмосфера стремительно менялась. Небо было по-прежнему светло-синего цвета, но мысленные горизонты уже затянули тяжелые тучи. Собравшиеся на Испытания ведьмы явно нервничали. Беспокойные искорки пощелкивали в воздухе, а кое-где уже полыхало настоящее пламя, которое постепенно распространялось на всех и каждого. Это означало, что даже самый обычный, абсолютно не сведущий в ведьмовстве человек, полагающий, что руно — это вся овечья шерсть, а руна — это одна прядка, — даже такие люди начинали испытывать странную, необъяснимую тревогу, которая обычно заставляет вас огрызаться на детей и искать глазами бутылку, из которой можно сделать хороший глоток.

Нянюшка просунула голову меж двух лотков. Розовая фигура терпеливо несла унылую вахту возле Счастливого Котла. Буквально толпы народа абсолютно не жаждали попытать счастья в этом аттракционе.

Осторожными перебежками нянюшка переместилась к праздничному буфету. Вокруг стола уже толпились люди, однако куча чудовищных кексов по-прежнему сохраняла свою девственную неприкосновенность. Как и горшок с багровым вареньем. Какой-то шутник приклеил к горшку бумажку с надписью «Папробуй Ложичку! Если Выташишь! Три Папытки За Пенни!»

Нянюшка думала, что ее никто не видит, но вдруг позади раздался шорох соломы. Ведьмовской комитет все-таки выследил ее.

— Я узнала твой почерк, Летиция, — с упреком промолвила нянюшка. — Не думала, что ты такая жестокая. Это, знаешь ли, совсем... не-симпатично.

— Мы посоветались и решили: ты должна поговорить с матушкой Ветровоск, — перебила ее Летиция. — Все, хватит, наше терпение лопнуло.

— А что такого?

— Знаем мы! — внезапно взорвалась Летиция. — Это все ее хваленая головология! Она что-то творит с нашими головами. Воздействует на нас! Хочет испортить нам праздник, да?

— Она же просто сидит и ничего не делает, — удивилась нянюшка.

— Да, но *как* она сидит, можно спросить?

Нянюшка снова выглянула из-за лотка.

— Сидит... как обычно. Ну, это... поясница согнута, а колени...

Летиция подняла руку и затрясла перед нянюшкиным лицом пальцем.

— Так вот, послушай меня, Гита Ягг...

— А хочешь прогнать ее, иди и прогоняй сама! — огрызнулась нянюшка. — Я уже по горло сыта...

И как раз тут раздался пронзительный детский вопль.

Ведьмы переглянулись и, не сговариваясь, бросились к Счастливому Котлу.

По траве катался и громко выл маленький мальчик.

Это был Пьюси, младший нянюшкин правнук.

У нянюшки внутри все похолодело. Подхватив малыша на руки, она повернулась к матушке Ветровоск.

— Ты что с ним сделала, ты... — начала было она.

— *Нехачукуклу! Нехачукуклу! Хачусалад-тика! ХачухачухачуСАЛДАТИКА!*

Нянюшка опустила глаза и уставилась на тряпичную куклу, зажатую в липкой ручонке Пьюси. Залитое горестными слезам лицо малыша, по крайней мере та его часть, что виднелась из-за орущего рта: «*ОйхачухачуСАЛДАТИКА!*», выражало крайнюю степень праведного гнева. Нянюшка снова посмотрела на матушку Ветровоск и ощутила, как стыд ужасной жаркой волной прокатывается по всему телу, от пятток до головы.

— Я всего-навсего сказала ему: «Не хочешь, положи куклу обратно и попробуй еще раз...» — кротким голосом пояснила матушка. — Но он уже ничего не слышал.

— ...ХачухачуСАЛ...

— Пьюси Ягг, если ты сейчас же не закроешь свой рот, твоя нянюшка... — Нянюшка на секунду прервалась, придумывая самое страшное наказание на свете. — Никогда больше не даст тебе конфетку.

Пьюси мигом захлопнул рот, очевидно, ошеломленный этой невероятной угрозой. Зато, к нянюшкиному вящему ужасу, не замедлила открыть свой ротик Летиция Увертка:

— Госпожа Ветровоск, мы хотели бы, чтобы ты немедленно покинула этот праздник.

— Я что, кому-то мешаю? — изумленно спросила матушка. — Надеюсь, что нет. Поверьте, я очень не хочу портить праздник. Он просто сунул ручку в котел и...

— Ты... действуешь людям на нервы.

«Вот сейчас, — подумала нянюшка. — Сейчас матушка поднимет голову, прищурит глаза, и если Летиция Увертка не отступит по меньшей мере на два шага, значит, она намного сильнее меня».

— Мне что, нельзя даже просто смотреть? — тихо промолвила матушка.

— Знаю я твои игры! — выкрикнула Летиция. — Ты хочешь все испортить, да? О, я тебя

насквозь вижу. Ты никак не можешь смириться с поражением, поэтому и замыслила что-то особо коварное, изощренное...

«Нет, даже не два, а три шага,— поправила себя нянюшка.— Иначе от нее даже дымящихся косточек не останется. Вот сейчас...»

— Я действительно не хочу портить людям праздник,— промолвила матушка, после чего вздохнула и поднялась со своего стульчика.— Что ж, тогда я пойду...

— Никуда ты не пойдешь! — вдруг встряла нянюшка, толкая матушку обратно на стул.— И как вы такое можете допускать-то?! Отвечай, Берил Дипбаж! А ты, Летти Паркин, что молчишь?

— Они...— начала было Летиция.

— Я не с тобой разговариваю!

Ведьмы, столпившиеся за спиной Летиции, всячески избегали встречаться с нянюшкой взглядами.

— Ну, я не того... Мы и не это...— неловко пробормотала Берил.— Просто, ну... Но я лично всегда очень уважала... гм, всех уважала...

Ее голос постепенно затих. Летиция с торжествующим видом вздернула нос.

— Правда? Что ж, значит, нам действительно лучше уйти,— фыркнула нянюшка.— Какой-то сегодня не такой праздник.— Она огляделась.— Агнесса? Не поможешь отвести матушку до домика?..

— Гита, зачем... — начала было матушка, но две ведьмы подхватили ее под руки и буквально пронесли сквозь толпу.

Люди безмолвно расступались, пропуская уходящих ведьм, а потом поворачивались и смотрели им вслед.

— Учитывая сложившиеся обстоятельства, оно и к лучшему! — радостно возвестила Летиция.

Кое-кто из оставшихся ведьм опустил глаза, избегая смотреть ей в лицо.

Пол в домике матушки был весь завален тряпичными обрезками. С края стола, очевидно, пролилось варенье и образовало на полу невысокую горку, о которую можно было споткнуться. Кастрюля из-под варенья отмокала в каменной раковине, хотя, судя по всему, чугун должен был сдаться куда раньше.

Вдоль стены выстроился рядок пустых банок, предназначенных для засолки огурцов.

Матушка молча опустилась на стул и сложила руки на груди.

— Чаю приготовить, а, Эсме? — заботливо справилась нянюшка.

— Нет, дорогая, спасибо. Ты уж возвращайся на Испытания. И не беспокойся обо мне.

— Ты уверена?

— Я просто посижу тут. Не волнуйся.

— Я обратно не пойду! — прошипела Агнесса, когда нянюшке наконец удалось вытолкать ее за порог. — Эти Летицины улыбочки... Терпеть не могу!

— Помнится, ты как-то говорила, что терпеть не можешь матушкин прищур, — вспомнила нянюшка.

— Да, но прищур — это нормально, это честно. Нянюшка... ты ж не думаешь... Неужели она *выдохлась*?

— Если б это было так, уверяю тебя, никто бы об этом не узнал, — ответила нянюшка. — Не переживай, идем. Мне кажется, она... у нее есть какой-то план.

«Но, черт возьми, есть ли и какой?! — подумала она. — А то даже не знаю, на сколько еще меня хватит...»

Приближаясь к полю, нянюшка буквально чувствовала, как растет напряжение. Разумеется, участники Испытаний всегда испытывали некоторое напряжение, но сегодня в воздухе витал какой-то неприятный, кисловатый привкус тревоги. Многие лотки и аттракционы все еще работали, но обычный люд уже потянулся прочь, отпугнутый непонятными предчувствиями. Лучше один раз послушаться предчувствий, чем потом навсегда утратить способность что-либо чувствовать.

Что же касается ведьм, то все они походили на актеров из фильма ужасов, до конца которого осталось не более двух минут. Чудовище вот-вот должно совершить свой финальный прыжок, но за какой дверью оно прячется, до сих пор не ясно.

Летицию обступил плотный кружок ведьм. До нянюшки донеслись отзвуки жаркого спора. Ткнув локтем одну из ведьм, стоявших поодаль и с неодобрением вззирающих на происходящее, нянюшка спросила:

— Эй, Винни, что там происходит?

— У всех все из рук валится. Рина Карта, например, вместо кролика сотворила свиное ухо, и ее подружки утверждают, что ей нужно дать еще одну попытку, потому что она очень нервничала.

— Ай-ай-ай.

— А Вираго Джонсон попыталась заклясть погоду, да неудачно. Так расстроилась, что даже улетела не попрощавшись.

— То есть мрачная как туча?

— Да и у меня все шло сикось-накось. Тебе сегодня везет, Гита.

— Сама знаешь, Винни, я никогда за призами на гналась. Главное же участие, правда?

— Ты так говоришь, будто правда этому веришь, — фыркнула ведьма, награждая нянюшку презрительным взглядом.

К ним подлетела мамаша Бивис.

— А вот и ты, Гита, наконец-то объявилась! — воскликнула она. — Давай, хоть ты что-нибудь покажи, а то на первом месте пока госпожа Плетс с ее свистящей лягушкой. Стыд и позор! Лягушка ни одну мелодию до конца не досвистела. Дергается все время, дрожит... Как и ее хозяйка, впрочем.

Нянюшка Ягг пожалала плечами и вышла на огороженную веревками площадку. Издалека до нее донеслись чьи-то рыдания, сопровождаемые обеспокоенным посвистыванием.

В отличие от чар волшебников ведьмовские чары нуждаются в куда меньшем количестве сырой магии. Отличие ровно то же, что и между молотом и рычагом. Ведьмы, как правило, ищут некую точку равновесия, чтобы малыми усилиями добиться больших результатов. К примеру, чтобы сотворить лавину, можно потрясти всю гору, а можно бросить в нужное место маленький снежок.

В этом году нянюшка приготовила на Испытания Соломенного Человечка. Идеальный номер для показа: и люди посмеются, и ведьмы оценят ее участие. Ничего сложного в создании Соломенного Человечка не было, но с виду — настоящее ведьмовство. И победить он никак не мог.

Проклятье! Но лягушка-то провалилась! Пару раз нянюшке довелось услышать, как здорово та свистит летними вечерами...

Она сосредоточилась.

По скошенной траве с шорохом поползли соломинки. Теперь добавим немножко ветерка, пусть он подует вот сюда, потом сюда, взвьется спиралью и...

Руки ее дрожали. Она сотни раз исполняла этот несложный фокус, могла проделать его с закрытыми глазами. Но перед ней упорно вставало лицо Эсме Ветровоск, то, как матушка сидела возле котла, ее недоуменный, слегка обиженный взгляд... В какой-то момент нянюшка была готова разнести тут все в клочки...

Ей удалось создать ноги человечка, в воздухе уже закружились подобия головы и рук. Со стороны зрителей послышались радостные аплодисменты.

Однако не успела соломенная кукла сделать первый шаг, как, откуда ни возьмись, налетел случайный ветерок и вновь разметал солому по земле. Нянюшка попыталась взять себя в руки, снова сосредоточиться, заставить человечка подняться, но тщетно. Соломинки взлетели было в воздух, но спутались и упали обратно на поле.

Снова послышались аплодисменты, но уже более жидкие и отчасти тревожные.

— Простите... Что-то со мной сегодня не то, — пробормотала нянюшка и отошла в сторону.

Судьи собрались на итоговое совещание.

— Думаю, лягушка выступила очень даже ничего... — сказала нянюшка подчеркнуто громко.

Уже продемонстрировавший свою строптивость ветерок заметно усилился, а надвигающиеся сумерки только подчеркнули мрачное настроение собравшихся.

На дальнем краю поля отбрасывали длинную тень подготовленные для костра дрова. Ни у кого пока что не хватило духу их поджечь. На поле остались только ведьмы да их родственники. Обычный люд почти весь разошелся по домам.

Праздник давным-давно утратил свое веселье.

Кружок судей распался, и к нервничающей толпе вышла госпожа Увертка, на губах которой играла слегка натянутая улыбка.

— Итак, решение было не из легких, — радостно объявила она. — Но что за необычный поворот событий! Нам очень трудно было сделать свой выбор между...

«Между мной и той лягушкой, что потеряла свисток и застряла лапкой в банджо», — угрюмо подумала нянюшка. Она украдкой оглядела стоящих рядом ведьм. Кое-кого она знавала вот уж лет шестьдесят, не меньше. Умей нянюшка читать, можно было бы сказать, что она сейчас читала окружающие лица, как открытую книгу.

— Спасибо, Летиция, все мы и так знаем, кто победил, — громко сказала нянюшка.

— Что ты имеешь в виду, госпожа Ягг?

— Здесь сегодня нет ни одной ведьмы, которая бы выступила как положено, — продолжила нянюшка. — Более того, сегодня многие из них купили всякие приносящие счастье безделушки. Подумать только, ведьмы покупают обереги! Кто-нибудь о таком слышал?

Кое-кто смущенно опустил глаза.

— Я понятия не имею, чего все так боятся этой госпожи Ветровоск! Во всяком случае лично я ее не боюсь! Ты хочешь сказать, она наложила на вас какое-то заклятие?

— И довольно-таки сильное, — кивнула нянюшка. — Послушай, Летиция, нужно честно признать, сегодня победителя нет. Все мы продемонстрировали крайне жалкие умения, и все мы это знаем. Поэтому давайте тихо-мирно разойдемся по домам и забудем о случившемся.

— Я этого не допущу! За этот кубок я выложила целых десять долларов, и сейчас я вручу его...

На деревьях зашуршала сухая листва.

Ведьмы невольно сбились в плотную кучку.

Заскрипели и затрещали сухие ветви.

— Это всего лишь ветер, — сказала нянюшка Ягг. — Всего-навсего...

И вдруг появилась матушка. Буквально из ниоткуда. Как будто она все время была рядом, только ее не замечали. Матушка Ветровоск умела оставаться незамеченной.

— Я просто хотела посмотреть, кто сегодня победил, — робко сказала она. — Ну, поздравить там и всякое такое...

Летиция в гневе двинулась на нее.

— Это ты все подстроила, да? Это ты залезла в наши головы и испортила праздник? — взвизгнула она.

— Я? Да у меня бы никогда и не получилось такое, — скромно пожала плечами матушка. — Сама посмотри, сколько вокруг всяких оберегов.

— Врешь ты все!

Нянюшка Ягг услышала, как ведьмы разом втянули воздух, причем ее собственный вздох был самым громким. Ведьма *всегда* отвечает за свои слова.

— И вовсе я не вру, госпожа Увертка.

— То есть ты отрицаешь, что явилась сюда, чтобы испортить мой праздник?

Те ведьмы, что стояли поближе к краю толпы, потихоньку начали пятиться.

— Да, я признаю, мое варенье не всякому придется по вкусу, но я ничего не... — все тем же тихим голосом произнесла матушка.

— Ты *воздействовала* на нас!

— Я просто хотела помочь, спроси у кого угодно...

— Воздействовала! Признай же! — пронзительным, как у чайки, голосом выкрикнула Летиция.

— ...И я ничего такого не делала...

Голова матушки дернулась от звонкой пощечины.

В течение пары секунд никто не шевелился, даже не дышал.

Матушка медленно подняла руку и потерла щеку.

— *И ты добила своего, да?!*

Нянюшке показалось, что сами горы вздрогнули от этого вопля.

Кубок выпал из рук Летиции и покатился по скошенной траве.

И тут ведьмы ожили. Двое из них шагнули вперед, положили руки на плечи Летиции и мягко повлекли ее за собой, впрочем она и не сопротивлялась...

Остальные ждали, как отреагирует матушка Ветровоск. Наконец она подняла голову.

— Надеюсь, госпожа Увертка скоро поправится, — сказала матушка. — Она, кажется, слегка... переволновалась.

Ответом ей было гробовое молчание. Нянюшка подняла кубок и постучала по нему ногтем.

— Гм-м, — хмыкнула она. — Пари держу, он только сверху покрыт серебром. И она заплатила за него десять монет? Да ее ограбили. — Она кинула кубок мамаше Бивис, и та ловко поймала его. — Отдашь ей завтра, ладно?

Мамаша Бивис кивнула, стараясь не смотреть матушке в глаза.

— И все же давайте не будем портить друг другу праздник, — весело сказала матушка. — Закончим его как полагается. То есть традиционно. Печеной картошкой, грибами и сказками, рассказанными вокруг костра. И миром. Что было, то было, правда?

Нянюшка почувствовала, как по толпе прокатилась волна внезапного облегчения. Ведьмы разом ожили, будто закончило действовать некое заклинание — правда, никакого заклинания и не было. Все заозирались по сторонам и гурьбой двинулись к своим притороченным к метлам котомкам.

— А мне старик Гопкрафт подарил целый мешок картошки, — похвасталась нянюшка. — Пойду, притащу его. Мешок, конечно, а не старика Гопкрафта. Эсме, ты займешься костром, ладно?

Какое-то странное движение в воздухе заставило нянюшку поднять голову. Матушкины глаза ярко полыхнули в сгущающейся тьме.

У нянюшки был кое-какой опыт общения с матушкой, поэтому она не долго думая брякнулась наземь.

Рука матушки Ветровоск прочертила воздух на манер кометы, и с кончиков пальцев слетела, потрескивая, крупная искра.

Костер взорвался. Сине-белое пламя пронзило сухие ветви и взвилось в небо, бросив на окружающий лес сонм теней. Ударной волной смело шляпы и перевернуло легкие столики, в сумерках заплясали фигуры знаменитых героев прошлого и призрачные замки, бывшие армии вновь сошлись в смертельной битве и затанцевали по огненному кругу. Это пламя оставляло на сетчатке глаз пурпурный след, который впечатывался в самый мозг...

А потом оно сгнуло без следа, и костер снова стал обычным костром.

— Простить это еще не значит *забыть*, — усмехнулась матушка Ветровоск.

Домой матушка Ветровоск и нянюшка Ягг возвращались уже под утро, их башмаки устало взбивали предрассветный туман. В целом ночь удалась.

— И все-таки ты нехорошо поступила, — нарушила тишину нянюшка Ягг.

— А что я такого сделала?

— Ладно, будь по-твоему... То, чего ты не сделала, очень нехорошо. Это все равно что человек собирается сесть, а ты вдруг вытаскиваешь из-под него стул.

— Людям, которые не смотрят, куда садятся, может, и вовсе садиться не стоит, а?

Краткий дождик выбил по листьям мелкую дробь, словно несколько дождевых капелек решили опередить своих товарок и предупредить мир о том, что грядет настоящий осенний ливень.

— Я спорить не буду, — отозвалась нянюшка. — Но это было довольно жестоко.

— Ага, — кивнула матушка.

— А кое-кто даже скажет, что это было подловато.

— Пускай.

Нянюшка вздрогнула, припомнив те мысли, что промелькнули у нее в голове, когда она услышала вопль Пьюси...

— Я ничего не делала, — пожала плечами матушка. — Вы сами внушили себе то, что внушили.

— Извини, Эсме.

— Ага.

— Но... Летиция ведь не желала ничего дурного. Да, она завистлива, немного глуповата, любит вертеть людьми, но...

— Ты знаешь меня еще с тех самых пор, как мы были девочками, правда? — перебила ее матушка. — Мы, можно сказать, прошли с тобой через огонь, воду и свинцовые трубы.

— Да, оно все так, но...

— Но ты никогда не опускалась до того, чтобы использовать выражения типа «говорю тебе как подружка».

Нянюшка покачала головой. Тут матушка была абсолютно права. Ни один дружелюбно настроенный человек никогда не скажет ничего подобного.

— И кстати, какой пример мы должны подать юному поколению? — угрюмо хмыкнула матушка. — Мы что, должны врать? Это хороший пример?

— Понятия не имею, — пожала плечами нянюшка. — Честно говоря, лично я подалась в ведьмы, чтобы научиться привораживать парней.

— Думаешь, я этого не знала?

— А тобой что двигало, а, Эсме?

Матушка остановилась и уставилась в подернутое морозцем небо. Потом опустила глаза на землю.

— Не знаю,— наконец призналась она.— Наверное, то же самое...

«Как и всеми нами,— подумала нянюшка.— Как и всеми нами...»

На подходе к матушкиному домику они спугнули оленя. Возле задней двери высилась аккуратная горка дров, а рядом на ступеньках лежали два мешка, в одном из которых обнаружилась большая головка сыра.

— Похоже, здесь побывали старик Гопкрафт и Беднокур,— заметила нянюшка.

— Хмф.

Ко второму мешку была прикреплена записка. Кто-то не слишком грамотный потратил на ее написание немало времени.

«Дарагая гаспажжа Ветровоск,— гласила она,— я былбы отчень приснатилен еслиб вы пасволили мне насвать этот навейший призовой сорт иминим Эсмэ Ветровоск. Добраво сдравия вам жылаюсчий, искрини ваш, Перси Хопкрафт».

— Так-так-так... Интересно, и кто это его надоумил?

— Не имею ни малейшего представления, — развела руками нянюшка.

— Уж конечно, не имеешь... — фыркнула матушка.

Она с подозрением принялась, дернула веревочку, скрепляющую горловину мешка и вытащила одного из представителей «навейшего призового сорта».

«Эсме Ветровоск» оказалась чуть приплюснутой сверху, а снизу, наоборот, чуть вытянутой. А еще она была луковицей.

Нянюшка судорожно сглотнула.

— Честно говорю, я никак не думала, что он...

— Чего ты не думала?

— Так, ничего, ничего...

Матушка Ветровоск задумчиво повертела луковицу в руках, пока окружающий мир в лице нянюшки Ягг безропотно ждал решения своей судьбы. Наконец матушка пришла к какому-то решению.

— Вообще, лук очень полезный овощ, — проговорила матушка. — Ядреный такой. Просто так не подступишься.

— И для организма очень полезный, — поддакнула нянюшка.

— И хранится долго. Вкус опять-таки придает.

— Острый, аж рот обжигает, — затараторила нянюшка. От облегчения ее понесло слегка

не в ту сторону.— А с сыром как вкусно, обольешь его...

— Так далеко мы заходить не будем,— отрезала матушка, убирая луковицу обратно в мешок, однако голос ее звучал вполне довольно.— Заглянешь на чашечку чая, а, Гита?

— Э-э... Да поздно уже, вернее рано, я пойду, пожалуй...

— Ну тогда до сегодня.

Матушка уже почти закрыла за собой дверь, но тут ее голова снова высунулась на улицу. Нянюшка почувствовала на себе пронзительный взгляд матушкиных голубых глаз.

— И все-таки я была права,— сказала она. Причем ни в каком подтверждении матушка не нуждалась.

Однако нянюшка все ж согласно кивнула:

— Ага.

— Вот и я рада, что все вышло так... симпатично.

МОСТ
ТРОМЕЙ

С гор дул пронизывающий ветер, наполняя воздух острыми ледяными кристалликами. В такую погоду волки из горных лесов спускаются в деревни, а в глубине чащоб взрываются замерзшие деревья.

В такую погоду все нормальные люди сидят дома, перед своими очагами, и рассказывают друг другу древние предания про героев.

Лошадь была очень старой. И наездник был стар. Лошадь выглядела ходячей стойкой для швабр, а человек не падал с ее спины лишь потому, что даже на это у него не было сил. Несмотря на жалящий ветер, всадник был облачен лишь в крошечный кожаный килт. Плюс грязная повязка на коленке.

Всадник вынул изо рта отсыревший окурок и затушил его о ладонь.

— Ага,— сказал он.— Мы почти на месте.

— И что дальше? — отозвалась лошадь.— Почти на месте... А вдруг у тебя снова голова закружится? И твоя спина... Она тебя опять

подведет, а меня сожрут. Я на тебя очень оби-
жусь.

— Ничего такого не случится, — пожал пле-
чами всадник.

Он, кряхтя, спустился с лошади на холодные
камни и подул на пальцы. Немного согревшись,
всадник вытащил из притороченной к лошади
поклажи зазубренный, как тупая пила, меч и
сделал пару пробных выпадов.

— Мастерство не пропьешь, — поморщился
он и прислонился к дереву. — Проклятье, этот
меч с каждым днем становится все тяжелее...

— Знаешь, завязывай-ка ты, — посоветовала
лошадь. — Тебе давно пора на пенсию. В твоём-
то возрасте шастать по горам... Неправильно
это.

Всадник страдальчески закатил глаза.

— Чертов аукцион... Никогда не покупай то,
что раньше принадлежало волшебнику, — пока-
чал головой он, обращаясь к ветру. — Я осмот-
рел твои зубы, проверил копыта, а вот *послу-
шать* тебя как-то не сообразил.

— Никогда не знаешь, где найдешь, где
потеряешь... — философски откликнулась ло-
шадь.

Козн-Варвар продолжал опираться спиной о
дерево. Он не был уверен, хватит ли у него сил
снова выпрямиться.

— За свою жизнь ты, должно быть, немало
сокровищ накопил, — продолжала лошадь. —
Мы могли бы поехать к Краю. Как тебе такая

мысль? Там, кстати, тепло. Нашли бы себе уютный пляж, построили дворец... А? Что скажешь?

— Нет у меня никаких сокровищ,— ответил Коэн.— Что-то потратил. Что-то пропил. Что-то роздал. Нету, в общем.

— Но на старость ты же должен был откладывать?!

— Честно говоря, я никогда не думал, что доживу до старости.

— Однажды ты умрешь,— сказала лошадь.— Может быть, даже сегодня.

— Знаю. Зачем, по-твоему, я сюда приехал?

Лошадь повернулась и посмотрела вниз, в ущелье. Тракт был изрыт колдобинами, а сквозь булыжники уже начали пробиваться молодые деревца. Со всех сторон тракт окружал лес. Через несколько лет никто и знать не будет, что здесь когда-то была дорога. Похоже, об этом уже никто не знает...

— Так ты ехал сюда, чтобы умереть?

— Нет. Но есть кое-что, что я всегда хотел сделать. С самого детства.

— Да?

Коэн попытался выпрямиться. Ноги его хрустнули и заскрипели, сухожилия запульсировали алыми всполохами.

— Мой отец,— прохрипел он, но тут же взял в себя руки и уже нормальным голосом продолжил: — Мой отец как-то сказал мне...

Тут ему опять пришлось прерваться, чтобы глотнуть воздуха.

— Сынок,— подсказала лошадь.

— Чего?

— Сынок,— повторила лошадь.— Так все отцы обращаются к своим сыновьям, когда намереваются поделиться с ними какой-то мудростью. Известный факт.

— Вообще-то, это мое воспоминание, если ты вдруг не заметила.

— Прости.

— Так вот... Сынок... Ладно... Допустим, так и было... «Сынок,— сказал он,— если в схватке один на один ты сумеешь победить тролля, считай, ты можешь все на свете».

Лошадь непонимающе моргнула. Потом повернулась и опять глянула вниз, на поросший деревцами тракт, ведущий через мрачное ущелье. Внизу был каменный мост.

У нее появилось некое кошмарное предчувствие.

Она нервно переступила с ноги на ногу, бряцнув подковами о крошащийся булыжник.

— А может, лучше к Краю? — предложила она.— Там тепло...

— Нет.

— И вообще, что толку убивать тролля? Ну, убьешь ты его, и что получишь?

— Мертвого тролля. В этом весь смысл. Кроме того, вовсе не обязательно его убивать. Главное — победить. Мы будем биться как мужчина с... троллем. Если я этого так и не попробую,

мой отец перевернется в своем погребальном холме.

— По-моему, ты говорил, что именно твой отец выгнал тебя из родного племени, когда тебе было всего одиннадцать?

— И правильно сделал! Он научил меня крепко стоять на ногах других людей. И нелюдей тоже. Иди-ка сюда...

Лошадь приблизилась. Коэн ухватился за луку седла и наконец-то выпрямился.

— И ты собираешься биться с троллем?! — хмыкнула лошадь.

Коэн пошарил в котомке и вытащил мешочек с табаком. Ветер яростно вгрызался в его спину, пока он сворачивал новую тощую самокрутку.

— Собираюсь, — наконец ответил Коэн.

— И ты тащился в такую даль только ради этого?

— Пришлось, — откликнулся Коэн. — Когда ты последний раз видела мост, под которым жили бы тролли? Когда я был молод, таких мостов были сотни, тысячи. А теперь троллей больше в городах, чем в горах. Жиреют там, тепло им, хорошо.... Неужели мы за это сражались? Все, хватит разговоров, поехали.

По пролегшей между высоких гор долине среди снегов бурлила мелкая, предательская речушка, через которую был перекинут мост. Вот в таких-то местах и живут...

Из-за парашюта вылетела серая фигура и неуклюже приземлилась прямо перед лошадиным носом. Фигура угрожающе взмахнула дубиной.

— Ага! — громко взревела она.

— Ого, — удивилась лошадь.

Троль растерянно мигнул. Даже зимой, в самые лютые морозы, проводимость кремневого мозга тролля крайне невысока. Только спустя некоторое время троль сообразил, что в лошадином седле никого нет.

А потом троль еще раз мигнул, поскольку неожиданно ощутил, как ему в загривок уперлось острие ножа.

— Привет, — раздался рядом с его ухом чей-то голос.

Троль сглотнул. Очень осторожно.

— Слушай, — забормотал он, — это же традиция... На таком мосту человек просто обязан столкнуться с троллем. Кстати, — добавил он, когда до его головы наконец доползла очередная мысль, — а как так вышло, что я не услышал, как ты ко мне подкрадываешься?

— Потому что я очень хорошо умею подкрадываться, — пояснил старик.

— Точно, — подтвердила лошадь. — За всю свою жизнь он столько раз подкрадывался — ты столько перепуганных обедов не сожрал..

Троль наконец отважился повернуть голову чуть вбок.

— Вот проклятье! — выругался он. — Ты кем себя вообразил? Козном-Варваром?

— А ты меня кем вообразил? — в ответ спросил Коэн-Варвар.

— Он умный, — продолжала лошадь, — он обмотал свои колени тряпками, иначе бы ты услышал, как они постукивают...

Лишь спустя некоторое время тролль все понял.

— Ух ты! — выдохнул он. — На моем-то мосту! Вот это да!

— Что «да»? — спросил Коэн.

Тролль вдруг вывернулся из его захвата и отчаянно замахал руками.

— Все нормально! Все нормально! — тараторил он наступающему Коэну. — Ты меня победил! Я не спорю! Вот только семью позову, ладно? Иначе мне никто не поверит... Коэн-Варвар! На моем-то мосту!

Его гигантская каменная грудь еще сильнее раздулась.

— Черт возьми, мой деверь вечно хвастает своим здоровенным деревянным мостом, жена только об этом и говорит. Ха! Вот бы сейчас увидеть его лицо!.. Да что же это я? Говорю, говорю... Представляю, что ты обо мне думаешь...

— Гм... — откликнулся Коэн.

Тролль бросил дубину и схватил Коэна за руку.

— Меня зовут Слюдой, — сообщил он. — Великая честь! Ты и представить себе не можешь, какая это для меня честь!

Он перегнулся через парапет.

— Берилл! Иди сюда! И детей веди!

Он повернулся обратно к Коэну, лицо его сияло от счастья и гордости.

— Берилл все время зудит, мол, переезжать нам нужно, найти работу получше, а я ей — наши предки уже столько поколений живут под этим мостом, всегда были тролли под Мостом Смерти. Традиция, понимаешь?

Гигантская троллиха, сжимая под мышками по тролленку, взобралась по крутому берегу на мост. Следом за ней хвостиком поднялись еще несколько маленьких троллей. Все они выстроились за спиной у отца и большими глазами уставились на Коэна.

— Это Берилл, — представил тролль. Его жена смерила Коэна злобным взглядом. — А это, — он вытолкнул вперед свою хмурую маленькую копию, держащую в руках миниатюрное подобие троллей дубины, — мой сынок. Щебнем зовут. Кремень, а не пацан. Вот кто заменит меня под мостом, правда, Щебень? Смотри, сынок, это Коэн-Варвар! Представляешь? На нашем-то мосту! Это тебе не какие-то старые, толстые, мягкотелые купцы, которыми так хвалится твой дядя Колчедан, — продолжал тролль, обращаясь к сыну и в то же время поглядывая с ухмылкой на свою жену, — это настоящий герой, прям как в старину.

Жена тролля внимательно оглядела Коэна.

— Значит, он очень богатый? — спросила она.

— Богатство тут ни при чем, — махнул лапой тролль.

— Ты что, убьешь нашего папу? — подозрительно осведомился Щебень.

— Ну конечно, — строго произнес Слюда. — Это же его работа. А потом меня прославят в песнях и преданиях... Это же Коэн-Варвар, не какой-нибудь деревенский придурок с вилами. Знаменитый герой! Он смотрите куда забрался, чтобы с нами встретится, так что ведите себя вежливо. Прости его, господин, — добавил он, повернувшись к Коэну. — Нынешние дети... Ну, ты понимаешь...

Лошадь захихикала.

— Послушай... — начал было Коэн.

— Отец рассказывал мне про тебя, когда я был еще маленьким камешком, — перебил его Слюда. — Так и говорил: «Коэн-Варвар — настоящий пеликан нашего мира».

На некоторое время воцарилось молчание. Коэн гадал, при чем тут пеликан, а Берилл не сводила с него каменного взгляда.

— Какой-то жалкий старикашка, — наконец сообщила она. — И что в нем особенного? Если он такой героический, то почему не богатый?

— Да нет, ты не понимаешь... — запротестовал Слюда.

— Так вот чего мы всю жизнь ждали? — язвительно осведомилась троллиха. — Столько лет торчим под этим захудалым мостом, который к тому же и течет! И кого, спрашивается, мы

ждались? Старикашку с перебинтованными коленями? Ну почему я не послушалась мать? А после тебя что, наш сын будет сидеть под этим мостом, ждать, когда его наконец прибудет следующий старикашка? Так ты представляешь троллю жизнь? Все, мое терпение лопнуло!

— Ну, Берилл...

— Ха! Ты слышал, чтобы Колчедан хоть раз поймал какого-нибудь старикашку?! Не слышал. Потому что по его мосту ездят только купцы — большие и толстые! Вот он в своей жизни кое-чего добился. А ведь он звал тебя к себе!

— Я скорее червей жрать буду!

— Червей? Ха! Когда последний раз тут поползал червяк?

— Э-э, — встрял Коэн. — Слушай, по-моему, нам стоит переговорить.

Опираясь на меч, он отошел в дальний конец моста. Троль, постукивая костяшками, следовал за ним.

Коэн нашарил свой мешочек с табаком. Затем поднял голову и протянул троллю мешочек.

— Покурим? — предложил он.

— Эта штука может тебя убить, — отозвался троль.

— Да. Но не сегодня.

— И не болтай там долго! Тоже мне, дружка нашел!.. — проревела Берилл со своего края моста. — Тебе еще на лесопилку идти! Сланец и так на тебя ругался! Думаешь, он будет держать место специально для тебя?

Слюда печально улыбнулся Коэну.

— Вообще-то, она добрая и отзывчивая,— сказал он.

— И запомни, из реки я тебя вытаскивать больше не буду! — продолжала орать Берилл. — Расскажи-ка своему новоявленному дружку, как ты резвишься с приятелями-козлами, господин Большой Тролль!

— Ты дружишь с козлами? — удивился Коэн.

— Понятия не имею, о каких-таких козлах она говорит,— поморщился Слюда. — Просто она слегка разозлилась.

Закончив свою речь, Берилл увела маленьких троллей обратно в темноту под мостом.

— Видишь ли,— проговорил Коэн, когда они наконец остались одни,— я вовсе не собирался тебя убивать...

Лицо тролля удрученно вытянулось.

— Да?

— Я думал просто скинуть тебя с моста и забрать все твои сокровища.

— Да?

Коэн ободряюще похлопал тролля по спине.

— Понимаешь,— добавил он,— мне всегда нравились... парни, которые помнят традиции. Нашей стране сейчас очень не хватает традиций.

Тролль разом вытянулся по стойке «смирно».

— Рад стараться, сэр! — пролаял он. — Вот мой сынок хочет пойти в город работать. А я ему

и говорю: под этим мостом тролли жили аж пятьсот лет...

— Так что ты сокровища отдай,— перебил его Коэн,— и я поеду.

Лицо тролля прорезали панические трещины.

— Сокровища? Понимаешь... Дело в том, что... у меня нет никаких сокровищ,— наконец проговорил он.

— Да ладно тебе рассказывать,— хмыкнул Коэн.— С таким-то замечательным мостом ты не нажил себе сокровищ? Ни в жизнь не поверю.

— Мост действительно замечательный, да только этой дорогой никто уже не пользуется,— пояснил Слюда.— Ты первый, кто появился здесь за много-много месяцев. Берилл вот все твердит, что надо было мне идти к ее братцу, он приглашал, когда через его мост новый тракт проложили, но,— тролль повысил голос,— я ей все время отвечаю, что под этим мостом тролли жили аж...

— Да, да, это я уже слышал,— кивнул Коэн.

— Отличный мост, честно скажу, разве что камни последнее время выпадают,— продолжал тролль.— А каменщики сейчас столько за работу дерут, ты не поверишь... Чертовы гномы. Никогда им не доверял.— Он наклонился к Коэну.— Вообще-то, чтобы сводить концы с концами, мне пришлось на три дня в неделю устроиться на лесопилку к деверю.

— По-моему, ты говорил, что твой деверь работает под мостом? — удивился Коэн.

— Это другой. У моей жены больше братьев, чем у собаки блох, — ответил тролль и печально воззрился на бурлящую внизу реку. — Один — купец в Кисловодье, древесиной приторговывает, у второго — мост, а у третьего, у самого большого и толстого, — лавка в Горькощучье. Вот скажи, разве ж это работа для тролля?

— Ну, хоть один из них не ушел из мостового дела, — пожал плечами Коэн.

— Не ушел? Да Колчедан целый день в будке сидит и с людей берет серебряную монету за проход... Хотя что я говорю, целый день... Половину времени вообще где-то шляется! Гнома себе нанял и платит ему за то, чтобы тот в будке его подменял. А еще называет себя троллем! Издали глянешь — не тролль, человек какой-то...

Коэн понимающе кивнул.

— Представляешь, — взмахнул руками тролль, — и мне с этими типами каждую неделю ужинать приходится! Со всеми тремя! И выслушивать, что надо, мол, идти в лапу со временем...

Тролль отвернулся от воды и грустно посмотрел на Коэна.

— Вот скажи, что такого плохого в сидении под мостом? — спросил он. — Я же тролль! Меня растили и воспитывали, чтобы я сидел под мостом. Одна надежда: когда помру, Щебень меня заменит. А что, спрашивается, в этом плохого? Под каждым мостом должен жить тролль. А иначе зачем все это? Для чего?

Тролль и человек угрюмо оперлись о парапет и снова уставились на пенную воду.

— Знаешь, — медленно проговорил Коэн, — я помню времена, когда человек мог доехать до самых Клинковых гор и не встретить на своем пути ни единой живой души. — Он провел пальцем по лезвию своего огромного меча. — А если и встретить, то очень ненадолго...

Коэн швырнул в реку окурок и выпрямился.

— А теперь повсюду фермы. Маленькие такие фермочки и управляют ими мелкие людишки. Заборов понастроили... Куда ни глянь: фермы, заборы да мелкие людишки.

— Она, конечно, права, — продолжал свой внутренний монолог тролль. — Всю жизнь из-под моста выскакивать — карьеры тут никакой...

— Разумеется, — согласился Коэн, — против ферм я ничего не имею. Или против тех же фермеров. Они должны быть. Просто раньше они были далеко, а теперь — совсем рядом.

— Все течет, — говорил тролль. — Все меняется. Вот мой деверь, который Сланец... Лесопилка! Сам подумай, тролль, управляющий лесопилкой! Ты бы видел, во что он превратил Тенелесье!

Коэн удивленно поднял голову.

— Это какое Тенелесье? То самое, где живут огромные пауки?

— Живут? Нет там больше никаких пауков. Одни пни.

— Пни? *Пни*? Слушай, такой отличный лес был. Ну... темный, зловещий — настоящий, одним словом. Таких зловещих лесов, наверное, и не осталось больше. Помню, тебя там до самых костей пробирало...

— Что, по острым ощущениям соскучился? Так я тебе их обеспечу... Сланец там теперь елочки сажает, — фыркнул Слюда.

— Елочки?!

— Это не его идея была. Он березу от дуба не отличит. Это все Глинина затея. Он его уговорил.

У Козна закружилась голова.

— Что еще за Глина?

— Я же рассказывал — у меня *три* деверя. И Глина тоже в купеческом деле. Так вот, он сказал Сланцу, что, если землю заново озеленить, ее легче будет продать.

Последовала долгая пауза — Козн переваривал услышанное.

— Тенелесье нельзя продавать, — наконец промолвил он. — Оно же общее, то есть ничье.

— Во-во. Так Глина и сказал: поскольку оно ничье, почему бы его не продать?

Козн ударил кулаком по парাপету. Один из камней поменьше вылетел и покатился в ущелье.

— Извини, — виновато промолвил он.

— Ничего страшного. Сыплется мост, сыплется...

Козн повернулся к троллю.

— Да что ж это такое творится? Я помню войны, что велись на этой земле... А ты? Тоже, наверное, повоевать пришлось?

— О да, я свое дубиной отмахал...

— Мы вроде сражались за светлое будущее, за справедливость и все прочее. По крайней мере, нам так говорили...

— Ну, лично я сражался потому, что мне так велел большой тролль с хлыстом, — пожал плечами Слюда. — Но я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я имею в виду, мы же не за фермы эти сражались, и не за елочки. А?

— Жалкий тролль под жалким мостом... — Слюда повесил голову. — Мне правда очень неудобно, ты в такую даль тащился...

— И был ведь какой-то король, — задумчиво промолвил Коэн, глядя на речку. — И, кажется, волшебники были... Насчет их не уверен, но король точно был. Хотя я с ним ни разу не встречался. Знаешь, — усмехнулся он вдруг, — я даже имени его не помню. Помню, сражались мы за короля, а вот как звать его, нам так и не сказали...

Примерно через полчаса лошадь Коэна выехала из мрачного леса на безжизненную, продуваемую всеми ветрами вересковую пустошь. Какое-то время она шла молча, а потом спросила:

— Ну и сколько ты ему дал?

— Двенадцать золотых монет.

— А почему именно двенадцать?

— Потому что больше у меня не было.

— Да ты совсем свихнулся.

— Когда я был совсем молодым, начинающим героем-варваром, — ответил Коэн, — под каждым мостом жил тролль. А стоило заехать в такой вот мрачный лес, как тебе на голову сваливалось не меньше дюжины гоблинов. — Коэн вздохнул. — Интересно, что с ними случилось?

— Ты, — хмыкнула лошадь.

— Гм-м... в чем-то ты права. Но я думал, так будет всегда. Всегда будут темные леса, неприступные горы...

— Слушай, сколько тебе лет? — спросила лошадь.

— Понятия не имею.

— Наверное, достаточно, чтобы ума набраться.

Коэн лишь пожал плечами, зажег новую самокрутку, втянул дым — и судорожно закашлялся, аж слезы из глаз хлынули.

— У тебя совсем мозги размягчились!

— Ага.

— Последние доллары троллю отдал!

— Ага.

Коэн выпустил струю дыма в сторону садящегося солнца.

— Но чего ради? Чего ради ты это сделал?

Коэн поглядел на небо. Алый горизонт был холоден, как склон преисподней. Ледяной ве-

тер пронесся по пустоши, взметнул остатки Коэновских волос.

— Ради того, что должно быть, — ответил он.

— Ха!

— Ради того, что было.

— Ха!

Коэн взглянул вниз.

Усмехнулся.

— И в обмен на три адреса. Однажды я помру. Однажды, но не сегодня.

С гор дул пронизывающий ветер, наполняя воздух острыми ледяными кристалликами. В такую погоду волки из горных лесов спускаются в деревни, а в глубине чащоб взрываются замерзшие деревья. Вот только волков становится все меньше, да и чащоб почти не осталось.

В такую погоду все нормальные люди сидят дома, перед своими очагами.

И рассказывают друг другу древние предания про героев.

Содержание

5

~~ПЯТЬ~~ ЭРИК

205

ТЕАТР ЖЕСТОКОСТИ

215

МОРЕ И РЫБКИ

299

МОСТ ТРОЛЕЙ

Литературно-художественное издание

Терри Пратчетт
ЭРИК, А ТАКЖЕ НОЧНАЯ СТРАЖА,
ВЕДЬМЫ И КОЭН-ВАРВАР

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Д. Благоев*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *С. Жуков*
Корректор *И. Ермолова*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Валери СПД»
191002, Санкт-Петербург, а/я 24. Тел./факс (812) 316-68-24

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00*

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мясницкий пр-т, д. 12/1.
Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg@logosgroup.ru
ООО «КИФ-ДАКС». 140005 М. О. г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
т. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

*Северо-Западная Компания представляет
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».*
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».
Информация о магазинах и книгах
в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Вы получите настоящее удовольствие, покупая книги в магазинах ООО «Топ-книга»
Тел./факс в Новосибирске: (3832) 36-10-26. E-mail: office@top-kniga.ru

Подписано в печать с готовых монтажей 30.01.2003
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бум. газ. Усл. печ. л. 16,8.
Доп. тираж 5 000 экз. Заказ № 6514.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Терри Пратчетт родился в 1948 году и по-прежнему жив. Стоило ему начать свою карьеру обозревателя криминальной хроники в 1965 году, как уже через три часа на его горизонте появился первый труп. Обширная и разнообразная журналистская практика однажды привела его даже на должность пресс-атташе сразу четырех атомных электростанций.

В конце концов в 1987 году Терри все-таки сделал главный выбор в своей жизни, поняв, что придумывание книг для серии "Плоский мир" — занятие куда более приятное, нежели любая работа.

Вскоре эти книги начали появляться с завидной регулярностью, надежно оккупировав первые строчки списков бестселлеров.

В настоящее время Терри живет в Сомерсете вместе с женой Лин и дочерью Гианной, с трудом выкраивая время для написания книг из-за обильной переписки по e-mail. И тем не менее он твердо уверен, что избранная им профессия ему никогда не надоест.

МОБ Екатеринбург

105198

50-70.

Тратчетт не менее забавен,
чем Вудхауз, и столь же
остроумен, как Во.

Independent

ISBN 5-699-01697-X

9 785699 016976 >